

МИХАИЛ РИНСКИЙ

ЖИЗНЬ И БОРЬБА

**ТЕЛЬ-АВИВ
2015**

МИХАИЛ РИНСКИЙ

ЖИЗНЬ И БОРЬБА

Эта книга посвящена людям, равнодушным к судьбе «мамэ-лошн» - языка идиш и культуры идишкайта, оставшихся для героев книги родными, несмотря на катаклизмы жестокого XX века, когда совершенно противоположными силами и в период Второй мировой войны, и после её окончания было сделано всё для их уничтожения. Прослеживаются судьбы семей нескольких поколений на протяжении всего XX века.

Все очерки написаны на основе личных бесед автора с их героями и (или) близкими этих героев. Все очерки и статьи опубликованы в ведущих израильских русскоязычных газетах, многие – в интернете и за рубежом.

Текст и фото книги защищены авторскими правами

Редактирование и дизайн – Михаила Ринского

Графика и подготовка к печати – Ирина Менабде

Отпечатано в типографии – **דפוס דיגיטלי ב.נ.ג.**

בשיתוף עם בית שלום עליכם

Контактные телефоны автора:

(+972) 3 6161361 (+972) 545529955

e-mail: rinmik@gmail.com

0 08000113006 7
800-113006 דאנאקוד

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Михаила Ринского «Жизнь и борьба» - сборник очерков о людях, которые родились ещё в той поре, когда замечательный язык европейских евреев идиш был обиходным языком миллионных масс. Несмотря на жесточайшие бедствия, пережитые еврейским народом в XX веке, эти стойкие люди не только выжили в тяжёлой борьбе, но остались верными своему народу, своему идишу и его культуре в течение всей жизни. Они говорили между собой и с миром, они творили, в меру своих способностей, на этом языке. Они развивали и обогащали духовные и художественные ценности, участвовали в исторических процессах выживания рассеянного по странам и континентам народа и возрождения его колыбели.

Их бесценное наследие вошло в сокровищницы мировой литературы и культуры, благодаря чему язык идиш, насчитывающий около миллиона лексических единиц, как и произведения искусства на идише, получили международное признание. К сожалению, с каждым годом редуют ряды борцов тех поколений, но живые продолжают бороться, творить, передавать наследие новым поколениям. И зёрна дают всходы...

В самом названии книги «Жизнь и борьба» отражена история языка, как впрочем и история европейских евреев – они неразрывно связаны. Очень важно то, что книга выходит в год 70-летия окончания Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства в жестокой битве с нацизмом, в которых наш народ потерял шесть миллионов собратьев, большинство из которых говорили на идише.

Но в двадцатом веке наш народ и язык идиш претерпели ещё одну катастрофу, которая также нанесла им невосполнимый ущерб и унесла множество говоривших на идише. Это катастрофа советского еврейства в результате политики Ленина - Сталина, выразившейся в отрыве евреев СССР от всемирного

еврейства рассеяния и сионистского движения, а затем – и от еврейского государства. Сионизм и сионистская деятельность преследовались властями с 1920-х годов вплоть до перестройки. Борьба с ивритом, а затем и с идишем стала одним из обязательных элементов «культурной» политики большевистской власти.

Сначала идиш был объявлен родным языком еврейских «трудящихся масс», но со временем Сталин осуществил национально-культурный геноцид евреев и языка идиш, уничтожил всю его основу и жестоко наказал еврейскую элиту 12 августа 1952 года.

Читая книгу Михаила Ринского, знакомясь с судьбами героев его очерков, невольно обращаешь внимание на то, что во многих местечках и городах Польши, Прибалтики, Украины, Белоруссии, Бессарабии и запада России ещё в 1920-х и даже в 30-х годах имелись школы, театры, периодические издания на идише, которые нацизм и сталинизм полностью ликвидировали.

Все очерки в книге Михаила Ринского основаны на подлинных свидетельствах их героев или их близких. Все они не только свидетели Катастрофы – у каждого от рук нацистов погибли родные и близкие. А, например, поэтессе Ривке Басман посчастливилось выжить в нацистских концлагерях. Многие из героев, в том числе и автор этих строк, на себе испытали холод российских лагерей и голод эвакуации. Но при этом все были готовы дать отпор гитлеровскому нацизму, и многие, как например Иосиф Фрайнд и как автор этих строк, стали участниками Второй мировой войны.

В послевоенные годы герои этих очерков все, так или иначе, в разное время стали гражданами молодого еврейского государства и принесли ему большую пользу – кто своим творчеством, кто просто своим трудом. Но всех их, и, к сожалению, ушедших из жизни, и ныне живущих, единит неизбывная любовь к доброму и тёплому языку их юных лет, на котором говорили их деды, родители и который восприняли и они сами. А для многих героев книги идиш стал их творческой профессией.

Ныне живущие герои очерков книги «Жизнь и борьба», рав-

но как и авторы литературного идиша и идишкайта еврейского местечка, продолжают свою благородную работу, опираясь на поддержку тех, кому небезразличны история этого языка и этой культуры, борьба за их сохранение и возрождение. Эту поддержку борцы находят прежде всего у таких принципиальных защитников мамэ-лошн, как Дом Шолом-Алейхема, подлинный народный университет идиша. Трудно переоценить его литературную работу, его курсы идиша разных уровней, его помощь авторам, в том числе и автору книги «Жизнь и борьба».

Книга Михаила Ринского – существенный, весомый кирпичик в построение просторного, насыщенного подлинными экспонатами-фактами здания-мемориала истории европейского еврейства и его языка идиш.

Любарский Лазарь, писатель, публицист, автор очерков на языке идиш.

ОТ АВТОРА

С детства я повседневно слышал идиш: родители, приехавшие в Москву в гражданскую войну из Украины, дома между собой говорили на идише. В доме у нас жили четыре семьи высланных из Москвы в пригород «частных предпринимателей» - все родители в этих семьях говорили на идише, но мы, дети, хотя и понимали, но и в школах, и во дворах общались только на русском. Отец, когда его просили, читал молитвы в местном молельном домике, который негласно арендовали евреи подмосковного городка Перово. Иногда он брал меня с собой.

Дома родители душевно пели на идише. В праздники они брали меня с собой в большую московскую синагогу, а ещё несколько раз – в еврейский театр, благодаря знакомству отца с самим Вениамином Зускиным. Дома у нас были книги на идише и иврите, были и в переводе на русский книги Менделе Мойхем-Сфорима и Шолом-Алейхема – их я читал. Вот и все «мои университеты» в области идиша и идишкайта в школьные годы. В студенческие – ещё меньше. Но этого оказалось достаточно, чтобы в общении, как правило, со своими единоверцами порой вставить присказки и поговорки на мудром идише. И чтобы на всю жизнь проникнуться самыми добрыми чувствами к этому мягкому, доброму языку и его культуре.

Приехав в 1996 году в Израиль, я стал частым посетителем тель-авивского клуба приверженцев идиша «Арбетер Ринг» благодаря моей бывшей однокласснице Мане Беленькой. Она познакомила меня со многими замечательными людьми, такими как Иосиф Фрайнд, Ицхак Люден и многими другими, ставшими героями очерков этой книги. Познакомился и с их принципиальными политическими оппонентами, но столь же принципиальными приверженцами идиша и идишкайта, как Лазарь Любарский. Все они, каждый по-своему, оказались стойкими людьми как в годы Второй мировой войны, так и в послевоенные годы, сохраняя свои принципы и достоинство. У каждого - своя, исклю-

чительно интересная и поучительная биография, каждая – ещё одна страница в тысячелетней истории восточноевропейского еврейства XX века, его языка идиш и его культуры.

Посещая Дом Бейт Шолом-Алейхем, театр Идишпиль, театральные спектакли и концерты еврейских артистов диаспоры, автор убедился не только в безусловной необходимости, но и возможности реанимации и сохранения языка идиш и идишкай-та наряду с историей евреев Европы. Это – моральный долг перед теми, кто с гордо поднятой головой прошёл через превратности судьбы, выпавшие на долю нашего многострадального народа в прошлом веке. В их числе – и герои этой книги.

Все очерки и статьи в этой книге написаны на основании личных встреч и рассказов автору их героев и (или) близких и друзей этих героев. Ими же предоставлены почти все фотографии этой книги. Все очерки и статьи были ранее опубликованы в ведущих русскоязычных газетах Тель-Авива и включены в этот сборник без существенных дополнений и изменений.

Десять лет назад часть очерков, составивших эту книгу, была издана небольшим тиражом как сборник под названием «Жизнь и борьба». Тогда существенную помощь автору оказали секретарь Союза Бунд Израиля Иосиф Фрайнд и его помощники Дина Шайн и Анна Вайнер.

Автор глубоко благодарен главному редактору «Новостей недели» Леониду Белоцерковскому и редакторам Геннадию и Владимиру Плетинским, зам. главного редактора газеты «Вести» Лазарю Дановичу за публикацию в газетах очерков и статей, составивших книгу, и ценные правки при их редактировании.

Особая благодарность израильскому Дому Бейт Шолом Алейхем, оказавшему всестороннюю действенную помощь в подготовке и издании этого сборника.

Михаил Ринский

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ И КАНТОР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Михаил Александрович, 1971 год

В 1914 году мир широко отмечал знаменательный юбилей великого тенора, кантора синагог и исполнителя безграничного репертуара, от классического до народных песен на разных языках, покорителя слушателей в самых престижных залах мира, от Московской консерватории до нью-йоркского Мэдисон сквер Гардена. Особым украшением этого значимого события в музыкальной жизни стал выход в юбилейном году книги журналиста и писателя Леонида Махлиса «Шесть карьер Михаила Александровича. Жизнь тенора». Книга - уникальный труд близкого певцу человека – их тесно связывали свыше трёх десятилетий сначала общая борьба за право репатриации, а затем и общий жизненный путь. Отлично изданный том большого формата содержит на 650 страницах массу сведений, фото – настоящее исследование. К книге приложен диск с записями певца.

Автору этих строк посчастливилось встретиться в Тель-Авиве с Леонидом Махлисом и многое узнать из нашей беседы о великом маэстро и самом авторе книги о нём.

Старшие поколения бывших граждан СССР хорошо помнят великого тенора Михаила Александровича, несмотря на то, что он покинул Советский Союз ещё в 1971 году и был «реабилитирован» в этой стране лишь незадолго до её распада. В течение трёх десятилетий, в 1940-60-х годах, великий певец был

её кумиром. 90 наименований пластинок с его записями общим тиражом свыше двух миллионов было выпущено только в СССР за эти годы.

В латвийском селе, где в 1914 году родился мальчик Миша, его папа, скромный торговец и одновременно музыкант-самоучка Давид Александрович, по счастью, во-время обратил внимание на необыкновенный дар своего сынишки, и уже в шестилетнем возрасте ребёнок был отдан в заботливые руки музыкальных педагогов Риги. В местной Еврейской народной консерватории по достоинству оценили как голос, так и необычную способность мальчика легко справляться с совсем не детским репертуаром, от классических камерных произведений Шуберта и Глинки до еврейских народных песен. На подготовленном педагогами концерте девятилетнего Миши в знаменитом зале «Дома черноголовых» присутствовала вся музыкальная общественность столицы Латвии, в то время уже независимой.

Выступает Миша Александрович, 9 лет

Потом были четыре года выступлений в Литве, Польше, Германии, Эстонии. Ему аккомпанировали композитор, «король танго» Оскар Строк, будущий главный дирижёр Литовской оперы Лев Гофмеклер, другие звёзды. В период юношеской ломки голоса Миша учился в Рижской консерватории по классу скрипки.

К тому времени в Латвии, под влиянием нацистов Германии, начались гонения на евреев, и отец посоветовал молодому певцу, которому удалось сохранить мягкий лирический тенор, принять участие в конкурсе на должность главного кантора синагоги английского Манчестера. Из 112 претендентов был выбран Михаил. Там 18-летний юноша приобрёл опыт профессионального кантора и обогатил своё мастерство, консультируясь у маэстро Биньямино Джильи, которого он регулярно

Афиша выступления Миши Александровича

навещал в Риме. Затем пел в синагоге литовского Каунаса, в Литовской опере, давал концерты как синагогальной, так и светской музыки. Талант и богатейший светский репертуар, включавший и русскую классику, позволили молодому Александрови-

чу после событий 1940 года «вписаться» в советскую действительность.

22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз. Во время войны Михаил стал фронтовым певцом, но в любых обстоятельствах выступал перед солдатами в концертном костюме. Репертуар его неизменно включал арии из опер, неаполитанские и фронтовые песни, а когда просили и позволяли - песни на идише.

В первые месяцы войны Михаил встретил молоденькую студентку рижского балетного училища. У Раи погибла в оккупации вся семья, она не говорила по-русски, у неё не было документов. Помощь Михаила буквально спасла девушку. Она стала верным спутником всей дальнейшей жизни певца.

Рига. 1940 год

Талант и активная концертная деятельность певца в годы войны и послевоенный период были по достоинству оценены на самом высшем уровне: Михаил Александрович не только избежал репрессий в периоды «борьбы с космополитизмом» и «дела врачей», но стал заслуженным артистом страны и лауреатом сталинской премии. Без согласия Михаила его даже приказом министра культуры оформили со-

Михаил Александрович поёт в Московской синагоге

листом Большого театра, но Александрович не счёл возможным принять это, столь вожаденное для певцов назначение по ряду причин, в том числе – из-за своего роста 158 сантиметров.

Лишь дважды, в 1945 и 1946 годах, Александровичу власти разрешили петь в Московской хоральной синагоге - в международных дни поминовения. В эти дни у главной синагоги столицы, вмещавшей полторы тысячи человек, собиралось до 20 тысяч евреев. Позднее Михаил Александрович встречался и с первым послом Израиля Голдой Меир. Не опасался певец посещать израильское посольство и в дальнейшем, вплоть до 1967 года, когда по инициативе СССР после Шестидневной войны были разорваны дипломатические отношения между ним и Израилем.

Политика «кнута и пряника» в отношении выдающихся деятелей литературы и искусства продолжалась и в последующие десятилетия. Но трудно было затмить славу певца, выступившего в стране в шести тысячах концертах, в том числе в шестистах – на фрон-

1968 год. Ограничение – не более 5 сольных концертов в месяц

те. Несмотря на эти заслуги, два министерских приказа в 1960-е годы ограничили Александровичу число сольных концертов в месяц сначала до десяти, а затем – и до пяти. Позиция советских властей по отношению к еврейскому государству и резкое ужесточение личных репрессий – всё это вынудило выдающегося певца подать документы на выезд в Израиль вместе с женой Раей и дочерью Илоной.

После подачи документов известный тенор был полностью отлучён от какой-либо концертной деятельности, ему отказывали и те, кто ещё недавно добивался его внимания или выступления. А власти не спешили давать положительный ответ. Многие «отказники» терпеливо, годами обивали в одиночку пороги ОВИРа, но Михаил Александрович избрал активную позицию: уже в сентябре 1971 года он вместе с дочерью Илоной принял участие в демонстрации протеста двухсот «отказников» у здания ЦК КПСС. Демонстранты избрали троих своих представителей – Михаила Александровича, писателя Давида Маркиша и Леонида Махлиса - их принял начальник одного из отделов ЦК КПСС Альберт Иванов. Под окнами приёмной демонстранты развернули написанное на простыне изречение: «Отпусти народ мой!». 20-минутная «беседа» свелась лишь к требованию: «подавали заявления на выезд по отдельности – вот и обращайтесь индивидуально, а любые групповые действия повлекут строгие наказания для всех».

В приёмной ЦК и познакомились Михаил Александрович и Леонид Махлис, чтобы затем свыше трёх десятилетий идти по жизни, что называется, рука об руку. 26-летний Леонид, избранный «отказниками» в тройку их делегатов, вместе с маэстро и сыном репрессированного выдающегося еврейского поэта и писателя, был ещё мало кому известным, но зато, как он сам шутит, ЦК был для него «родным домом». Дело в том, что в 1962 году первым местом работы его, ещё школьника, была библиотека Института марксизма-ленинизма, располагавшаяся напротив Института кинематографии (ВГИКа). Получал он там всего-то 45 рублей, но очень дорожил своим местом, так как имел доступ к специальным фондам библиотеки и очень многое, исторически

и жизненно интересное, почерпнул за полтора года работы.

Затем была учёба на филологическом факультете МГУ, после которой вершиной «карьеры», как шутит Леонид, стала должность «завлита»... Театра зверей «Уголка Дурова». Никому из персонала не нужный, сидел он в своей коморке под куполом, изредка беседуя с соседками-обезьянами на иврите, который тайно изучал по пособиям, полученным когда-то от сотрудников посольства Израиля. Журналистский же опыт Леонид копил еще со школьной скамьи, работая внештатно в АПН и центральных газетах. Дорога к штатным должностям была окончательно и бесповоротно перекрыта в 1965 году, когда его впервые вызвали на допрос в следственную тюрьму КГБ в Лефортово. Пока как свидетеля. Но, «копая» под других, пытались уличить и Леонида в «неискренности». Перед ним положили папку с копиями писем, которые Леонид писал брату в возрасте... 14 лет. Обоим братьям стало ясно: из страны, где закон допускает слежку за детьми, надо бежать. И чем раньше, тем лучше. Но такой шанс представится лишь спустя шесть лет.

Протест у ЦК КПСС возымел действие: уже 7 октября 1971 года, после года борьбы, вылетел в Вену Леонид Махлис, сразу вслед за ним – его мать и сестра с семьёй, но брата Владимира задержали – пилот вертолёт, по мнению властей, был опасен для интересов страны, которая не хотела «укреплять израильскую военную авиацию готовыми кадрами». Отец остался в Союзе, но их отъезду не препятствовал.

Михаил Александрович с женой и дочерью покинули Советский Союз 29 октября 1971 года, а 7 января, в первый шабат 1972-го, в Большой синагоге города Рамат-Гана началось богослужение, которое

Обложка книги Леонида Махлиса
«Шесть карьер Михаила Александровича»

вёл новый главный кантор синагоги, лауреат сталинской премии Миша Александрович. 11 января 1972 года состоялся торжественный приём в честь певца в мэрии Тель-Авива, и далее – концерты, восторги зрителей и газет, одна за другой – пластинки. Особо необходимо отметить концерт в «Гейхал а-Тарбут» Тель-Авива, в зале на 3000 мест, 6 марта 1972 года, «под патронажем» главы правительства Израиля Голды Меир.

С Голдой Меир в Израиле

Но концертную деятельность и гастрольную активность певца, да и его повседневную жизнь связывал по рукам и ногам двухгодичный контракт с синагогой Рамат-Гана: следили за каждым его шагом, за тем, что он ест, кому пожимает руки, не нарушает ли религиозные предписания. Отчасти поэтому Михаил Александрович не очень долго раздумывал над предложением американского миллионера, владельца нью-йоркских многоэтажных парковок Абрахама Гиршфельда – тот быстро органи-

низовал певцу ангажемент – серию концертов по США и Канаде. Популярность и признание новой аудитории буквально обрушились на певца после концерта перед 15-тысячной аудиторией в «Медисон сквер гарден». Михаил остался доволен весенним 1972 года турне, хотя гонорар его составил всего пять тысяч долларов вместо обещанных пятидесяти. «Нью-Йорк Таймс» отозвалась на запоздалое открытие новой звезды рецензией, которая начиналась словами: «Миша Александрович – самый охраняемый культурный секрет России». В июне 1972 года Михаил продолжил канторскую службу в Рамат-Гане.

Тем временем молодой друг Михаила, бывший «отказник» Леонид Махлис, прилетев в Израиль, немедленно развил бурную деятельность по вызволению брата – лётчика и других ев-

реев, которым власти СССР всё ещё запрещали выезд на историческую родину. Убедившись, что Израиль мало чем может повлиять на позицию советских властей, Леонид улетел в США и Канаду, где в эти годы активно поддерживалась борьба «евреев молчания» на правительственном и общественном уровнях. Вскоре в Конгрессе США прозвучали выступления конгрессменов и сенаторов в защиту Владимира, а Президент Никсон назначил Леониду встречу в Белом доме за две недели до своего визита в Москву. В результате – уже в мае 1972 года брат получил разрешение на выезд.

Ещё во время репатриации, на пересадке в Вене, Леониду было сделано предложение – работа журналиста на радио «Свобода». Больше года Леонид размышлял. Точнее - размышляли две семьи, Махлисы и Александровичи. Дело в том, что дружба и взаимодействие, объединявшая «отказников» Леонида Махлиса и Илону Александрович, переросла в чувства, и речь шла о переезде в Мюнхен и её. Были, конечно, и сомнения, связанные с адаптацией в Германии – виновнице Катастрофы еврейского народа. Словом, решили принять предложение и пару лет поработать в Мюнхене – это решение открывало перед молодой парой широкие профессиональные возможности.

С августа 1973 года Леонид Махлис приступил к работе в Мюнхене, в сентябре в этот город приехала и Илона, и уже на 29 октября назначили свадьбу. Естественно, она не мыслилась

без ближайших родственников, тем более – родителей. Но начавшаяся 6-го и длившаяся до 24 октября арабо-израильская «война судного

Михаил Александрович с супругой Раей (слева), дочерью Иланой и Леонидом Махлисом после концерта в «Волдорф Астория», Нью-Йорк, 1977 год

дня» едва не нарушила все планы, а работа, в связи с войной, аэродрома Лод едва не сорвала прилёт Александровичей-старших на свадьбу дочери. Им удалось это лишь за день до счастливого события. Сам Михаил Александрович пел на свадьбе, благословляя молодых, чем вызвал замешательство местного раввина, обратившегося к молодожёнам с ехидным вопросом: «А в ресторан вы тоже приходите с собственной котлетой?».

После возвращения из Мюнхена Михаил и Рая недолго оставались в Израиле: как раз вскоре завершилась работа по контракту кантора в синагоге Рамат-Гана, и Александровичи переехали в США. Здесь они прожили 17 лет, до 1990 года. Михаил Александрович все эти годы выступал как камерный певец и кантор, неизменно с восторгом принимаемый аудиторией. Некоторые американские газеты даже находили что-то мистическое в его исполнении, биографии, певческом долголетии – 75 лет на сцене!

Репертуар Михаила Александровича был на редкость богат и разнообразен. Только оперных арий – свыше 80-ти! Он включал в концерты как классику, так и песни, итальянские и русские, американские и еврейские. Он выступал перед любой аудиторией, в том числе, по словам Леонида Махлиса, «обожал аудиторию русскую... Ему всегда не хватало её...». Певец сохранял добрые отношения с российскими композиторами Т. Хренниковым, Г. Свиридовым и многими другими. Он дружил с выдающимся тенором Большого театра Иваном Козловским. Когда М.

С младшими братьями Ицхаком (слева) и Менделем, Рижское взморье, 1998 год

Ростропович спросил Козловского о том, как он относится к эмиграции Александровича, Иван Семенович ответил: «Плохо: петь стало не с кем». В период «перестройки» певцу предложили серию концер-

тов в России. Он согласился при условии, что они должны быть благотворительными. В результате трех турне, певец дал в разных городах, от Магадана до Одессы, более 40 концертов.

Между тем Илона и Леонид вместо двух лет «задержались» в Мюнхене надолго, Они и поныне живут и трудятся в этом городе. До 1995 года они успешно работали на радио «Свобода», а когда это радио было переведено в Прагу, занялись переводами. Леонид Махлис, помимо этого, редактировал два специализированных журнала по вопросам международной безопасности.

Выйдя в 1990 году на пенсию, в Мюнхен переехали из Америки Михаил и Рая Александровичи. Впрочем, Мюнхен уже был «освоен» певцом ранее: здесь он издал в 1985 году свою книгу «Я помню...», переизданную в 1992 году и в России. С московской общественностью он никогда не порывал связей. В 1994 году по случаю 80-летия певца навестили министр культуры России Е. Сидоров и Генконсул П. Лядов. Свой последний концерт Михаил Александрович дал именно в Москве, в Большом зале консерватории, в 1997 году. Выдающийся певец ушёл из жизни в июле 2002 года, за три недели до своего 88-летия. Его верная Рая – в 2011 году.

Илона и Леонид бережно хранят память о них. Лучшим доказательством этого служит фундаментальный труд – книга Леонида Махлиса «Шесть карьер Михаила Александровича. Жизнь

Леонид Махлис беседует с автором.
Тель-Авив, 2015 год. Фото автора.

тенора» (издательство «Весь мир», 2014 год), изданная накануне 100-летнего юбилея великого певца. Автор книги подчёркивает, что на всех стадиях её создания ему активную и всестороннюю помощь оказывала дочь героя книги и жена автора Илона.

На презентации книги в Москве авторитетный литературовед и музыковед Святос-

лав Бэлза, отметив, в частности, что книга «по сути дела - биографический роман, потому что сама жизнь была романом».

В книге – никогда прежде не публиковавшиеся рассказы о встречах М. Александровича с Ф. Шаляпиным, И. Козловским, С. Рихтером, Д. Ойстрахом, М. Ростроповичем и другими выдающимися музыкантами. Эпизоды встреч с И. Сталиным, Н. Хрущёвым, Е. Фурцевой, маршалами Г. Жуковым и К. Ворошиловым, с Г. Меир и Р. Никсоном.

За московской презентацией последовали и другие. А в ноябре вышел на экраны документальный фильм режиссёра Владимира Шаронова «Как соловей о розе...», название которого повторяет одну из любимых песен певца – миниатюры Тихона Хренникова из музыки к пьесе Шекспира «Много шума из ничего». Фильм создан по материалам и при участии Илоны и Леонида Махлисов и наглядно иллюстрирует замечательную книгу. Эти талантливые произведения, эти многочисленные встречи - весомый вклад в увековечение памяти великого певца.

Святослав Бэлза, Илона и Леонид Махлис на презентации книги «Шесть карьер Михаила Александровича»

РЕДАКТОР, ПИСАТЕЛЬ, ИСКУССТВОВЕД

Ицхак Люден на трибуне

Через нечеловеческие испытания прошёл этот волевой человек и не просто выжил, а стал выдающимся деятелем идишкайта. Такое по силам только человеку высоких принципов и душевных качеств.

ПОЛЬША: СУРОВАЯ ЖИЗНЕННАЯ ШКОЛА

Ицхаку с детства было кем гордиться: у него был сильный отец и два старших брата. Уриша Людена уважали: он был квалифицированным варшавским маляром, у него было несколько помощников. В окопах Первой мировой войны Уриш отдалился от догм веры, а позднее и жена его Хана, много читавшая, пришла к тем же выводам и перевела старших детей из хедера в светскую еврейскую школу. А Ицхак и все семь классов проучился в такой школе. Хана стремилась дать детям образование, внушала им тягу к знаниям, ставшую одной из черт характера Ицхака.

Иосиф, старший брат, был коммунистом, долго сидел в тюрьме, но «перевоспитался» там только в троцкиста. Абрам был всего на два года старше Ицхака, но всё-таки когда Ицхак был только в СКИФе, детской организации рабочей партии Бунд, Абрам уже был в ЦУКУНФТе, молодёжном объединении этой партии.

Отец, мать, братья сыграли решающую роль в формировании и мировоззрения, и характера Ицхака; их стойкость и действия в разного рода непростых жизненных ситуациях были для него ориентирами.

Родился Ицхак в 1924-м и как раз незадолго до войны успел

закончить седьмой класс, даже устроился и поработал в фотолаборатории. Немецкое вторжение в Польшу 1 сентября 1939-го перевернуло всю жизнь семьи. Старшие братья в первые же дни ушли на восток: с ними немцы расправились бы в первую очередь. Сразу скажем: Иосифу удалось нормально устроиться в глубинной России, скрыв, конечно, свою троцкистскую идеологию, и в конце концов он умер в Израиле в возрасте 92 лет, но уже убеждённым анархистом. А вот Абрам, оставшийся в 1939-м в Западной Украине, после нападения Германии на СССР не успел эвакуироваться и погиб.

Родители с Ицхаком и двумя дочерьми остались в Варшаве. До июня 1940-го Ицхак оставался в оккупированной немцами Польше. Бесчинства фашистов становились всё более масштабными, и молодому парню – еврею оставалось только либо стать их жертвой, либо уходить на восток.

РОССИЯ: ХОЛОДНЫЙ ПРИЁМ

Ицхаку удалось благополучно переправиться через пограничную реку Буг, и он доверчиво сдался советским пограничникам. Но вместо жарких объятий – приговор: 10 лет за нелегальный переход границы. И ярлык немецкого шпиона – еврею-то! Да к тому же 16-летнему.

В тюрьме города Белостока в камере Ицхака размещалось 120 человек: 20 – на койках, 20 – под койками и по 20 – на многоярусных нарах у каждой из четырёх стен камеры. И в этих условиях Ицхак провёл восемь долгих месяцев, с той лишь разницей, что к весне стало возможным открыть форточки.

Весной 41-го отправили эшелоном на север, в железнодорожный лагерь Воркутстрой, в Большой Инте. Построили себе землянки, на 80 человек каждая, в болотистой местности, на вечной мерзлоте. Неудивительно, что в лагере свирепствовали цинга, малярия, дизентерия, туберкулёз... Работа была тяжёлая: валили лес и строили из брёвен деревянные дороги. К тому же ещё до места работы надо было пройти до 12 километров. Всё это – при скудном питании. Люди гибли. Ицхак переболел в

лагере всеми перечисленными болезнями. Одним из осложнений стала частичная потеря памяти.

За малейшую провинность, а то и просто по прихоти охраны с заключённым могли сделать что угодно. Однажды Ицхак, освобождённый от работы по болезни, читал газету. Несколько таких же больных попросили почитать вслух. Как раз он читал опубликованную речь Черчилля. Проходивший мимо комендант вырвал у Людена газету и больного - в карцер. Без объяснений.

В лагере содержались практически нераздельно воры и политические, рецидивисты и иностранные граждане. Царил полный беспредел. Легко представить себе, чем могло кончиться для Ицхака пребывание в таком заведении, если бы осенью 41-го года польское правительство в эмиграции не добилось освобождения граждан Польши из советских тюрем и лагерей и свободного поселения их на территории Союза.

Ицхак решил ехать в город Бузулук, где, как ему сказали, должна была формироваться польская армия, которой предстояло сражаться на советско-германском фронте. Разными поездами – пассажирскими и эшелонами – пытался добраться до этого города Люден, но все пути были перекрыты. В конце концов, после шести недель странствий, он оказался в Ташкенте. Здесь несколько дней пришлось провести в привокзальном парке: в город не выпускали.

УЗБЕКИСТАН: СКИТАЛЕЦ

Был конец ноября, холодно. У совершенно ослабевшего Ицхака открылся туберкулёз костей, и в тяжёлом состоянии он оказался в госпитале города Вревска, в 30 километрах от Ташкента. Здесь, когда здоровье пошло на поправку, стал на маленьких листочках из пакетиков использованных порошков записывать всё, что сохранила память, несмотря на частичную её потерю: о тюрьме Белостока и северных лагерях, о пережитом, условиях и людях, с которыми пришлось столкнуться. Конечно, был риск получить ещё десять лет, если бы у Людена обнаружили эти листочки, но хотелось зафиксировать этот дикий беспредел.

Соседа Ицхака по палате навещал узбек – кладовщик из соседнего колхоза. Он пригласил Людена поселиться после выздоровления у него, оставил адрес. И вот, выйдя из госпиталя, Ицхак пешком, за 15 километров, отправился в колхоз. При всех его болезнях, у него ещё была недолеченная куриная слепота: в сумерках вообще переставал видеть. В колхоз он пришёл уже далеко затемно и даже совершенно не помнит, кто и как ему помог попасть в колхоз и в дом к хозяину. Приняли его очень хорошо, сытно и вкусно накормили и уложили спать. Но наутро вдруг оказалось, что всех колхозных мужчин, включая хозяина, отправляют надолго на какие-то работы. Ицхаку неудобно было оставаться в доме в отсутствие хозяина с его женой. Ему дали ишака – доехать до станции, и он направился в Ташкент.

В узбекской столице Людену дали направление в колхоз. Но, познакомившись с одним беженцем из Польши, Ицхак решил вместе с ним ехать в лагерь Гузар на границе с Афганистаном, где вербовали поляков в армию генерала Андерса; затем их переправляли через Иран на запад. Трудно добирались Люден с попутчиком, пешком и поездом, до лагеря. По дороге голодали. За молоко и лепёшки для себя и товарища Ицхак продал пальто – последнее, что ещё можно было продать. В это время он весил всего 35 килограммов – можно представить себе степень его истощения. Но в лагере Людена не приняли не только по этой причине: здесь был свой антисемитизм. В армию Андерса не принимали «рядовых» евреев – только врачей и имевших высшее образование.

Всех «отбракованных» отправили под советским конвоем на станцию Каган, недалеко от Бухары. Там ждали распределения. Десять дней сидели – не было документов. У Людена было к тому же ограничение на места проживания по статье 39 – для имевших судимость. В конце концов отправили в Каракалпакию, в город Турткуль. Из Чарджоу плыли шесть дней пароходом по Амударье.

КАРАКАЛПАКИЯ: ТЕПЛО, НО НЕУЮТНО

В колхозе «Кызыл-орда», глубинном, далёком от железной дороги, пока ещё было много еды, фруктов. Для изголодавшегося юноши – настоящий рай. Жил на чердаке дома председателя, у которого всего было вдоволь. А между тем по карточкам полагалось всего несколько лепёшек.

Евреев в колхозе не видели отродясь. Как-то местная старушка спросила Ицхака, встречал ли он когда-нибудь «джунта» - еврея, и удивилась, узнав, что перед нею еврей. Но на хорошем отношении к нему это не отразилось. Люден быстро осваивал языки, даже писал узбекам письма, бумаги, заявления на русском и узбекском.

На расположенной неподалеку экспериментальной сельскохозяйственной станции работали поляки, имевшие связь с Союзом польских патриотов. Ицхака включили в списки, стал получать хорошие вещи, делился со своими колхозными друзьями. Со временем в колхозе становилось с продуктами всё труднее, всё увеличивали обязательные поставки фронту. Многие голодали.

Зимой 43-го Люден решил уехать в Турткуль в надежде получить в военкомате направление в армию. Провожали тепло, всем колхозом. В военкомате предложили вернуться в колхоз: «вызовем, если надо будет». Решил остаться в городе и учиться: в местном сельскохозяйственном техникуме Ицхака приняли, дали койку в интернате, карточки, обеды, небольшую стипендию. У общительного парня сразу нашлись друзья. В частности, познакомился с руководителем местного оркестрика – армянином. Напевал ему польские и еврейские песни, а тот разучивал их с музыкантами. Было интересно наблюдать, как на танцевальных вечерах узбеки танцуют под мелодию песни «Ба мир бист ду шейн». Правда, Ицхак не знал, что в это время под эту мелодию во всей России пели антисемитскую песенку: «...О, боже, боже мой...», а Утёсов высмеивал с эстрады под эту же мелодию отступающих оккупантов: «Барон фон дер Пшик...»

В техникуме Ицхаку, несмотря на языковые барьеры, учиться

ся было несложно. Бывали и разного рода случаи. Например, однажды один из учеников, Осипенко, спросил у преподавателя, правда ли, что Троцкий был евреем. Люден с места резко бросил: «Маркс тоже был евреем!». После уроков между Осипенко с его приближёнными и Ицхаком состоялось «разбирательство».

В столовой подчас обеда были далеки от совершенства и по качеству, и по количеству. Однажды Ицхак и ещё один ученик, сынок партийного руководителя, организовали «забастовку протеста» - срыв урока. На третий день приехал майор для расследования. Ицхаку повезло: в беседе с глазу на глаз майор ему сказал: «Ты можешь получить за это минимум восемь лет. Впредь будь осторожен». То ли майор был хороший человек, то ли дело замяли, чтобы спасти партсынка – сподвижника Ицхака.

СУДЬБА ЕВРЕЙСКОГО ПОЭТА

Ещё живя в колхозе, Люден узнал, что в Турткуле живёт еврейский поэт и драматург из Польши Моше Бродерзон. Ещё в детстве Ицхак пел песни на его слова. Пьесы Бродерзона ставились в лодзинском театре. Он был очень образованным человеком. Родился Моше в Петербурге. Жена его Мирьям, пианистка, во всём способствовала его творчеству, даже писала музыку на его стихи. В Турткуле Бродерзоны жили вместе с дочерью и внучкой в небольшой кибитке.

Ицхака приняли тепло. Всё время до отъезда семьи он был желанным гостем. А они для молодого парня – не только настоящей отдушиной от той среды, которая его повседневно окружала, не только возможностью общения на родном идише, но и маяком культуры, стремление к которой в нём воспитала ещё мать.

В Турткуле Моше пришлось работать на почте – надо было содержать семью. Но он продолжал писать на идише.

Однажды Моше встретил Ицхака с радостным юмором:

- Скажи мне «Мазаль тов!» Меня приняли в Союз советских писателей! А это – девять килограммов мяса. Но зато теперь я обязан подвывать под их дудочку.

Когда Ицхак принёс Бродерзонам две толстые тетради своих тюремных и лагерных «мемуаров», переписанных с листочков из-под порошков, Моше, прочтя их, посоветовал автору самому перечитать тетради раз десять, запомнить и сжечь, чтобы не пришлось повторить эти события.

В 1943-м, когда польским беженцам предоставили возможность переехать из Узбекистана в освобождённую Украину, Бродерзоны уехали в Запорожье. Ицхак в это время лежал в больнице и не мог к ним присоединиться. Моше поначалу старался и Ицхаку прислать вызов на Украину, но потом, убедившись, что и там голодно и беспокойно, отсоветовал ему пока ехать.

Чтобы до конца проследить жизнь этого неординарного человека, скажем, что в 1948-м поэту Бродерзону – «космополиту» дали пять лет. По возвращении его в Польшу в 1953-м ему устроили тёплую и масштабную встречу, но здоровье Моше было подорвано, и через две недели после возвращения он умер от сердечного приступа.

Мирьям пережила мужа на двадцать лет, перевезла прах поэта и захоронила его в Израиле. Умерла в Израиле в возрасте 90 лет.

МОЛДАВИЯ – ПОЛЬША

Ицхак с товарищем по техникуму Решетниковым послали заявления с просьбой о приёме в институты Риги и Кишинёва. Из Риги ответа не дождались, а из Кишинёва получили приглашения и вызовы. Но разрешение на выезд поначалу местное УВД выдало только Решетникову, и он уехал поездом через Ташкент. Через некоторое время и Люден всё-таки получил разрешение и, тепло со всеми попрощавшись, улетел в Ташкент самолётом. На дорогу его снабдила пирожками мать Решетникова; учительница дала адрес, где остановиться в Ташкенте. На сей раз он показался Ицхаку цветущим и гостеприимным. Так и не встретив Решетникова, Ицхак продолжил путь поездами.

Этот путь едва не оказался для молодого лихача последним. На одной из станций под Ростовом он выбежал за кипят-

ком. Поезд тронулся. Ицхак ухватился за поручень двери и за протянутый из вагона приклад винтовки, вскочил на ступеньку, но ноги соскользнули, и он повис. Километра три держался, но всё же упал и, слава Богу, не под колёса. Хорошо, что быстро подвезли к ближайшей станции, там дали телеграмму – сняли с поезда вещи Ицхака, и следующим поездом он их «догнал».

В Кишинёве встретились с Решетниковым. Поступили в Кишинёвский сельскохозяйственный институт, но стать агрономами им не было суждено. Вскоре Решетников уехал в Москву, запасшись яблоками, которые он там, хотя и подмороженные, продал по три рубля за штуку.

Уже через полгода учёбы Люден свободно изъяснялся на румыно-молдавском. Но весной приехал представитель Польши, и в июне 1946-го Ицхак Люден был уже в Варшаве. Ходил по руинам - ни дома и никого из близких. Родители и две сестры погибли...

Оставаться в Варшаве было тяжело. Поехал в Лодзь, поселился там в общежитии Еврейского комитета для студентов, сдал экзамены и поступил учиться в Высшую академическую школу кинематографии. Больше других предметов его интересовали история искусств, кино- и фотоискусство. Здесь Ицхак включился в работу Бунда, в эти первые послевоенные годы развернувшего свою работу, но затем, после отказа от слияния с другими партиями, запрещённого просоветскими властями.

Ицхак Люден

Очевидцы, общавшиеся с Люденом в этот период на съезде молодёжи Бунда и в лагере Бунда, отмечают его коммуникативность, активность и весёлый нрав, несмотря на пережитое.

Ицхак не мог не видеть того, что положение его народа в Польше, народа - жертвы Катастро-

фы, остаётся неясным. Уже в год его возвращения в страну был допущен кровавый погром в Кельце. А в 48-м была прекращена деятельность еврейских партий. Как раз в этом же году было провозглашено Государство Израиль. У Ицхака не оставалось никого из близких в Польше. Он решил выехать в молодую страну своего народа.

В конце 1948-го группа, организованная Сохнутом, пятьсот человек, была доставлена по морю из Щецина на север Франции, оттуда поездом в Марсель и снова морем – до Хайфы.

ИЗРАИЛЬ: ВОСХОЖДЕНИЕ

Из Хайфы Людена направили в «Бейт-олим», дом для репатриантов, в Раанане. Удалось устроиться на знакомую работу, в фотолабораторию в Герцлии, а позднее – в кинолабораторию. В 1950 году призвали в ЦАХАЛ, и два года Ицхак занимался делом, близким к своей гражданской работе: аэрофотосъёмкой. Когда через два года демобилизовался, в кинофирме вакансий не было, и пришлось вновь вернуться к искусству фотографии.

Пригласили временно поработать в газете «Летцте наес» - «Последние новости» на родном для него идише, да так и задержался в этой редакции на 40 лет. Работа под руководством главного редактора газеты и

писателя Мордехая Цанина сыграла большую роль в становлении молодого журналиста, а затем и редактора, и писателя-публициста Людена.

В 1958-м году определилась личная жизнь Ицхака. Эстер - опытная учитель и воспитатель по профессии. За эти годы у них выросли две замечательные доче-

Секретарь Бунда Израиля Иосиф Фрайнд, легендарная связная Варшавского гетто Владка Мил и Ицхак Люден

ри, которым они дали прекрасное образование, и сейчас они успешно работают за границей. Старшая, кроме основной работы, ещё и сотрудничает в газете на идише «Ди грине медина» - «Зелёный край». Растут два внука.

В 1966 году Люден поступил в университет Тель-Авива, но именно в это время у него обострились болезни, связанные с пережитым им в годы войны. Ицхак пролежал в больницах в общей сложности свыше десяти месяцев, и затем долгое время потребовалось ему для восстановления своего здоровья. И всё-таки этот стойкий человек, в возрасте почти полувековом, в 1971 году продолжил учёбу в университете и через четыре года окончил полный курс по специализациям философии и истории искусств.

Уже в первые годы жизни в Израиле Ицхак не только возобновил работу в партии Бунд, но стал одним из её активистов. Поэтому не случайно, когда в том же 1971 году скончался редактор газеты партии Бунд Израиля «Лебенс фрагн» - «Вопросы жизни» - Оскар Артузский, идеолог и один из руководителей партии, Людену предложили пост редактора газеты, который он занимает по сей день. Несмотря на то, что деятельность Союза Бунд практически свёрнута, газета «Лебенс фрагн» остаётся последней газетой на идише в Израиле.

После кончины его друга и единомышленника Иосифа Фрайнда Ицхак Люден возглавил работу клуба «Арбетер ринг», ставшего филиалом Дома Шолом-Алейхема, и продолжает успешно руководить этим клубом идишистов по сей день, совмещая эту работу с редактированием газеты.

Ицхак Люден продолжал работу в «Летцте наес» до 1992-го года. Люден публиковался также в американских газетах на идише «Ди цукунфт», «Форвертс», «Культур лебн», в мексиканской «Форойс». Ныне выпускаются только две первые. Ицхак и по сей день публикуется в иностранной печати.

Люден был членом Всемирного координационного комитета партии Бунд, штаб-квартира которого находилась в Нью-Йорке. Он присутствовал практически на всех съездах и конгрессах партии. Был членом редколлегии журнала «Унзер цайт» - «Наше

И. Люден и Б. Сандлер,
в тель-авивском клубе Арбетер ринг

наториум-бух» - книгу о подвиге педагогов варшавской школы-санатория имени Медена, созданной партией Бунд в 1926 году для больных детей. Подобно Корчаку, преподаватели школы разделили участь детей школы, погибнув вместе с ними в печах фашистского крематория.

Ицхак Люден переводил «Макамот» - белые стихи Хаима Хефера. Редактировал книгу «Кемфер-парад» - «Парад бойцов».

Он был в первой группе израильских журналистов в Египте – свидетелей мирного процесса. Весь этот процесс с ноября 1977-го до марта 1979-го описан Люденем в ёмкой книге на идише «Фон холем цу шолом» - «От сна к миру». В книге – 230 страниц. Здесь автор выступил и как зрелый журналист, и как писатель-публицист. Он – член Союза писателей и журналистов, пишущих на идише. Пользуется всеобщим уважением идишистов за его бережное отношение к языку, внимание к его развитию. Недаром в разные годы Ицхак Люден удостоен в общей сложности 16-ти премий, из которых для себя считает наиболее ценной премию Ицика Мангера, присуждённую ему в 1991 году за литературную деятельность.

время», главного теоретического органа партии. К сожалению, как партия, так и её печатный орган в последние годы прекратили своё существование.

Люден – редактор ряда интересных книг. Ещё в 1976 году он редактировал «Меден-са-

Обложка книги И. Людена
«От мечты к миру»

НОВАЯ ВЕРШИНА – ИСКУССТВО

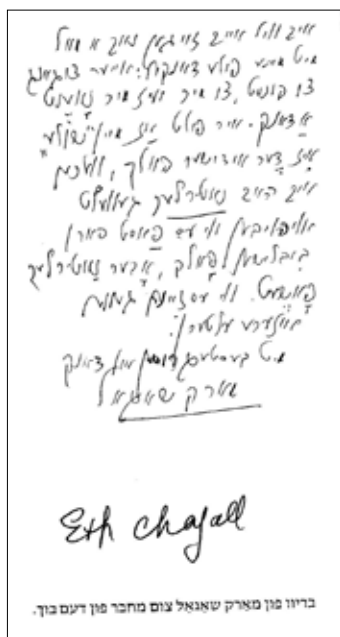
Неизбывная, постоянная тяга Ицхака Людена к дальнейшему интеллектуальному развитию, к познанию, приведшая его к университетскому искусствоведческому образованию, дала свои весомые и сочные плоды: в 1987-м году им издана, а в дальнейшем дополнена уникальная книга на идише по искусству. Уже то, что прекрасно оформленная книга включает 500 чёрно-белых и цветных иллюстраций, говорит о её значимости.

Название книги «Перл фун ган-эден» - «Жемчужины райского сада» - уже само по себе интересно своей историей. Художник Делакура сопровождал делегацию французского правительства в Марокко, чтобы запечатлеть визит – фотографии тогда ещё не было. В Танжере его гидом был еврей, который познакомил его с образом жизни своих местных единоверцев. Образы еврейских женщин поразили художника. Он писал другу: «Они – как жемчужины райского сада». Люден использовал эту характеристику выдающегося художника для названия книги.

Содержание книги можно охарактеризовать, приведя названия её частей:

1. Взгляд в сад искусства.
2. Художники, которые делали историю.
3. Еврейские художники в мире.
4. Пластическое искусство в Израиле.

В книге - многочисленные интересные находки автора, в том числе в его личном подходе к тем или иным людям искусства и их произведениям. Это уже дело профессионалов искусства. Но трудно пройти мимо интересного и пока ещё недостаточно известного письма Марка Шагала лично Людену, написанного в 1977 году в ответ и как благодарность за присланную ему статью Людена. В этой статье, опубликованной в Израиле, критиковался неуважительный приём, оказанный великому художнику, достоянию еврейского народа, посвятившему ему свою творческую жизнь, тем более - приехавшему в страну в почтенном 90-летнем возрасте, чтобы отметить свой юбилей именно со

Фрагмент письма Марка Шагала

своим народом. Критиковались организация, содержание и экспозиция трёх выставок и размещение витражей работы Шагала, не согласованные с автором заранее.

В своём ответном письме Шагал пишет на идише:

«Франция, Ст. Паул. Дорогой Люден, я благодарю Вас за любезное предоставление мне Вашей статьи. Мне досадно, что я Вас не видел в стране, когда я был там. Меня трогает Ваша манера письма и подход к восприятию моего творчества. Я согласен с Вашим мнением о тех выставках, которые были (спешно) организованы в стране. Как Вы пишете, я был далеко. Сейчас в Париже правительство открыло мою выставку в Лувре за последние 10

лет. Мне кажется, что никто из Израиля эту выставку не видел. Часть выставки экспонировалась раньше в музее Ниццы.

Я ещё раз хочу выразить Вам свою благодарность. Ваш подход к искусству и ко мне мне близок. Спасибо. Вы чувствуете, что моей «школой» является еврейский народ, который я, конечно же, хотел поднять на высоту, достойную народа Библии. Но, конечно, по-простому, как были наши родители.

С наилучшими пожеланиями и благодарностью, Марк Шагал».

В книге Люден упрекает государство на уровне правительства в «сложных отношениях» с великим национальным достоянием и ставит в пример французов, впервые предоставивших Лувр для выставки ещё живому художнику – именно Шагалу.

Творческая работа Ицхака Людена – настоящее исследование, подлинное явление в культурной жизни израильтян, а для идишистов, пожалуй, и праздник мирового значения.

Ицхак лично знаком со многими деятелями искусства, и не только Израиля. В его доме – настоящая коллекция живописи и рисунка.

* * *

За свою многолетнюю творческую жизнь Ицхак Люден опубликовал свыше пяти тысяч статей, репортажей, эссе в периодической печати. Недавно им издан двухтомник избранных из этого большого числа работ – тех, содержание и тематика которых не утратили актуальности по сей день и которые могут иметь ценность для истории. В эти книги вошло порядка двухсот работ.

Когда общаешься с этим уникальным человеком, живым и жизнерадостным, совершенно не ощущаешь ни его возраста, ни того, что он не один раз смотрел в глаза смерти. Он любит шутки, песни – издал сборник песен на идиш. Напомним, что юбиляр продолжает издавать единственную оставшуюся в Израиле газету на идише «Лебенс фрагн». Возглавляет клуб «Арбетер ринг». Жалуеться только на недостаток времени для осуществления своих многочисленных задумок. От души пожелаем редактору, писателю, искусствоведа и Человеку Ицхаку Людену здоровья, долголетия и осуществления его творческих планов.

Обложки двух томов сборника статей на идише

СТОЙКОСТЬ ИОСИФА ФРАЙНДА

Иосиф Фрайнд в кабинете клуба Арбетер-Ринга

Этот исключительный человек интересен и как личность, и всей своей сложной, трудной и полной драматических поворотов жизнью. Иосиф Фрайнд в 14 лет - польский рабочий и секретарь СКИФа - Социалистического детского еврейского объе-

динения; затем - советский спецпереселенец и политзаключённый, офицер Польской армии и Генштаба, а в Израиле - снова путь от рабочего до секретаря израильского Союза Бунд, горячего защитника идиша и идишкайта. Много лет он возглавлял клуб Арбетер-ринг в Тель-Авиве.

Стойкость, сила воли, принципиальность и мужественное достоинство пронесены им через всю жизнь. И как награда - любовь и уважение в среде соратников.

ПРЕРВАННАЯ ЮНОСТЬ

И отец, и мать автора этого очерка выросли в очень больших, многодетных еврейских семьях. Оба хорошо и задушевно пели и на идише, и на русском. Одна из песен как раз была о тяжкой доле такой семьи:

*Вот селёдку принесли -
Хвост у ней на славу.
Но попробуй - раздели
Её на всю ораву...*

Точно так же Шапсе и Мали Фрайндам нелегко было сводить концы с концами. Кроме них самих, четырёх сыновей и дочери, в трёхкомнатной квартирке, которую они снимали, в семье жили и мать Шапсы, и глухой брат Мали, а с 33-го года - ещё и престарелый родственник Мали, бежавший из Берлина от фашистских погромов. Всего десять ртов. А Шапса был всего лишь продавцом мясного ларька, который ему не принадлежал. Попробуй оплати аренду ларька и квартиры, да ещё учёбу старшего - Иосифа - в еврейской школе Бунда, да налоги государству и еврейским кагалам, да накорми, одень, обуй семью... В польском Люблине это было совсем не просто.

Конечно, всех бы детей отдать в еврейскую школу, но она - платная, еврейской общине не под силу содержать школу. Так что Фрайндам пришлось отдать остальных детей в бесплатную польскую государственную школу. Но родители старались соблюдать, по возможности, еврейские традиции. В доме основным языком был идиш.

На старшего родители возлагали большие надежды: и учился отлично, и управлялся с младшими, пока мать помогала отцу торговать в ларьке. Да и вообще - парень рос общительным, в детской организации Бунда - СКИФе его избрали секретарём Люблинского комитета. А ведь СКИФ, Социалистиче киндер идише форбанк, или Социалистическое детское еврейское объединение, ведёт такую большую работу среди детей. И как их Иосиф всё успевает в свои 14 лет?

Да, как раз в 14 лет, в 1937-м, Иосиф с отличием окончил седьмой класс своей школы, и комитет школы специально для него добился направления на дальнейшую учёбу его в Реальном училище партии Бунд в городе Вильно. Там был интернат и бесплатное обучение.

Но от отца требовалось дать сыну денег на железнодорожный билет и на дорогу, одежду, обувь, оплатить форму. И на всё это у Шапсы Фрайнда денег не нашлось. А может быть, роль сыграло ещё и то, что всё-таки парню было уже 14, и он бы мог стать хорошим помощником отцу, начав работать... В общем, в Вильно Иосиф не поехал. А если бы поехал - кто знает, как бы

всё сложилось? Ведь и туда вскоре пришла Красная армия... А в Люблине судьба распорядилась по-своему.

Руководителем Бунда в их округе был Бериш Кремпель - предприниматель, владелец трикотажной фабрики. Он же возглавлял попечительский комитет школы. Его младший сын Тадек учился с Иосифом в одном классе. Иосиф не раз бывал у него дома. К тому же Кремпель знал Иосифа ещё и как одного из лучших учеников школы, и как секретаря СКИФа. Знал он и то, что Иосиф направлен на учёбу в Вильно. Своего Тадека Кремпель определил в Люблинскую еврейскую гимназию, которая Фрайндам уж тем более была не по карману.

Как раз в это время Бериш Кремпель встретил Иосифа и удивился, почему он не в Вильно. Он вызвал к себе Фрайнда - отца и, выслушав его объяснение, всё-таки упрекнул его, что не отправил сына в училище. Но теперь уже было поздно. И Кремпель предложил Иосифу пойти к нему работать. Иосиф мечтал о профессии металлиста - правда, за обучение в первые месяцы пришлось платить, но зато потом получал бы твёрдый и хороший - по тем временам - заработок.

Иосиф быстро освоил станки и оборудование и к 1939-му году, к своим 16-ти годам, был уже полноценным самостоятельным рабочим. В семье теперь был ещё один работник.

В то же время Иосиф продолжал активно работать и в СКИФе, и уже в ЦУКУНФТе (в переводе - «Будущее») - молодёжной организации партии Бунд, неизменно пользуясь авторитетом у товарищей - сверстников.

Но над Польшей сгустились тучи. Всем было ясно, что война - не за горами. И каждый по-своему к этому готовился: страна, партии, каждая семья. Впрочем, Шапса Фрайнд для себя всё решил: при его составе семьи и при его деньгах у него нет иного выхода, как оставаться дома...

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭМИГРАНТЫ

Война началась 1 сентября 1939-го, и в первые же дни немецкая стальная армада сокрушила плохо подготовленную к со-

временной войне польскую армию.

В первый день войны руководство и активисты Бунда получили приказ - уезжать в Советский Союз. Оставались лишь подпольный комитет и его представители в городах. Подпольный комитет этой еврейской социал-демократической партии действовал все годы оккупации Польши.

Бериш Кремпель со старшим сыном Ицхаком уехали, но жену Бериша пришлось оставить: она была неизлечимо больна, дни её были сочтены, и везти её было невозможно. С ней оставался младший сын Тадек.

Иосиф тоже не хотел покидать свою семью. Уезжая, Бериш Кремпель просил Иосифа помочь во всём Тадеку: тот не был подготовлен к решению практических вопросов, а тем более жизненных проблем, которые теперь возникали ежедневно.

Через неделю после начала войны немцы были уже в Люблине. Над еврейским населением всё более сгущались тучи. Начались аресты, а потом и массовые экзекуции.

В ноябре 1939-го Иосиф получил приказ через связных от товарища Дронга из подпольного комитета - немедленно уходить из Люблина, так как, по их сведениям, им заинтересовалось гестапо. Ему пришлось сообщить об этом Тадеку и его матери. Та категорически настояла на том, чтобы Тадек ушёл на восток вместе с Иосифом. Сама она осталась с сиделкой, и через несколько недель её не стало...

Тяжело было Иосифу прощаться с семьёй, но выхода не было: арест его автоматически привёл бы к аресту семьи. Вдвоём с Тадеком они покинули город, лесами добрались до пограничной реки Буг и ночью, договорившись с лодочником, переправились на восточный берег.

Забегая вперёд, сразу скажем, что из Советского Союза Иосиф много раз пытался связаться с семьёй, выяснить о её судьбе хоть что-нибудь, но безуспешно. Вся семья погибла, но когда и как - об этом не знал никто из оставшихся в живых, а позднее не нашли ни одного документа. Впрочем, в этой нацистской мясорубке миллионы бесследно канули в вечность...

Не таясь, Иосиф с Тадеком направились на советскую по-

гранзаставу. Но с распростёртыми объятиями их здесь почему-то не встретили: задержали, посадили и несколько дней вызывали на допросы. Что было скрывать молодым ребятам от «своих», как они считали: ведь они чувствовали себя молодыми социалистами, союзниками! Рассказали всё как есть, в том числе и о своей работе в Бунде. Откуда им было знать, что в Союзе теперь уже другое отношение к этой их организации, как и ко многим другим: был конец того самого 1939-го...

Через несколько дней их перевезли в город Любомль. У ворот тюрьмы постоянно толпились беженцы-евреи, ища своих близких и родственников: если такие находились и если особых причин для задержания не было, родственников выпускали из тюрьмы под поручительство тех, кто за воротами.

Ребятам повезло: у ворот оказались Кремпели - отец и старший сын Ицхак. Тадека оформили и отпустили к отцу без проволочек. К чести Кремпелей, они продолжили борьбу и через несколько дней вызволили и Иосифа, выдав его за родственника. Эта версия и в дальнейшем помогла им быть вместе на поселениях.

Освободив Иосифа, Кремпели вместе с ним решили обосноваться в ближайшем крупном городе Луцке: не хотелось далеко уезжать от Люблина, всё на что-то надеялись. Сняли квартиру. Кремпель-отец занялся организацией кооператива. Старший Ицхак, хороший спортсмен, устроился в отдел спорта горисполкома. Младший Тадек продолжил учёбу в местной гимназии. А Иосиф первые месяца три вёл хозяйство в доме, а когда семья Кремпелей пополнилась сестрой Бериша с ребёнком, Иосиф пошёл работать пекарем в частную еврейскую пекарню, к тому времени ещё не национализированную.

До весны 1940-го было всё нормально, но затем всем бывшим гражданам Польши предложили принять советское гражданство. Надеясь со временем вернуться в свой Люблин, Кремпели и Иосиф отказались.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В конце июня 1940-го Ицхака арестовали и отправили в лагерь как политзаключённого, а остальных Кремпелей и Иосифа посадили в теплушки эшелона, мотивируя это необходимостью расселения переполненной беженцами приграничной зоны. Несколько недель полз их эшелон до сибирской станции Асино. А затем ещё долго пароход плыл по Чулыму и Оби до посёлка Берегаево. Оттуда привезли в бывший лагерь и разместили спецпереселенцев в бараках.

Иосифу повезло: как бывшему пекарю, ему поручили работу в пекарне. Понятно, что пекарня - не лесоповал. Тем более, что условия в лагере были тяжелейшие: питание - скудное, заедали комары, в бараках - клопы, в колодцах - недостаточно воды. На лесоповале - простые пилы да топоры, частые тяжёлые травмы... Люди болели и погибали. Вряд ли и Кремпели выдержали бы в этих условиях, если бы Иосиф не устроил их в свою пекарню.

Вся власть в посёлке была в руках уполномоченного НКВД, но он практически ничего не предпринимал для улучшения ни условий работы, ни быта, ни питания, ни лечения.

Вокруг было расположено несколько подобных лагерей, и во всех было сходное положение. Так вечно продолжаться не могло, обстановка накалялась.

Через несколько месяцев спецпереселенцы сразу нескольких близлежащих посёлков одновременно сошлись в Берегаево - несколько тысяч человек. Они устроили митинг на берегу Оби, объявили забастовку и выдвинули целый ряд требований. Три дня провели они на берегу, пока не приехали чины из руководства НКВД, выслушали, выступили, наобещали. Переселенцы согласились вернуться к работе.

Нельзя не отдать должное смелым, просто самоотверженным людям, возглавившим эту стачку. Можно представить себе сложности, которые им пришлось преодолеть, чтобы тайно подготовить людей сразу нескольких разбросанных по тайге посёлков. Чего стоило даже только установить связь друг с другом, организовать тайные встречи... Сколько людей пришлось задей-

ствовать даже ещё до выхода в массы. А ведь любой провал в любой цепочке грозил жестокой расправой всем. Остаётся удивляться и восхищаться этими людьми. К сожалению, Иосифу тогда не были известны их имена. А они не могли не знать, какая судьба их ждёт.

Действительно, в скором времени начались аресты. Сначала одиночные - вожаков. Потом массовые - мужчин. Женщины и дети в семьях оставались одни, без заработка. На протесты жён следовали циничные шутки: не беспокойтесь, мол, у нас мужиков на всех хватит...

Из пекарни пока не трогали никого. Во-первых, наверное, потому, что по характеру работы и условиям они были в стороне от самых болезненных вопросов. А во-вторых, возможно, сыграл роль авторитет Бериша Кремпеля: в НКВД знали его прошлое как социалиста, да и здесь он часто был им нужен: отлично знал русский, что было редкостью среди польских переселенцев.

Но, очевидно, весть об ужасающих условиях существования и организованном выступлении польских спецпереселенцев всё-таки дошла до верхов, а может быть - оказали влияние и международные организации. Скорей всего - и то, и другое. Но только ещё через несколько месяцев буквально все переселенцы посёлка Иосифа были на пароходе развезены и расселены в разные места вдоль великой реки и её притоков.

ЕВРЕЙСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Иосиф и семья Кремпель оказались в посёлке Мрасс Мысковского района, в то время Сталинской области - по названию областного центра того времени. Позднее город этот переименован в Новокузнецк, а область влилась в Кемеровскую область.

В барачном спецпоселении на окраине посёлка Мрасс оказалось свыше ста семей, причём только еврейских. Вот такой эксперимент на людях решило провести НКВД.

В бараках были комнаты для семейных и общежитие для одиноких. Был магазинчик, в котором поначалу ещё что-то было кроме хлеба, а потом - только хлеб. В посёлке была столовая.

Все мужчины были направлены на работу на лесоповал. Заработок и нормы продуктов целиком зависели от выполнения рабочих нормативов. А они были очень жёсткими: в день на каждого полагалось 5 сосен - спилить, обрубить сучья, очистить брёвна от коры, распилить, сложить в штабели, а отходы - сжечь. В случае невыполнения деньги не платили вообще. Кроме того, большое значение имела пайка хлеба: лесорубы получали 1200 граммов в день, прочие - всего 400. Работающим в лесу привозили в обед баланду в полевой кухне на лошадиной тяге. Если норму выработки не выполняла бригада, денег не платили всему коллективу.

Казалось бы, в бригаде должна быть круговая порука, чувство локтя. Но получался парадокс. Те, у кого были деньги, как правило, не очень напрягались, да порой и не могли при всём желании. Но оправдывали это стремлением надавить на начальство: мол, пусть снижают нормы выработки. На имеющиеся у них деньги они могли купить и хлеб, и кое-что ещё. А у тех, у кого денег не было, а они, вместе с остальными не выполняя нормативы, не получали денег, не могли даже пайку хлеба своего - 1200 граммов - выкупить и вынуждены были продать перекупщику 600 граммов, чтобы выкупить остальные 600. Иосиф оказался в их числе.

Поначалу он поддался привычному для него чувству солидарности. Но быстро понял, что это - не тот случай: рассчитывать на снижение норм не приходится - вряд ли они зависят от местных властей. При 600-граммовом пайке даже те, кто ещё могут работать в полную силу, долго не протянут. А те, кто, имея деньги, призывал к солидарности, что-то не спешили поделиться своими деньгами.

И Иосиф решился на шаг, который на первых порах не всем понравился. Он предложил дать ему возможность работать в одиночку. В первый же день он выполнил 108% нормы. Иосифа тут же вызвали к начальству, выдали ему 500 рублей аванса - «чтобы подкрепился» - и установили дневную хлебную пайку 2400 граммов! Цель начальства была ясна: им нужен был живой пример. Конечно, тем, кому работать не хотелось, потому

что им и так хватало, инициатива Иосифа не понравилась. Но постепенно росло число его последователей, и в конце концов он завоевал авторитет в своей среде.

Тадека Кремпеля Иосиф буквально спас, отдавая ему каждый день 600 граммов из своего солидного пайка. Действительно, семья Кремпель была в трудном положении: Бериш работал бухгалтером, получал мало, хлебная пайка у всех в семье была по 400 грамм. Тадек, высокий и худой, справиться с нормой был не в состоянии. Парень был истощён. Так что помощь Иосифа оказалась своевременной.

В посёлке среди местных жителей были шорцы - представители горного народа, живущего в этом районе. Они занимались охотой и рыболовством. Хлебный паёк им вообще почему-то не полагался. Иосиф менял с ними часть хлеба на рыбу - уха получалась отменная.

С трудом дотянуло еврейское поселение до весны 1941-го. Немало было и потерь... Весной немного воспрянули духом: каждая семья и одинокие получили огородные участки. Выдали и семена. Да и многие втянулись в работу, и теперь уже, по примеру Иосифа, не только одиночки, но и целые бригады стали вырабатывать норму.

Иосиф, как и некоторые другие, кто был уверен в своих силах, огород обрабатывать не стал: ему хватало заработка. Питался в столовой. Участок свой передал тем, кому он был хорошим подспорьем.

С июня 1941-го, как началась война, снабжение значительно ухудшилось. В магазине не стало вообще ничего, а когда завозили, карточки отоварить всем не хватало. За хлебом - очереди. Посёлок и так оторван был от всего света - ни радио, ни газет, - а теперь и баркасы стали реже приплывать.

Но вот осенью 1941-го в жизни спецпереселенцев произошёл резкий перелом: по договору между СССР и Временным правительством Польши в Лондоне польским подданным правительство Союза предоставило свободу в выборе места поселения на территории Советского Союза. Свободу, понятно, относительную.

СВОБОДНЫЙ ПОСЕЛЕНЕЦ

Уполномоченный НКВД вызывал всех по очереди, опрашивал и, в зависимости от специальности, состава семьи, желаемого города, кроме главных городов, давал разрешение или предлагал из того, что было у него. Иосиф сказал, что работал «в мясной промышленности», и ему повезло: оказалось подходящее место в городе Каинске Новосибирской области.

Теперь надо было ждать баркас - по реке Мрассу до районного центра города Мыски было 40 километров. Молодой, горячий, нетерпеливый Иосиф решил не ждать, а проделать этот путь пешком вдоль реки. Накануне ухода он попрощался с теми, с кем выстрадал это тяжёлое время, и особо - с семьёй Кремпель - они остались ждать баркас.

С этого дня Иосиф надолго потерял связь с Кремпелями. Уже после войны он узнал, что и отец, и оба сына - Ицхак и Тадек - служили в Польской армии Андерса, а потом все оказались в Лондоне, стали бизнесменами. В 1967-м Иосиф, будучи в Лондоне, встречался с обоими братьями. Отца к тому времени не было в живых...

Иосиф вышел в путь на рассвете. В тяжёлой котомке за плечами были его вещи и запасы пищи на первое время. Но осенний день выдался дождливым, причём дождь шёл почти непрерывно всё время его пути. Быстро промокли насквозь и одежда, и содержимое котомки. По размокшей тропе и скользкой траве идти было тяжело и небезопасно. То и дело приходилось преодолевать овраги и ручьи. В любое время мог подвернуть ногу и остаться один в совершенно безлюдном месте, где в те времена, да и сейчас ещё бродит немало дикого зверья.

Как раз это самое тяжёлое военное время автор очерка провёл ещё мальчишкой совсем недалеко оттуда, в соседней Хакасии, куда был эвакуирован из Москвы. Помню, как хозяин дома, приютивший нас, сам директор гаража и ярый охотник, привозил отстреленных волков - за каждого получал, кажется, 500 рублей. Привозил, конечно, и другую живность. Но здесь речь о том, какой опасности подвергал себя лихой еврейский парень Иосиф

Фрайнд в глухой сибирской тайге, тем более - в одиночку.

И всё-таки, изнемогая от усталости, он уже в сумерках разглядел огонёк в одной из крайних изб городка Мыски. С трудом доплёлся он до избы. Постучал. Открыла старая бабка:

- Бог мой, сынок, откуда ты такой?

- Разреши, бабуль, переночевать. 40 километров шёл.

- Да заходи, конечно, только вот кормить тебя нечем, кроме картошки, - хлеба кой день не отоваривают. Но ты давай сперва скинь мокрое, найду чё тебе надеть пока, грейся и сушись. Не захворал ба.

Иосиф снял куртку, распаковал котомку - хлеб превратился в кашу. Но тогда рады были любому съедобному.

- Сам-то, сынок, из каких краёв? Говор у тебя не нашенский.

- Из Польши я, еврей я польский.

- А чавой-то такое - Польша, яврей?

Таких простых и добрых бабуль было в то время немало в таёжных краях. С благодарностью вспоминаю сибиряков, приютивших нас в те трудные годы. Добрыми словами вспоминает бабулю и Иосиф. Тогда она прежде всего накормила его горячим картофельным супом. Иосиф прожил у бабули два дня: просушился, отдохнул. Она выстирала и выгладила все его пожитки. А он ей починил многое в домашнем хозяйстве.

Из райцентра Мыски Иосиф в конце концов добрался до места назначения - Каинского мясокомбината. Одновременно с Иосифом на комбинат прислали из лагерей в Ухте ещё несколько поляков и трёх евреев. Вместе с Иосифом их сразу «окрестили»: 4Ф. Фамилии всех четверых были на «Ф»: Фельдман, Фридман, Фиксенбаум и Фрайнд.

Директором комбината был старый большевик Сурилов, а далее: начальник производства еврей Болеславский, завхоз - Блюм... Встреча была соответствующая: Болеславский вызвал Блюма, тот - зав. столовой Шурочку, и специально для «4Ф» был устроен пир с несчётным числом блюд из отборного мяса; да вот только изголодавшиеся новички, не евшие подобного несколько лет, вынуждены были лишь пробовать всё с осторожностью, дабы не испортить себе желудки.

На мясокомбинате Иосиф проработал до лета 1942-го. В это время работы на комбинате было мало, скот не поступал, рабочие подолгу оставались без работы, а это грозило отправкой на лесоповал, с которым Иосиф был уже слишком хорошо знаком.

Иосиф сориентировался и, используя установившиеся к тому времени товарищеские отношения, перешёл работать на соседний спиртзавод. Там его приняли тепло: какому же российскому спиртзаводу не нужен еврей - трезвенник по определению. Но, к сожалению, - а, может быть и нет, несмотря на последствия, - на этом поприще Иосифу долго поработать не пришлось.

ПОЛИТЗАКЛЮЧЁННЫЙ

Спиртзавод послал Иосифа на заготовки картофеля, как сырья для производства. Иосиф снял помещение и занялся делом. Чтобы поощрить поставщиков сдавать картофель сверх положенных госпоставок, завод прислал ему несколько сот литров спирта. Иосиф договорился с местным магазином, завёз к ним этот спирт и «выделял» под праздник - кому надо и кому сколько. Но, по неопытности, не включил в это число местные правоохранительные органы.

Ну где и когда - не только в России и не только в те времена - такая «забывчивость» сходила кому-нибудь с рук? Иосифа посадили, оформили досье на всё, что было по части работы его и, главное, на то, чего и в помине не было - по части политики, что называется, «на всю катушку».

В КПЗ в Барабинске Иосиф познакомился с инженером - железнодорожником Анатолием Яцковским - поляком, но из местных. Его тоже судили «за саботаж». Жена его, артистка Новосибирского театра, красивая энергичная женщина, приезжала вместе с дочерью к Анатолию, добивалась свиданий, помогала чем могла и даже, когда их в теплушке отправили в Омск, сумела вместе с дочерью проникнуть к ним в вагон. С ними нам предстоит ещё встреча.

В омской тюрьме областного управления НКВД их с Анатолием продержали до апреля 43-го. Присудили 10 лет за «контр-

революционную деятельность» - статья 58, пункты 10 и 11- «агитация и саботаж». Вот так-то не уважать местные правоохранительные органы....

После «суда» Иосифа отправили в исправительно-трудовую колонию ИТК-5 под Томском. Сюда же был доставлен и Яцковский. Огромный лагерь находился при очень крупном заводе, производившем десятки тысяч миномётов и много другого для фронта.

В лагере было два барака для политзаключённых. Среди них были и начальники цехов, и руководитель конструкторского бюро. В дальнейшем он очень помог Иосифу в освоении сначала чтения чертежей, а потом и чертёжной графики. В одном бараке с Иосифом поселили и инженера Яцковского, назначенного начальником транспортного цеха.

А заключённого Фрайнда направили на работу в инструментальный цех и прикрепили к бригаде. Вначале он вообще не имел понятия о работе. Но ему здорово повезло: у Иосифа оказались учителя, отличные и как профессионалы, и как люди. И руководитель инструментальщиков Сатынин, и его зам. Богданов были вольнонаёмными, жили в одном доме вне лагеря. Помимо основной работы, оба занимались ещё и общественной: один был парторгом, другой - профоргом. Но главное - они были классными специалистами своего дела.

Всего за два - три месяца они научили молодого смекалистого Фрайнда чтению чертежей, ну а станочная работа для него была пройденным этапом ещё в Польше. Так что постепенно Иосиф всё большую часть работы начальников брал на себя, разгружая их. Но это не тяготило Иосифа, ведь они относились к нему по-товарищески, помогали расти технически, шли навстречу и в любых личных вопросах. И они же сыграли решающую роль в его дальнейшей судьбе.

Как-то летом 43-го Богданов по секрету сообщил Иосифу, что едет в Москву на курсы: заводу предстоял переход на выпуск новых, более мощных миномётов. Богданов предложил Иосифу подготовить документы по его «делу» и заявление с просьбой о его пересмотре. Отправить по почте, минуя НКВД, было невоз-

можно. Богданов намеревался в Москве передать заявление и документы Иосифа в Комитет польских патриотов, который возглавляла очень известная в то время польская и советская писательница Ванда Василевская. Этот Комитет помог тогда очень многим польским гражданам.

Уже после отъезда Богданова в Москву Фрайнда перевели в литейный цех и назначили начальником барабанного цеха - в составе литейного. Возможно, это было организовано Сатыниным и Богдановым для того, чтобы не усмотрели связи между поездкой Богданова в Москву и возможным приходом из Москвы документов на освобождение Иосифа.

И вот однажды Иосиф возвращался с ночной смены. В проходной дежурный сообщил, что его ищут всю ночь - ему необходимо срочно явиться в комендатуру лагеря.

Иосифу этот вызов настроение не улучшил: кто знает, что его там ждало? Местные блюстители, прослышав, что он передал заявление в обход их, могли сделать всё, что угодно. Могли и статью добавить - так уже бывало. Но времени на размышления не было: следовало явиться.

В комендатуре его ждал удивительный приём: приехал главный прокурор Новосибирской области. Полковник пригласил в предоставленный ему кабинет. Угостил папиросами «Беломорканал», в то время - пределом желаний, да не одну папиросу предложил, а целую пачку. Побеседовав с Иосифом, он в заключение пообещал ему скорое освобождение.

И действительно: через некоторое время, в начале осени 43-го, Иосифу вручили обходной лист - и уже через два часа быть у ворот! Понятно, что за два часа подписать обходной у всех начальников цехов завода, растянувшегося на километры, невозможно. Но Иосифа знали все, и каждый готов был ему помочь. Оформил-то он всё быстро, но вот как раз его лучшие друзья, Сатырин и Богданов, ни в какую не хотели его отпускать. Предлагали остаться на любых условиях. А для того, чтобы он как следует пришёл в себя и «отъелся», на три недели забрали его к себе, в свой коттедж, - настоящую виллу. Не мог Иосиф просто так, без дела, тратить время: помогал как мог домашним, рабо-

тал по хозяйству. И все три недели отвечал на уговоры: твёрдо решил - в Польскую армию.

На заводе ему выплатили несколько тысяч рублей - сумму довольно солидную и уж никак не положенную бывшему ЗК. Выдали всё новое: добротный бушлат, ботинки, всё прочее положенное. И Иосиф Фрайнд уехал в Новосибирск, в распоряжение облвоенкомата.

Весь период его пребывания в ИТК-5 Иосиф поддерживал дружеские связи с Анатолием Яцковским. Каждые три месяца к нему приезжали жена и дочь, привозили передачи, непременно и для Иосифа. Прощаясь с Анатолием, Иосиф обещал ему обязательно заехать к нему домой. И первый же визит его был семье Анатолия. Дома была только дочка. Девочка обрадовалась ему. Вызвалась быть его «поводырём» по городу.

Вместе они поехали в ВПП - Комитет польских патриотов. Приняли Иосифа сердечно. Тут же, сняв хотя и новую, но лагерную одежду, он оказался в полувоенной английской. Ему выдали ещё несколько тысяч рублей и направили в магазин, где снабдили таким количеством самых разнообразных и дефицитнейших продуктов, что они с девочкой сделали три санных рейса до их дома, чтобы всё перевезти.

И уже затем, «как английский лорд», Иосиф поехал к жене Анатолия, в театр. Бросив все дела, она поехала с ним домой, и всю ночь они проговорили о жизни в лагере, об Анатолии, о том, как ей нелегко без мужа растить дочь, о дальнейших планах Иосифа.

Жена Анатолия отговаривала Иосифа от службы в армии, предлагала устроить на работу в Новосибирске. Но Иосиф был непреклонен. Всё! С лагерями и тюрьмами было покончено: теперь его путь - по лозунгу: «Вперёд, на Запад!». Он должен был успеть спасти ещё живых и успеть отомстить за мёртвых.

ВПЕРЁД, НА ЗАПАД!

Утром Иосиф пошёл в военкомат, и его без лишних проволочек направили в Польскую офицерскую школу в Дарнице, недалеко от Киева. На время поездки выдали офицерский атте-

стат, дававший право на железнодорожные билеты, столовые, продовольственные пайки по офицерским нормативам.

В военкомате Иосиф познакомился с поляком, направленным в ту же школу, но солдатом. Решили ехать вместе. Но у попутчика был солдатский аттестат, и Иосифу всю дорогу приходилось преодолевать препятствия, чтобы создавать ему мало-мальские условия.

Приехали в Москву. Далее предстояло ехать с Киевского вокзала, но движение до Киева и Дарницы ещё не было восстановлено, и им пришлось провести месяц в Москве, ночуя в помещениях военного коменданта Киевского вокзала. Было тесно, но была кровать - что ещё было желать недавнему ЗК? Зато питался Иосиф роскошно - в офицерской столовой, занимавшей помещение бывшего ресторана в центре, у самого Кремля. Спутник питался в солдатской, и Иосиф «подкармливал» его чем-нибудь вкусным из своей. В Москве уже вовсю хозяйничала зима 1943-44 года, когда, наконец, они смогли выехать в эшелоне в киевском направлении. Они оказались в теплушке, где ехали одни девушки - зенитчицы, и чтобы не смущать ни их, ни себя, мужчины перебрались в санитарный вагон.

Наконец, приехали в Дарницу и разыскали польскую офи-

церскую школу. С ходу Иосиф приступил к учёбе, и уже через несколько месяцев ему было присвоено офицерское звание. Весной 44-го Иосиф Фрайнд прибыл по месту назначения, в свой родной Люблин, где дислоцировался Отдельный автомобильный полк Польской армии. К этому времени уже полным ходом шли бои за освобождение Польши. Подразделения полка совершали лучевые

Польская офицерская школа под Киевом,
Иосиф лежит справа

На стрельбище. В центре – Иосиф Фрайнд, Польша

рейды из Люблина в зоны боёв.

Сразу после приезда в Люблин Иосиф побывал в своём доме. В их бывшей квартире жили другие люди. Никому и ничего не было известно о судьбе его семьи: всех, от мала до велика, очевидно, уничтожили нацисты.

Иосиф, что называется, рвался в бой. Но ему не повезло: в одном из первых рейдов на фронт его подразделения он был тяжело ранен осколками в шею и плечо, потерял много кро-

ви и без сознания был доставлен в Лодзь. Здесь ему пришлось пройти длительный курс лечения.

После госпиталя Иосифа направили на специальные курсы командиров, а после их окончания - в Генштаб Польской армии, на ответственную секретную работу шифровальщика, о подробностях которой он позднее предпочитал много не говорить.

ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ И ДРУЗЬЯМ

В том же 1944-м в Люблине Иосиф обнаружил случайно редакцию газеты Польской социалистической партии «Работник». Сотрудником её оказался Яшуньский, входивший в 30-х годах в ЦК Бунда. И хотя устав воинской службы запрещал офицерам любое участие в политике, Иосиф установил через Яшуньского контакты с товарищами по партии, которые уже тогда активно работали. Многие знали Иосифа ещё до войны как секретаря СКИФа Люблина.

После ранения, когда Иосиф начал службу в Генштабе, он часто приходил в ЦК Бунда, который тогда находился в Варшаве, в районе Прага. Там он встретил бывшего офицера Польской армии Авраама Когана, работавшего секретарём молодёжной

Иосиф Фрайнд, офицер Генштаба Польши, одновременно руководит группой детского лагеря СКИФа

организации ЦУКУН-ФТ. С ним у Иосифа сложились близкие отношения. Несмотря на запрет, офицер Фрайнд не только всё время контактировал с партией, но принимал непосредственное участие в работе.

Когда в 1947-м Бунд организовал летний детский лагерь в горах Дольного Шлонска для двухсот детей, в основном - из семей, вернувшихся из Советского Союза, Иосифу предложили руководить старшей группой, состоявшей из 40 мальчиков, участников духового оркестра. Иосиф взял отпуск в Генштабе и, несмотря на большой риск для него как для офицера, провёл его с ребятами в лагере.

В армии Иосиф не чувствовал лично по отношению к себе дискриминации по службе как еврей. Но, конечно, он не был в стороне от жизни и прекрасно знал, что происходит в стране.

После жестокого еврейского погрома в Кельце в 1946 году всем еврейским организациям в Польше, в том числе и Бунду, правительство выдало оружие для самообороны. В Лодзи тогда была самая крупная организация Бунда. Один из членов комитета партии этого города Гирш Файгенбаум был ответственным за сохранность оружия, полученного Бундом. Иосиф, как человек опытный, помогал ему в своё время, после получения оружия, разобраться с его видами и особенностями.

В 1947-м, когда проводилась компания по объединению партий в Польскую объединённую рабочую партию ПОРП, Бунд отказался от слияния. Начались аресты. Бундовцы стали нелегально покидать Польшу. В 1948-м, когда многие уже эмигрировали, правительство потребовало сдать оружие. Но собрать его было уже невозможно. Файгенбауму, как ответственному, грозил

Иосиф Фрайнд и Гирш Файгенбаум

арест и, как минимум, многолетний срок.

Как-то вечером Файгенбаум приехал к Иосифу домой, рассказал о сложном своём положении и попросил помощи. Через товарища из Люблина Иосиф связался с капитаном шведского судна, перевозившего польский

уголь. За хорошее вознаграждение тот согласился принять на борт Файгенбаума. Чтобы набрать необходимые 200 долларов, Иосифу пришлось продать многое из своих вещей. Переодев Гирша в военную форму, Иосиф привёз его в Щецин, где шла погрузка корабля. Файгенбаум благополучно покинул Польшу.

Позднее он обосновался в Канаде. Когда Иосиф репатрировался в Израиль, у них наладились связи: Гирш приезжал к Иосифу, переписывались.

Иосиф продолжал успешно работать в Генштабе. Но его продвижение по службе сдерживалось неполным образованием. Когда в армии было введено положение об обязательном среднем образовании для офицеров, Иосиф стал заниматься на специально созданных курсах и в два года получил аттестат о среднем образовании.

У Иосифа было большое желание продолжать учёбу; он просил неоднократно о направлении его в так называемую «роту академиков» для продолжения учёбы, но направлен не был. По специальной просьбе шефа Генштаба генерала Корчица Иосиф Фрайнд, как большой специалист шифровального дела, был оставлен ещё на год на работе в Генштабе.

И всё-таки в 1957-м году майор Иосиф Фрайнд был демобилизован. Не исключено, что препятствия Иосифу со стороны кадровиков в продолжении учёбы и его демобилизация, несмотря на отличные отзывы его руководства, напрямую связаны с

резким нарастанием антисемитизма в стране в этот период. Но, естественно, формальных оснований для такого утверждения никто Иосифу не предоставил.

ВОСХОЖДЕНИЕ

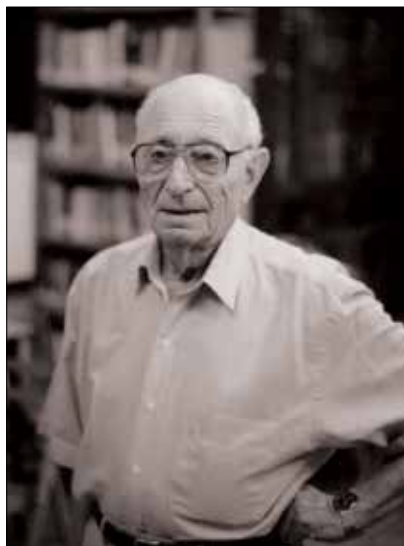
Для Иосифа Фрайнда, добровольцем пришедшего в Польскую армию в дни её становления и отдавшего ей полтора десятилетия, демобилизация явилась психологическим ударом и на многое открыла глаза. Иосиф был женат с 1948 года, у него росли двое детей, и пришлось задуматься над тем, оставлять ли их в этой нестабильной и для его народа, и для него самого обстановке. Тем более, что отъезд еврейского населения из Польши всё нарастал.

И семья Фрайнд решила присоединиться к этому потоку. Пароходом, зафрахтованным Еврейским агентством Сохнут, в том же 1957-м году Иосиф с семьёй прибыл в Израиль.

Как и многие в этой молодой стране в то особо трудное время первых лет и десятилетий становления, Иосиф Фрайнд тяжело

трудился. Начиная простым рабочим трикотажной фабрики. Целых десять лет он отработал так в Тель-Авиве, и лишь в 1968-м фабрика Дюкерта направила его в Германию, в техническую школу в Ройтлингене. По возвращении он уже работал на технических должностях сначала на той же фабрике Дюкерта, а затем — на фабрике компании «Полгат».

С первого года приезда и до завершения его «призывного» возраста, Иосиф участвовал в войнах страны, систематически призывался на резервистские сборы - милуим. А ведь иной на его месте мог бы не участвовать

Иосиф Фрайнд в библиотеке клуба Арбетер-Ринг. Свыше 20 тысяч книг, в основном на идише

и не призываться: вспомним его тяжёлое ранение в 1944-м на Одере. Но характер и принципы Иосифа Фрайнда мы уже знаем.

По приезде в Израиль, в том же 57-м, Иосиф уже включился в работу Бунда Израиля, которым тогда руководил Бенцл Цальевич. Идеологом и редактором журнала «Лебнс фрагн» был Оскар Артузский. Иосиф стал одним из их ближайших и активнейших помощников, он был введён в состав руководящего ядра. Иосиф участвовал в организации производственных кооперативов, детских летних лагерей, школ продлённого дня для изучения идиша.

Бунд в те годы насчитывал до четырёх тысяч членов; только в Гуш-Дане - две тысячи, ещё отделения в Хайфе и Беэр-Шеве. В 1959-м на выборах в Кнессет Бунду не хватило совсем немного голосов для получения своего мандата. Работа в партии в эти годы под началом мудрых, опытных руководителей очень много дала Иосифу, подготовила его самого к руководящей партийной работе.

В 1962-м, после смерти Бенцла Цальевича, партию возглавил Арон Герцович - старый бундовец, переживший концлагерь в Польше. Иосиф энергично помогал ему, принимая участие в работе руководства. А в 94-м был избран Секретарём Бунда Израиля. Вот что говорила о нём Дина Шайн, много лет проработавшая в Бунде помощником секретаря:

Актив клуба Арбетер-ринг: Стоит второй справа – Иосиф Фрайнд

- Иосиф - отличный организатор и настоящий друг. Всегда поможет и позаботится о другом, а для себя не возьмёт даже денег за проезд.

А вот мнение Анны Вайнер, в своё время молодой помощницы секретаря:

- Я не мыслила нашей работы без Иосифа. На нём замыкались буквально все наши вопросы и проблемы.

В 2002-м Иосиф навестил свою родину - Польшу. Был он и в Варшаве, где проработал много лет в Генштабе; и в Люблине, где родился и вырос и где погибла вся его семья, - возможно, в том же Майданеке на окраине Люблина, где было уничтожено полтора миллиона человек.

Иосиф не раз удивлял автора образностью своих выражений на русском, для него не родном языке. А на вопрос, какое у него общее впечатление от современной Польши, сразил наповал лаконичным ответом:

- Для меня Польша - кладбище.
- Почему? Что уж так?
- Без евреев...

Этим было сказано всё: Польша для него стала кладбищем без его трагически погибших близких, без тех трёх миллионов, которые были до войны и - кто погиб, кто был переселён, кто эмигрировал, как он сам и многие члены Союза Бунд Израиля. К сожалению, с годами, с возрастом редели их ряды. Но после прекращения деятельности Союза Бунд многие идишисты продолжают посещать клуб «Арбетер-ринг», ставший для них родным. И, несмотря на возраст, тяжёлое положение в семье, проблемы со здоровьем, Иосиф почти до последних дней своей жизни продолжал работу в клубе, потому что знал, что друзья не мыслят клуб без него, а он черпал силы в общении с друзьями.

У каждого из нас есть свои жизненные весы: на одной чаше - наши проблемы, на другой - мера жизненной удовлетворённости. У Иосифа Фрайнда вторая чаша не может не быть весьма ве-

сомой, потому что, как сказал великий Гёте, «самое большое счастье в жизни - уверенность, что тебя любят».

На дружеской встрече. Иосиф был отличным другом.

С ИДИШЕМ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Михаэль Вайнапель

В нашей стране отдают долг благодарности и памяти каждому, кто внёс и свой достойный вклад в борьбу с нацизмом, тем более и в становление еврейского государства. Среди них нельзя не вспомнить Михаэля Вайнапеля (Бен-Авраама).

Диктор и редактор радио «Коль Исразль» на идише в течение 34 лет; режиссёр и актёр спектаклей на «мамэ-лошн»; мастер художественного слова на идише; воспитатель молодых дарований; литератор и журналист; активный пропагандист идишкayта, лауреат премии имени Давида Гофштейна.

Жизненный путь Михаэля, как и многих выходцев из Польши его поколения, совсем не прост.

СЫН БОРЦА

Молодой активист рабочего движения бундовец Авраам Вайнапель вернулся из немецкого плена коммунистом. Судьба соединила сердца этого мятежного человека и глубоко религиозной девушки, дочери раввина. В польском городе Седльце Авраам вёл активную политическую работу, а Рива скромно преподавала родной идиш в небольшой частной школе. В 1921 году у них родился сын Михаэль.

Авраам быстро стал заметной фигурой в политической жизни Польши: в 1923 году он был избран в сейм независимой страны. Но вскоре Компартия Польши была запрещена и ушла в подполье, а депутат Вайнапель был арестован и восемь лет провёл в тюрьме.

До десятилетнего возраста Михаэль воспитывался без отца. Рива старалась сделать всё возможное для развития сына и прежде всего привила ему любовь к родному языку: после учёбы в хедере и еврейской школе Михаэль, занимаясь в польской гимназии, продолжал глубоко совершенствовать свой идиш, получая многое от матери.

Выйдя лишь в 1931-м на свободу, Авраам, уже в рядах партии Бунд, продолжил борьбу за свободу и права своего народа, подвергаясь всё время преследованию властей. Вайнапель приглашали на работу в Москву, но он отказался: в Советском Союзе уже начались аресты, в том числе видных деятелей партии Бунд...

Под влиянием отца и матери в юном Михаэле сочетались, с одной стороны, революционный настрой еврейской молодёжи межвоенной Польши, а с другой - глубокая любовь к родному языку. В 1935 году четырнадцатилетний Вайнапель-младший был арестован за нелегальное участие в работе запрещённого комсомола, около четырёх лет провёл в тюрьме для политической молодёжи в городе Золочеве и был освобождён после вступления в Западную Украину Красной армии в конце сентября 1939 года.

Совсем немного раньше немецкие войска оккупировали Польшу, и 13 сентября 1939 года ими был расстрелян в Седльце отец, Авраам Вайнапель. Риве удалось уйти за Буг. Советское гражданство принять она отказалась и была отправлена на принудительные работы в Свердловскую область. Забегая вперёд, расскажем о её трагической судьбе. В 1942-м, после разрешения польским гражданам свободного поселения, Рива оказалась в Фергане и там, без работы, без знания языка, одинокая, умерла от голода... Сын Михаэль, служивший в это время в Красной армии, ничем не мог ей помочь, да и не знал ничего о столь безысходном положении матери.

ВОЙНА

После освобождения из тюрьмы восемнадцатилетний Михаэль оказался на теперь уже советской территории. Хотя он

и перебрался поближе к дому, на территорию Западной Белоруссии, но о возвращении в Польшу еврея-комсомольца не могло быть и речи. Михаэль начал работать в типографии города Лида, Барановичской области. Не теряя времени, он продолжил учёбу и окончил среднюю школу.

Когда 22 июня 1941-го немцы, взломав оборону Красной армии, стремительно двинулись на восток, Михаэль Вайнапель в числе беженцев едва успел уйти из города, расположенного не так далеко от границы, и с большими трудностями добрался до Челябинска, где жил дядя, брат отца. Здесь он продолжил образование на курсах Челябинского университета, но вскоре был призван в армию. Воевал с полгода под Курском, а затем, после ранения, его, как к тому же «неблагонадёжного» выходца из иностранного государства, отправили в стройбат. Там он пробыл девять месяцев и в 1943 году был, в числе других польских граждан, отпущен «на свободное поселение». Михаэль вернулся в Челябинск и был принят на работу в райсовет расположенного неподалеку, по российским меркам, города Златоуста. На работе он занимался финансами, а в свободное время стал одним из активистов местного отделения Союза польских патриотов, развернувшего тогда работу по всему Советскому Союзу.

Среди тысяч советских и польских беженцев в Златоусте и районе был большой процент евреев. Были и местные евреи. Михаэль создал в Златоусте еврейский театральный любительский коллектив на идише. В этот же период определилась и личная жизнь молодого Вайнапеля.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОЛЬША

Война кончилась, и Михаэль, в числе сотен тысяч возвращавшихся польских граждан, вместе с женой приехал в Щецин. Здесь при Обществе еврейской культуры он создал и руководил работой драматических ансамблей на идише. Одновременно Вайнапель работал и в польском театре, совершенствуя свой талант. Много полезного дало ему общение с такими театральными педагогами, как Годик, Вашчерович, Шмидерски... Миха-

эль учился у них режиссуре и актёрскому мастерству и успешно применял знания в созданных им коллективах.

Много внимания и времени уделял Вайнапель периодической печати на идише, публикуя там статьи по различным проблемам культуры и одновременно оттачивая свой литературный стиль, что так пригодится ему в дальнейшем.

Польский период дал Михаэлю те профессиональные качества, которые, наряду с природным дарованием, позволили ему в следующем, главном периоде его разносторонней деятельности в полной мере проявить свою творческую самостоятельность.

С годами политическая атмосфера в Польше накалялась. В дополнение к бытовому рос государственный антисемитизм. Деятельность еврейских организаций, в том числе культурных, и в том числе театральных коллективов, всё более ограничивалась. Началось с запрета еврейских партий под предлогом объединения всех в Польскую объединённую рабочую партию (ПОРП), а кончилось откровенным выдавливанием евреев из страны с приходом к власти Владислава Гомулки в 1956 году. Михаэль всё чаще задумывался об отъезде из страны.

В то же время Вайнапель чувствовал, что его место - в рядах защитников идиша в самой еврейской стране, где, как ни парадоксально, этот язык в защите в те годы нуждался. В 1957 году его семья, к тому времени уже многодетная, репатриировалась в Израиль.

ИЗРАИЛЬ: ЯРКИЙ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ НА ИДИШЕ

В молодой стране никто из репатриантов в те годы не надеялся на манну небесную. Вот и Михаэль Вайнапель начинал простым фабричным рабочим. Но многолетние связи с партией Бунд, тяга к общению на родном идише и жажда творчества привели его в клуб Союза Бунд «Арбэтэр Ринг» на улице Калишер в Тель-Авиве. Здесь Михаэлю предоставили все имевшиеся возможности для создания драматического коллектива. Кроме того, ему предоставили работу в типографии Бунда, чтобы создать лучшие возможности для руководства этим коллективом,

со временем выросшим в настоящую театральную труппу, с которой он поставил порядка тридцати спектаклей.

Одновременно Вайнапель принимал участие в работе и других, в том числе и профессиональных, театральных коллективов. Его режиссёрские и актёрские работы отличали не только профессионализм и требовательность к себе и другим, но и вечный поиск как в сценариях и режиссуре, так и в актёрском мастерстве. Он воспитал на высоком уровне актёров и мастеров художественного слова.

Сцена из спектакля М. Вайнаполя

Где-то примерно в 1960 году на одном из спектаклей в «Ар-бэтэр Ринг» присутствовал представитель радио «Коль Израэль», на которое как раз был очень нужен отличный «идишист», каковым и был Михаэль Вайнапель. Он был приглашён в качестве диктора, а затем и редактора блока новостей на идише.

С тех пор отлично поставленный голос Михаэля в течение 34 лет, до самого ухода на пенсию, звучал на радио. Его называли «еврейским Левитаном». Там же, а также в многочисленных клубах страны и за рубежом он часто выступал как мастер художественного чтения произведений классической и современной литературы на идише.

В литературных и театральных кругах Израиля Михаэль Вайнапель был известен, пожалуй, больше как Михаэль Бен-Авраам. Ещё только начав сотрудничать в клубе Бунда на Калишер, он стал печатать в газете Бунда «Лэбэнс фрагн» статьи и обзоры новостей культуры на идише, и с тех пор опубликованы десятки его статей на темы театра, искусства и культуры в целом - свидетельства его разносторонней эрудиции. Его обстоятельные публикации печатались и в зарубежной печати на идише.

Круг творческих связей и интересов Вайнапеля был безграничен. Известный в своё время отказник, писатель, приверженец идиша Лазарь Любарский, поклонник разносторонних талантов Вайнапеля, не раз сотрудничавший с Михаэлем в совместных публикациях, рассказывает об одной из них. Это было эссе о выдающейся личности, воре и затем писателе Ицхаке Фарберовиче, больше известном под псевдонимом Урке Нахальник. Михаэль Вайнапель в юные годы встречался с ним лично в Польше.

Каждые две недели Михаэль проводил в клубе «Арбэтэр Ринг» «Литературные среды». Михаэля уже нет с нами, но его эстафета была продолжена: замечательная актриса и общественный деятель Шура Турков так же, как Михаэль, здесь проводит на идише концерты, встречи с интересными людьми. Деятельность Михаэля была энергична и разнопланова: то он был ведущим на митинге в память жертв сталинского террора, то выступал в клубе «Юнг идиш» в Иерусалиме, то в клубе любителей идиша в Тель-Авиве...

Не случайно в 2001 году ему присуждена премия имени поэта Давида Гофштейна, именно за выдающийся вклад в популяризацию литературных произведений на идиш через театр и мастерство художественного слова.

Михаэль Вайнапель ушёл из жизни в июне 2007 года, на 86 году жизни. А в августе того же года, в Иерусалиме состоялась церемония памяти лидеров Еврейского Антифашистского комитета, расстрелянного 55 лет назад. В статье об этой встрече Александр Вишневецкий писал:

«Церемония в иерусалимском сквере ТАШИВ, помимо всего прочего, является и своеобразной демонстрацией состояния

и интереса к языку идиш, ко всему тому, что связано с литературой и культурой на этом языке. В течение многих лет вел эту традиционную церемонию памяти Михаил бен Авраам (Вайнапель), бывший скипер «Кол – Исраэль беидиш» («Голос Израиля на идиш»), диктор радио на идиш, актер, историк еврейского театра в газете «Форвертс» («Вперед» на идиш). Три месяца тому назад он умер, и на нынешней церемонии была отдана дань уважения этому человеку».

Вот таким остался в памяти Михаэль Бен-Авраам - Вайнапель, разносторонний деятель культуры, активнейший пропагандист и защитник своего родного идиша.

ПОДЧИНИВШИЙ СЕБЕ СУДЬБУ

Арон Шапиро читает лекцию

Герой этого очерка, пройдя через тяжкие испытания, не только вышел победителем над судьбой и смертью, но и на склоне лет нашёл в себе силы для яркого духовного взлёта, став писателем – идишистом.

МЕЖВОЕННАЯ ПОЛЬША

В семнадцать лет Арон Шапиро оставил варшавскую хасидскую ешиву: он не считал себя вправе продолжать учёбу, когда семья была в тяжелейшем положении. Отец был неизлечимо болен, мать обременена целым выводком детей: всего в семье их было одиннадцать. И хотя к этому времени, к 1936 году, многие уже выросли и отделились, но и отцу, в прошлом зажиточному купцу, а к тому времени немощному человеку, было уже не по силам кормить семью, даже при том, что мать старалась ему помочь. И хотя отец, приверженец еврейской веры, традиций, языка идиш, мечтал увидеть сына раввином, но Арону пришлось устроиться на работу продавцом в галантерейный магазин.

В середине 1930-х годов политическая атмосфера в Польше была накалена до предела. Активно развернули работу и еврейские организации. Из религиозной среды молодой Шапиро попал в среду молодёжи еврейской рабочей партии Бунд.

В то время Бунд и его профсоюзы пользовались среди трудящихся евреев Польши большим авторитетом. Они пытались даже преодолеть произвол хозяев в торговле и ремесленном производстве, где в основном были заняты евреи. Арон вступил в профсоюз Бунда. Кроме того, примкнул к так называемой

«Аркадий-группе», которая состояла из религиозной молодёжи, агитировавшей в своих кругах в пользу сотрудничества с Бундом и поддержки его. Общаясь с молодёжью из светских кругов, Арон узнал много нового для себя, осознал, насколько неправильным было положение трудового народа Польши вообще, а еврейских трудящихся - в особенности. А затем получил урок и на своём примере.

Профсоюз предложил хозяину магазина повысить Арону зарплату.

- Разве я нанимал тебя через профсоюз? Уходи! - сказал хозяин, и ему пришлось уйти. Правда, через какое-то время профсоюз подыскал в другом магазине место, на котором Шапиро проработал до самой войны.

В 1938 году умер отец. Арон помогал матери, как только мог. Правда жизни всё яснее открывалась молодому человеку. Арон был на перепутье. Как раз в этом духовном состоянии его застала война, когда 1 сентября 1939-го немецкий кулак сразил Польшу наповал.

В БЕЛОРУССИИ

6 сентября Арон, как и многие варшавяне, ушёл из столицы на восток: по радио призывали польскую молодёжь в ряды частей армии, формируемых в восточных городах для отпора врагу. Но когда он оказался в Люблине, там уже предупреждали по радио, что вот-вот в город вступят оккупанты. 17 сентября Шапиро был уже в Ковеле, и как раз в этот день Молотов выступил по радио о вступлении Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. В Ковеле пошли слухи, что советские войска дойдут до Варшавы, но они остановились у реки Буг, и надежда Арона на возвращение не сбылась.

В Ковеле началась мобилизация беженцев на работу в Россию. Арон не принял советское гражданство, и ему грозила отправка в лагерь. Удалось присоединиться к группе польских коммунистов, направлявшейся в Минск, на работу на обувной фабрике имени Кагановича. Там его определили в раскройный

цах. Поселили в общежитии. Не имея знакомых, не зная языка, заскучал было, но познакомился с одним местным евреем, стал заходить к нему домой - немного повеселел.

Как-то новый знакомый пригласил его в редакцию газеты на идише «Эйникай» («Единство»). Там попросили перевести с польского на идиш хронику польских газет. В газете «Экспресс», в номере, вышедшем уже при немцах, Арон с ужасом прочёл - это сообщение он запомнил на всю жизнь почти дословно: «15 евреев расстреляны на улице Налевки, 9. Еврейский бандит, которого преследовала полиция, застрелил полицейского. В отместку за это немецкая полиция арестовала 15 евреев из дома, где он скрывался, и расстреляла их». Факт, переведённый Ароном, поразил всех в редакции: тогда к подобному ещё не привыкли. Шапиро понял, что о возврате в Варшаву можно только мечтать.

Кончался месяц работы, предстояла первая получка. Арон хотел использовать её на посылку матери и сёстрам в Варшаву. Уже наступил январь 1940-го, было холодно, морозно, и он пришёл на работу в тёплой куртке. Получив получку - более 300 рублей - и положив её в портмоне, Арон по неопытности оставил его в куртке в гардеробе. После работы Шапиро зашёл домой к своему здешнему знакомому - показать письмо из дома. Но в куртке не оказалось ни письма, ни портмоне, а значит - и ни денег, и ни документов. Бросился назад, на фабрику - не пускают: приходи завтра, в свою смену.

Назавтра с утра пришёл к начальнику, рассказал. А тот в ответ:

- У нас воров нет! Становись к станку, работай!

Арон так и сел на пол, от отчаяния у него навернулись слёзы на глаза. Кто-то из присутствовавших повёл его в партком. Там сочувствие выразилось в обещании выдать после смены 50 рублей - «дотянуть до получки». Конечно, этого и «дотянуть» было мало. Но был ещё и серьёзнейший вопрос документов: в чужой стране, без гражданства, без языка...

Но беда, как говорят, не приходит одна: как раз в это время в партбюро пришёл человек, которого Арон меньше всего ожидал

и желал увидеть: Давид Фрухтман в Варшаве после запрещения компартии примкнул к Бунду и «внедрился» в «Аркадий-группу», в которой состоял и Шапиро. Религиозные быстро «опознали» коммуниста и выдворили его из группы. И вот - несвоевременная встреча. С Давидом вошла и его подруга Рахель, тоже знакомая Арону. Давид его сразу узнал:

- Товарищ Шапиро? Как ты оказался здесь? Что ты тут делаешь? А кто ещё, признайся, тут из «Аркадий-группы»? На первый случай мы с тобой ничего не сделаем, но помни...

Хотя Рахель вступилась за Арона и уговорила Давида оставить его в покое, но у него не было никакой уверенности, что Давид не поднимет вопрос, ссылаясь на религиозное прошлое Шапиро.

Арон решил возвратиться в Варшаву из этой страны, встретившей его так негостеприимно. Он чувствовал себя между молотом и наковальней, и уж если ему суждены страдания, то лучше дома, рядом со своими. Он не мог знать, что его матери и двум сёстрам предстоит погибнуть, а может быть они уже были убиты к тому времени фашистами: время и обстоятельства их гибели выяснить так и не удалось.

Для возвращения нужны были деньги и документы. Но, конечно, выданные 50 рублей - не те деньги. Продал костюм за 400 рублей. С помощью местного своего знакомого Арон установил контакт с работником НКВД, который «сделал» ему пропуск лишь на один день для проезда в приграничный Белосток. В вагоне поезда Шапиро оказался единственным пассажиром. Проверявший пограничник действовал, очевидно, по отработанной схеме:

- Вы, евреи, едете спекулировать! А ну, сойдём на перрон!

Понимая, что за этим может последовать, Арон отдал ему последнюю сотню.

В Белостоке висели объявления, предлагавшие желающим выехать в Польшу зарегистрироваться 1 апреля 1940 года. Был вариант с риском переправиться через пограничную речку нелегально, но, прочтя объявление, Шапиро выбрал законный путь.

1 апреля сотни людей с восьми утра ждали своей очереди.

Когда подошла очередь Арона, ему дали подписать декларацию о его желании выехать в... Германию! Арон даже и разобраться не успел, что подписывает, но в любом случае главным было то, что, выйдя в другую, указанную ему дверь, он тут же был посажен в машину и отвезён прямо в тюрьму. Дали срок сразу по двум статьям: 120-й - попытка нелегального перехода границы и 39-й - бродяжничество. Три месяца продержали в тюрьме Белостока, а затем год в Витебске, до июня 1941 года. С началом войны вывезли в Горький.

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

В Горьком Арон просидел до сентября 41-го, когда, по соглашению с польским правительством в эмиграции, польских граждан начали освобождать и развозить по всему Союзу на «свободное поселение». Шапиро попал в группу, направленную в Чувашию на лесоповал. В бараке разместили по десять человек в комнате - ни кроватей, ни столов, ни постелей, ни электричества, ни даже керосиновых ламп... Решили бежать все вместе. Сели на поезд без билетов и поехали туда, где теплее - на юг. Так и доехали до Ташкента. Там беженцев в город не выпускали: в загоне у вокзала скопились тысячи людей. Порой появлялись вербовщики. С группой поляков Арон оказался в колхозе «Большевик», в 30 километрах от Самарканда.

Сначала кормили хорошо: хлеб, мясной суп... Но в ноябре кормить практически перестали. Три месяца вообще не давали хлеба. На полях собирали всё, что можно было съесть. Люди опухали, болели, умирали от голода... Заболел и Арон. С высокой температурой его привёз узбек на арбе в госпиталь города Красноармейска. Госпиталь переполнен; принимают только раненых, прибывающих с фронта. Вокруг госпиталя - десятки больных, лежавших прямо на земле. А шёл уже февраль 42-го, был мороз...

Не зная, что делать с Ароном, и не имея возможности остаться, узбек, когда наступила ночь, переложил его на крыльцо, прямо под дверь госпиталя, сунул ему в карман направле-

ние в госпиталь и уехал. Вышла сестра, достала направление Арона, позвала вторую, и они вдвоём, взяв больного за руки и за ноги, раскачав, сбросили его с высокого крыльца прямо на землю. С большим трудом, из последних сил Шапиро дошёл до вокзала - там было тепло. Лёг на лавку и уснул. Но в полночь пришёл дежурный и всех выгнал: уборка. Вышел на улицу, силы окончательно оставили его, лёг прямо на землю у стены вокзала и заснул...

Проснулся утром, засыпанный снегом. Не было сил даже сесть. И вокруг ни души. Думал, что уже конец. По счастью, мимо шла пожилая женщина, как оказалось - еврейка. Помогла подняться, довела до расположенного недалеко дома, дала молока и чёрный сухарь. Реакция больного и изголодавшегося организма Арона на эту пищу была такой, что женщина испугалась, позвала соседку, та - молодого поляка. На телеге Арона отвезли к горсовету; молодой человек зашёл в него и каким-то образом быстро получил чьё-то распоряжение на госпитализацию больного во всё тот же госпиталь. И те же сёстры, что сбрасывали Шапиро с крыльца, на сей раз приняли его, выкупали, положили в чистую кровать и осторожно накормили.

Несколько недель Арон приходил в себя, а затем его, ещё больного, перевезли в стационар при отделении Союза польских патриотов, действовавшем, как ни удивительно, в этом небольшом городе в 30 километрах от Самарканда. В двух комнатах стационара больные лежали прямо на полу, вместе - мужчины и женщины. Питание приносили из госпиталя. Из полагавшихся 400 граммов хлеба и супа больным оставалась половина. В этих условиях выздоровления просто можно было не дожидаться...

Как-то больных стационара осматривала врач, еврейка. Отнеслась к Арону более внимательно, оставила лекарства, а главное - настояла на том, чтобы ему давали полный паёк хлеба и супа. Молодой организм начал побеждать болезнь. Когда решили, что Шапиро достаточно окреп, дали 50 рублей, буханку хлеба и отправили на станцию. Поехал на север, сам не зная куда...

Уже наступила весна 42-го. Оказался в Казахстане, в селе Бурное, на торфяных разработках. Кормили хорошо, зато жи-

ля не было никакого. Спали в шалашах из торфяных брикетов. Пока было лето, было нормально, но к осени вот-вот должны были начаться дожди, как быть - никто из рабочих не знал.

И снова неожиданно пришла удача: появился директор местного сельскохозяйственного техникума, казах. Опросил всех и отобрал Шапиро и ещё троих. Получили общежитие, стипендию, столовую, для того времени - мечта! Год проучился Арон, а затем один из ребят, поляк, где-то прочёл объявление и предложил написать в Ташкентский институт ирригации и механизации сельского хозяйства - ТИИМСХ. И вот, к лету 43-го, из Ташкента пришло приглашение на подготовительное отделение института. Там отучились, получили аттестаты зрелости и были приняты на первый курс института. Но стипендия была всего 270 рублей, этого было мало даже на то, чтобы выкупить продуктовый паёк. Выхода не было, на знаменитом ташкентском базаре занимались перепродажей. Угодили в милицию; их хотели посадить, но институт вызволил, а потом всё-таки, опасаясь неприятностей, директор исключил провинившихся студентов.

И тут же военкомат мобилизовал изгнанных из института и направил в трудовой батальон. С призывниками здесь долго не церемонились: научили держать винтовку и направили в отряд охраны Ростсельмаша, который в те годы был в эвакуации в Ташкенте. Так Арон Шапиро и проработал там до 46-го, до возвращения в Польшу. В 45-м познакомился с еврейской девушкой Марьям, тоже из Польши, и там же, в Ташкенте, молодые отпраздновали свадьбу.

ПОЛЬША

Лишь в июне 46-го Арон и Марьям получили пропуска в Польшу и приехали в город Ледница, недалеко от Вроцлава, на бывшей немецкой территории. В Леднице в то время ещё размещался штаб маршала Рокоссовского. У семьи Шапиро с самого начала не было желания задерживаться в Польше, тем более что как раз в 46-м уже был кровавый погром в Кельце, и многие евреи уезжали кто куда: кто в Палестину, а кто даже и

в Германию. Требовалось приглашение; родственники Марьям должны были прислать его из Уругвая, но замешкались, и тут польские власти закрыли границы и запретили эмиграцию.

Так молодая семья и прожила в Польше до 1956 года, пока не приоткрылся временно «железный занавес», чем они сразу и воспользовались. А в эти десять «польских» лет Арону пришлось поработать и в местных кооперативах, и на вредном производстве - вулканизации, и в магазине продавцом.

В первые два года, до 48-го, в Польше активно работала еврейская партия Бунд. Затем она вынуждена была прекратить свою деятельность, отказавшись от объединения с другими партиями в единую Польскую объединённую рабочую партию, как того требовали власти. В течение этих двух лет Арон участвовал в работе местной партийной организации, хотя проявить себя в общественной работе в то время у него возможности не было: семья начинала жить с нуля, надо было зарабатывать. Были и семейные радости: Марьям за эти годы родила троих - сына и двух дочерей.

НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

Арон Шапиро

Но вот, наконец, в сентябре 56-го поездом выехали в Вену, а оттуда самолётом - на Бен-Гурион. С аэродрома направили в Акко, дали небольшую квартиру. Работу в Израиле Арон начал с изготовления сумок. Бывшего варшавянина Шапиро тянуло поближе к центру, к большому городу. И когда материально окрепли, купили квартиру под Хайфой, в Кирьят-Бялике, и с 1965 года так там и жили. В 70-м Арон начал работать на крупном оборонном заводе и до выхода на пенсию в 84-м трудился на нём.

Всемирный конгрессе партии Бунд. Рядом с Ароном Шапиро (крайний слева) – Влада Мил, легендарная связная Варшавского гетто. Нью-Йорк.

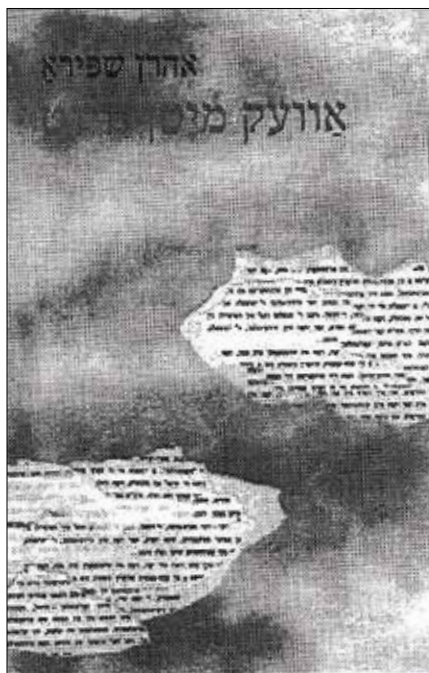
За это время дети выросли, все получили образование и все трое - на высоких и очень необходимых людям постах. Внуки, правнук - счастливая компенсация деду и бабушке за пережитое.

Арона всё время тянуло к людям, в общественный коллектив. Он часто по-доброму вспоминал сравнительно недолгое, но интересное предвоенное время, когда общался с активистами Бунда и сам участвовал в их работе. Переехав в Ки́рьят-Бялик, Шапиро начал посещать клуб отделения Бунда в Хайфе и постепенно стал одним из его активистов, а с 85-го возглавил это отделение. Лишь тяжёлая болезнь вынудила его прекратить эту работу в 1995 году. Но Арон Шапиро остался членом руководства Союза Бунд Израиля. Ещё в 1994 году он и редактор газеты «Лебенс фрагн» Ицхак Люден представляли организацию Израиля на Всемирном конгрессе Партии Бунд в Нью-Йорке, где выступили с докладами о положении в стране и работе израильского Бунда, участвовали в прениях об общем положении партии в мире, встречались с интересными людьми.

Ещё в 80-х годах Арон Шапиро начал публиковать статьи в «Лебенс фрагн» на самые разные темы, политические и литературные, стал членом редколлегии газеты. Он не раз подчёркивал большую положительную роль, которую сыграл Ицхак

Книга Арона Шапиро
«Человек и судьба»

Книга Арона Шапиро
«Ушёл с ветром»

Люден в его литературном и журналистском развитии. Шапиро публиковался в «Летцте наес», «Форвертс», «Цукунфт», в варшавской «Дас идише ворт». Кроме статей на идише, в журнале «Хишбон» печатался на иврите. Читал лекции по еврейской литературе...

В 2002 году изданы два романа Арона Шапиро, объединённые в книге «Человек и судьба», написанные на идише. В томе - 570 страниц. Романы основаны на реальных событиях и интересны для не только военного, но и последующих поколений.

В 2007 году издана ещё одна книга Арона Шапиро – «Ушёл с ветром» - сборник его рассказов о жизни в разные периоды ушедшего века, сгруппированных по времени: о детских годах, о времени после Катастрофы, о жизни в современном Израиле. Завершает книгу большая новелла, - автор называет её «Антропологической», - сюжет которой основан на жизни реального

профессора – антрополога и его выводах о человеческом бытии.

Предисловие к книге написано известной писательницей на идише Элишевой Козн-Цедек, которая, подчёркивая достоинства книги Арона Шапиро, особо отмечает удачные в литературном смысле сюжеты его рассказов о раннем детстве, хорошо передающих жизнь и дух еврейской религиозной семьи и напоминающих картины классиков еврейской литературы начала двадцатого века.

Книги Арона Шапиро – существенный вклад в израильскую творческую палитру литературы на идише, особенно важный в это нелёгкое для неё время. Автору книги ныне за 90 лет, он переехал в Кармиэль, где его опекает дочь. Несмотря на возраст и проблемы со здоровьем, Арон подготовил материал для третьей книги. На идише.

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Дина в офисе Арбетер Ринг, где она проработала свыше 40 лет

Судьба семьи Дины Шайн-Тайтельбаум - зеркало жизни еврейской трудовой семьи XX века. Через страдания, муки, через борьбу прошли, в той или иной степени, очень многие из ныне живущих израильтян - выходцев из Европы. Тем более так важно сохранить их воспоминания...

БЕЗРАДОСТНАЯ МОЛОДОСТЬ

Наконец-то родной Тарнув - четыре года не был здесь Мелех Тайтельбаум. Уезжал из Галиции – области Австро-венгерской империи, а вернулся в Галицию - область независимой Польши.

Тяжёлыми и безрадостными были детство и юность Мелеха: он рано потерял отца, и с восьми лет его воспитывала старшая замужняя сестра. С 11-ти лет он уже работал учеником портного, потом - наёмным портным у хозяина, получая гроши. Братьям повезло больше: старший стал наследственным раввином, средний - удачно женился и на хорошее приданое организовал торговлю деревом. А младший Мелех всю жизнь вёл борьбу за кусок хлеба, за работу, за права и человеческое достоинство. И не случайно он стал социалистом, вступил в ЖПС, по-польски - «Жидовску партию социалистичну» - Еврейскую соцпартию.

В 1914 году началась первая мировая война, и в 1915-м Мелех был мобилизован в императорскую армию. Но провоевал он недолго: попал в чешскую воинскую часть, которая в первом же соприкосновении с итальянцами, воевавшими на стороне Антанты, сдалась без боя противнику: ни чехи, ни поляки, ни евреи не хотели проливать кровь за чуждые им интересы Австро-Венгрии. Молодой Тайтельбаум оказался в плену в Италии, четыре

года проработал там на полях и в огородах и осенью 1919-го вернулся в Тарнув, который уже год как был в составе независимой Польши.

Мелех начал работать наёмным портным у хозяина, но в 1920 году началась война Польши с большевистской Россией, и его мобилизовали на военную швейную фабрику в городе Сонч, не так далеко от Тарнува. В свободное время молодёжь Сонча собиралась в несколько кружков по интересам, по политической ориентации. Мелех стал посещать кружок еврейской социалистической партии Бунд, в которую незадолго до этого влилась ЖПС. На этих собраниях он познакомился с Ханой Эйтингер, бедной сиротой, работавшей у модистки-шляпницы. Помимо чувств, их сближали общие взгляды на многое. Мелех рассказал о своих намерениях братьям, но те и слышать не хотели о его браке с бесприданницей. Это Мелеха не остановило.

Как раз в это время полиция активизировала свои действия против социалистов. Мелеху грозил арест как активисту, и он вместе с Ханой на время уехал в деревню к своей матери. Ей Хана понравилась, и когда молодые попросили благословения, мать сказала: «Что ж, нельзя обижать сироту», - тем самым ответив старшим сыновьям.

Вернувшись в марте 1922 года в Сонч, Мелех и Хана не стали больше ждать и, решив оформить свои отношения, обратились к раввину. Но тот потребовал такую сумму, которой близко не могло быть у рабочего, даже трудившегося от зари до зари. Однако надо было знать Мелеха: он тут же заявил раввину, что если он не оформит их брак за те небольшие деньги, что у них были, молодые обратятся в католический костел и попросят благословения у ксёндза. Что оставалось делать раввину? Не мог же он допустить, чтобы брат раввина и впрямь пошёл на поклон к католикам...

СТАНОВЛЕНИЕ СЕМЬИ

В марте молодые поженились, а в декабре 1922 года у них уже родилась первая дочь Дина. Начинали жить очень тяжело.

Мелех в те годы работал на хозяина, а тот, в свою очередь, на купца - получал у него материалы для пошива и отдавал готовую одежду за гроши на продажу. О том, насколько жизнь людей в то время была убога и ограничена, на каких интересах замыкалась, говорит такой эпизод.

В 1924 году скончалась мать Мелеха, жившая у старшего его брата-раввина. Всю свою бижутерию, которой у неё было много и которая тогда была в цене, мать завещала той снохе, которая первой после её смерти родит девочку и назовёт её именем усопшей. Первой среди родни Мелеха в октябре 1924-го появилась на свет его вторая дочь Тоня. По-еврейски, в честь усопшей, её называли Толбе-Хае. Мелех попросил брата исполнить желание матери, тем более, что у Ханы, в отличие от других снох, не было никаких украшений. Но брат не отдал завещанное, мотивируя свой отказ тем, что Хана не носила парик, как предписано религией. Несколько лет длилась тяжба, и в конце концов старший брат был вынужден отдать бижутерию, но вернул только часть. Позднее, во вторую мировую войну, в Дагестане эти украшения буквально спасут семью от голода - к этому мы ещё вернёмся.

В конце 1925-го у Мелеха и Ханы родилась и третья дочь - Розалия. Сводить концы с концами стало ещё трудней. В Сонче жизнь портных, работавших у хозяина или даже на купца, была совершенно невыносимой. Здесь они зарабатывали в несколько раз меньше, чем в Тарнуве. Пользуясь полной безысходностью, зависимостью людей, работодатели закрутили гайки до предела.

Недовольство сплотило портных: был образован стачечный комитет. Мелех стал его членом. Зимой 1926 года комитет объявил забастовку. Властям и работодателям не составило большого труда её подавить. Нависла угроза ареста, и Мелеху пришлось на несколько недель уехать в Тарнув.

Когда он вернулся в Сонч, забастовщика не принял на работу ни один хозяин. Но большую семью надо было кормить - кроме Мелеха с Ханой, были и мать Ханы, и три дочери. И глава семьи продолжил борьбу за жизнь. Одолжив у брата десять дол-

ларов (сейчас смешно сказать), он купил две швейные машины, материалы и стал работать на себя, как ремесленник. Минуя купцов, Мелех сам закупал материалы и сам продавал готовый товар на ярмарках.

Несколько лет семья прожила в большой нужде. Со временем у отца появились два помощника. Но в быту их мало что изменилось. Сейчас трудно себе представить, как можно было столь длительный срок жить в таких условиях.

Семья снимала одну комнату, влажные стены которой покрывала плесень. На шестерых было три кровати: отец с маленькой Розалией, мать - с двумя старшими дочками, а кроватку бабушки с утра убирали и ставили только к ночи, когда кончали работу и уходили два помощника отца, работавшие на швейных машинах. Ещё оставалось место для стола, служившего и для раскроя, и для обеда. И ещё были печка и кухонный шкаф - вот и всё. В этих условиях и за этим же столом делали уроки подраставшие девочки.

Несмотря на невыносимую жизнь, Мелех и Хана тянулись к свету: много читали на идише, польском и немецком. Они делали всё возможное, чтобы дать образование детям: девочки учились в польской школе, а после обеда шли ещё и в еврейскую школу - ортодоксальную, только для девочек. Мелех и Хана не были так уж религиозны, и вообще в этой школе их дочери были единственными из семьи ремесленника. Но Мелех отправлял дочерей в еврейскую школу не для того, чтобы они прониклись верой, а чтобы знали и уважали свою национальность и язык идиш.

Энергичность и личные качества характера Мелеха начали давать свои плоды: он обрёл уважение своих товарищей по профессии, стал членом гильдии портных-ремесленников Сонча, а затем - и активным членом комитета, хотя в основном в гильдии были поляки, евреев было мало. В 1934-м он стал членом цеха портных, а диплом члена цеха - мастера - давал право держать учеников.

В этот период, формально отойдя от партийной работы в Бунде, Мелех продолжал оставаться его членом на учёте в ор-

ганизации Тарнува и оказывать помощь в работе местной организации. В общем, в жизни семьи появился проблеск надежды на лучшее. Но этому помешало стихийное бедствие.

УДАР СТИХИИ И СТОЙКОСТЬ ЛЮДЕЙ

1934 год был годом страшного наводнения: разлившиеся Висла и её приток Дунаец затопили огромную территорию, нанеся городу Сончу и всей округе катастрофический ущерб. Дом, где жила семья Тайтельбаумов, невозможно было восстановить. У Мелеха погибло многое из оборудования, мебель, скarb, товары, готовые изделия.

Пришлось снять новое помещение для жизни и работы и всё начать сначала. Денег не было. Сняли самое дешёвое из того, что было: комнату с маленькой кухней в польском доме, причём на нижнем этаже, как раз под их квартиркой, находилась фабрика уксуса. Запах его пропитал всё в их квартире, включая одежду. Они и жили, и ходили, источая этот запах, несколько лет, до 1939 года, когда после начала войны вынужденно покинули Польшу.

Но, по крайней мере, теперь два помощника отца работали в кухне, правда - в этой кухне и жили. Зато у подраставших девочек появились хоть какие-то условия для занятий - комната, в которой можно было закрыть дверь. Но и тут кроватей на всех не хватало, девочки спали вместе. А то, что дом принадлежал католикам и на его фасаде была иконка, возможно, даже спасло жизни его обитателям-евреям, на достаточно продолжительное время оградив их от внимания фашистов после начала войны.

Мелеху и Хане пришлось всё начать заново: восстановить оборудование и скорее начать работу, а значит - закупить материалы. Надо было хоть как-то обставить комнату и кухню-мастерскую, обеспечить постель и одежду, еду, тетради и учебники дочерям, их дальнейшую учёбу. Потребовалась стойкость, сила воли, чтобы не сломаться в этой отчаянной ситуации. Потребовалась энергичность и напористость Мелеха. Большую роль сыграл его авторитет в гильдии и в общественных организаци-

ях, где он получил помощь и кредиты. Жизнеспособность семьи была восстановлена.

СТАРШАЯ ДОЧЬ

Дина (в центре) – руководитель молодёжной организации «Цукунфт» («Будущее»), Сонч 1938 год

В 1935 году старшая Дина закончила седьмой класс. О дальнейшей учёбе не могло быть и речи: материальное положение семьи не позволяло. Ей было двенадцать с половиной лет, а закон разрешал работать с четырнадцати. Конечно, Дина времени не теряла: училась сама, много читала, да и подрабатывала немного, давая уроки

младшим ученикам. А осенью 1936-го пошла в ученицы к портнихе. Ученицам не платили вообще, хотя проработала Дина у этой портнихи около трёх лет по 10-12 часов в день. Мало того: ещё и уголь приносила Дина для печки и для утюга. Когда Дина перешла ученицей к другой портнихе, знакомой родителей, ей хозяйка и здесь не платила, хотя Дине было уже больше 14-ти. Правда, приработок порой был, когда хозяйка поручала ей отнести клиенткам готовую одежду, и те давали «на чай» гроши.

К этому времени Дина была уже развитой симпатичной девушкой; многие заказчицы просили хозяйку присылать именно её. А то, что внешность её была не типично еврейская, по-своему не раз помогало ей в жизни. К примеру, когда заказчица не хотела иметь дело с евреями, хозяйка посылала Дину, и та находила с «аристократкой» общий язык. Забегая вперёд, стоит сказать, что свой первый заработок Дина получила только как раз накануне войны, 31 августа 1939 года.

В 1937 году партия Бунд отмечала своё сорокалетие. Отец, состоявший в организации города Тарнува, присутствовал там

на юбилейном собрании. Руководство поставило перед отцом вопрос о создании вновь ячейки в Сонче, и прежде всего молодёжной организации. У Бунда было два уровня организаций: молодёжи - «Цукунфт» («Будущее») и детская - СКИФ - «Социалистическое киндер идише форбанд» («Социалистическое детское еврейское объединение»). Отец перепоручил работу по организации еврейской молодёжи старшей дочери: ей было уже 15 лет, её внешний вид, грамотность, начитанность, коммуникабельность и проявившиеся организаторские способности привлекали молодёжь.

Как раз в это время в Польше был ликвидирован комсомол, и много социалистически настроенной молодёжи, в основном рабочих, но и учащихся примкнули к Бунду. Была создана молодёжная организация - 150 в основном рабочих. Были там и три гимназиста, хотя им и запрещалось участвовать в работе политических организаций. Многие старались соблюдать конспирацию, опасаясь потерять работу или учёбу в гимназии.

Сняли помещение на собранные деньги. Собирались после работы, вечерами. Студенты читали лекции. Обсуждали любые вопросы: политические, исторические, научные. Создали свой еврейский хор, театральный кружок, выступавшие в праздники, годовщины.

На встречах всегда была дружеская, доброжелательная атмосфера людей, объединённых общими интересами и взглядами. Активисты ходили на еврейские свадьбы - собирали деньги для Бунда. Люди видели его роль в отстаивании интересов еврейского населения: Бунд имел своих делегатов в местных органах власти, имел свои школы и медицинские учреждения и пользовался авторитетом в еврейских массах.

Молодёжь не могла легализовать свою деятельность в Сонче, не имея официальной организации. Поэтому подключили несколько взрослых членов партии и легализовали её городскую ячейку, сняв тем самым претензии полиции. Всё это время Дина была одной из тех, кто возглавлял эту работу, сыгравшую большую роль в развитии и росте самосознания еврейской молодёжи города. Этот опыт в дальнейшем пригодился ей и по-

могавшим Дине сёстрам, когда пришлось решать вопросы и отстаивать интересы свои и своих близких. А это время как раз настало: 1 сентября 1939 года началась война.

ОККУПАЦИЯ

Уже через неделю после начала войны немцы были в Сонче. Партия Бунд, предвидя начало войны, заранее подготовила план, и в первые же дни на местах приняли меры конспирации: спрятали флаги, документы, книги; часть сожгли. Многие, в том числе и семья Мелеха, заготовили на несколько недель продукты, уголь. Старались вообще не выходить на улицу. Домохозяйка пани Краевская, полька из богатой семьи, активистка польской антисемитской организации, но почему-то с сочувствием относившаяся к «своим» евреям - их семье, приносила им хлеб в первое время, пока его продавали свободно. Вообще, пани Краевская, имея десятки работавших на неё поляков, доверяла жильцам-евреям больше настолько, что даже своё самое ценное она просила зарыть и замуровать Мелеха. Вот такие парадоксы.

Когда пришлось добывать хлеб самим, Дина вставала в очередь в четыре утра. Но дело осложнялось тем, что она не могла появляться в очередях в своём районе: поляки могли её узнать, и кто знает, как бы с ней, еврейкой, поступили. А в отдалённые районы путь лежал через мосты, которые охраняли немцы. Спасали молодость и симпатичная внешность Дины, не похожей на еврейку.

Однажды Дина благополучно перешла два моста и встала в очередь у одной отдалённой пекарни. Поляки выбросили из очереди одного еврея. Потом узнали известную в городе Элли Гольдбергер, красивую молодую еврейку из богатой семьи, и тоже вытолкали её из очереди. В это время мимо проходил патруль, но не немецкий, а австрийский. Увидев происходящее, австрийцы приказали вынести из пекарни четыре караваев хлеба и отдали ей. Союзники немцев ещё сохраняли человеческое лицо. В дальнейшем судьба этой девушки, дочери ювелира, была трагичной. В неё влюбился сын богатого украинца. Спасая

сынка, его родители донесли на Элли. Девушку увезли в застенки Кракова и там замучили. А сына мобилизовали в украинскую армию, воевавшую на стороне немцев.

15 октября власти приказали всем евреям Сонча зарегистрироваться. Помимо того, что Дина - еврейка, она ещё была известна многим как активная социалистка. Ничего другого не оставалось, как уходить на советскую сторону. В тот же день Дина вместе с двумя коммунистами и одним бундовцем на попутной телеге уехала на восток.

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

К вечеру они успели доехать до города Горлице. В первом же польском доме на окраине их пустили на ночлег, накормили. О национальности, слава Богу, не спросили. На следующий день продолжили путь пешком; иногда подвозили попутные крестьяне. Наконец, добрались до деревни на окраине города Санок, у пограничной реки Сан. Переночевали в еврейской корчме, а поутру вышли к реке. Но по пути к переправе увидели приближающийся немецкий патруль и решили переправляться вброд тут же, хотя течение здесь было быстрое, а плавать никто из них не умел. Всё обошлось, выбрались на другую сторону и попали «в объятия» советских пограничников, ещё в будёновках и длинных шинелях. Мокрые, но счастливые, они доверчиво, под конвоем красноармейцев пришли на заставу.

Мужчин - попутчиков пропустили без проблем, а Дине, не знавшей русского, пришлось объяснять специальность «портной». Вынула и показала иголку. Поняли и тоже пропустили.

В том же составе они сели в поезд в сторону Львова. Денег на билеты не было. Но - такое везение - кондукторами в поезде оказались железнодорожники из Сонча. Денег с них не взяли и дали массу полезных советов. Но главное - сразу после рейса проводники должны были вернуться в Сонч. Дина попросила передать её хозяйке пани Краевской, что встреченная ими дочь портного направляется в город Станислав.

Если бы Дина попросила передать это своим родным и на-

звала свою фамилию, поляки сразу бы «вычислили» её национальность, а заодно - адрес еврейской семьи, и кто знает, как они себя бы повели. А в том, что пани Краевская ничего лишнего не скажет, а родителям о ней передаст, Дина не сомневалась. Так всё и получилось.

Во Львове им снова повезло: встретили знакомых, перешедших границу одними из первых. На одну ночь их приютили в каком-то общежитии для беженцев, настолько переполненном, что миниатюрную Дину разместили на ночь на шкафу. Наутро Дина выехала в Станислав - там её ждал Мендель Шайн, товарищ по совместной работе в Бунде и жених, а в дальнейшем и муж.

В Станиславе уже лежал снег, было морозно. Снова повезло: и здесь встретились знакомые, которые привели в квартиру для беженцев, подготовленную еврейской общиной. Здесь Дину навестил старший брат Менделя, потом встретилась и с ним самим. Можно представить себе их радость. Но всё хорошее омрачалось неразрешимой проблемой жилья.

Зима выдалась на редкость холодной. На съём жилья денег не было. Менделя и ещё нескольких парней приютил католический монастырь на окраине города. Дина спала где удастся, почти каждую ночь в новом месте. Удалось устроиться работать у портнихи, и хотя она денег не платила и не кормила, но зато Дина весь день была в тепле. Обедала в еврейской столовой.

Мендель предлагал ехать в глубь России, но надо было подождать семью: Дина не сомневалась, что они не задержатся. А между тем до родителей дошла весть, что Дина - в Станиславе. Как раз в это время произошло событие, ускорившее их решение. Немцы направили отца на работу - засыпать польские оборонительные траншеи. По дороге домой его остановили и снова направили чистить туалеты. Он сказал, что сегодня уже отработал, и в ответ его жестоко избили и заставили отработать ещё раз. Отцу необходимо было срочно скрыться: действия оккупантов были непредсказуемы. В тот же вечер отец с Тоней ушли на восток. Мать с Розалией остались в надежде продать швейные машины, скarb, оставшийся товар, мебель - ведь никаких денежных запасов у них не было.

В ноябре Мелех и Тоня с одной из групп переправились вброд через Сан. Вода была уже ледяная, многие тонули при переправе. Но хотя бы не было ещё непрерывных заграждений вдоль берегов. Им повезло, и уже в том же ноябре Мелех и Тоня были в Станиславе.

В ГЛУБЬ РОССИИ

К этому времени Менделю отказал в приюте монастырь, и они с Мелехом временно устроились на мельницу, там же и спали. Тоню приняли в семье подруги из Варшавы. Дина жила на квартире, временно снимала койку.

Всё меньше надежды оставалось у Мелеха на то, что Хана с Розалией смогут перейти границу и догнать их в ближайшие месяцы. Пришло известие о том, что не только с немецкой, но и с советской стороны граница закрыта, в том числе вообще закрыт пропускной пункт на мосту через реку Сан в городе Санок, где надеялись переправиться Хана с Розалией. А потом пришла весть о серьёзной болезни Ханы, и стало ясно, что уж по крайней мере до весны ждать их бесполезно.

В то же время отец всё яснее понимал, что оставлять дочерей на длительный срок в таких нечеловеческих условиях, когда приходится ночевать вповалку что ни день на новом месте, просто небезопасно, а денег на жильё не было и не предвиделось.

Мендель уже давно настаивал на отъезде в глубь Союза, резонно говоря, что если не подать заявления самим, то в любое время власти могут их принудительно отправить в эшелоне невесть куда, как «перемещённых» иностранных нелегалов - принимать советское гражданство они не спешили.

Поразмыслив, отец решил, вслед за Менделем, подать документы на переселение. Менделю первому определили местом назначения город Буйнакск в Дагестане. А 10 января 1940 года отправили эшелонем и семью Тайтельбаума. Две недели ехали до грузинского Батуми, а оттуда - в чайный совхоз Чаква, в 16 км от города. Поселились в бараке, работали на чайной плантации. Работа была тяжёлая, нежные девичьи руки были в

мозолях и ссадинах.

Мендель из Дагестана «бомбардировал» их письмами, призывая приехать в Буйнакск, где, как он узнал, была острая потребность в таких специалистах-портных, как Мелех. Денег на дорогу не было. Продали часы и купили билеты до Буйнакска. Наконец, вместе с ещё одной молодой парой тайком выехали в Дагестан. В мае 1940 года приехали в Буйнакск. Встретили их радушно. К этому времени Мендель, приехавший в январе, успел поработать на фруктовом заводе, учился на токаря и в вечерней школе одновременно и работал уже в конторе нормировщиком. С квартирным вопросом и здесь было сложно. Первое время жили в комнатухе с тремя кроватями: для отца, двух сестёр и молодой пары попутчиков. Сразу стали работать в швейпроме. Вечерами учили русский.

Всё это время - ещё в Грузии, и по приезде в Буйнакск - отец делал всё возможное, чтобы узнать, как дела у Ханы и Розалии, сообщить им свой адрес и помочь им избавиться от ужаса и смертельной опасности, в которой жили евреи оккупированной немцами Польши. Благодаря своей настойчивости Мелех знал о том, что жена с дочерью - на границе, но перейти невозможно, а Хана знала, что они уже в Дагестане. Куда только ни обращался Мелех в тщетной, а порой, как представляется сегодня, даже наивной попытке вызволить своих близких, и каких только ответов ни получал. Вот, например, ответ Наркомата иностранных дел от 31 июля 1940 года на просьбу Мелеха о приёме Ханы и Розалии в гражданство СССР и помощи им во въезде:

«Гр. Тейтельбаум М.С. Вашим родственникам, желающим въехать в СССР, необходимо лично или по почте оформить дело в Полпредстве СССР в Берлине по приёму в гражданство СССР, так как вопрос о их въезде в Советский Союз может быть решён лишь в случае их приёма в гражданство СССР. Вам, если Вы поддерживаете ходатайство Ваших родственников, необходимо прислать заверенную нотариусом или по месту работы подписку в том, что Вы, в случае разрешения им въезда в СССР, возьмёте их на своё иждивение и обеспечите жилплощадью...»

Что ж, ответ дан вовремя и в полном соответствии с норма-

ми международного права даже и для наших дней. Но как Хана могла обратиться в Полпредство в Берлине даже письменно, когда перлюстрировалась почта, а за подобное еврею тут же грозила смерть. Да и в СССР - какую отец мог дать гарантию на обеспечение жилплощадью? Правда, тут было проще: справку можно было «достать», как тогда говорили. Но что говорить о вторичном, когда не решался главный вопрос. Оставалось ждать и надеяться на что-то...

ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ НА ГРАНИЦЕ

Как только в Сонч пришла весть, что Мелех и Тоня уже по ту сторону границы, Хана и Розалия начали готовиться к отъезду. К этому времени немцы ещё более ужесточили режим в Сонче. Расстреливали без предупреждения, евреям вообще запретили посадку в вагоны на станции. Поэтому Хана с дочерью выехали из города на телеге и на другой станции сели в поезд до города Санок, где был мост через пограничную реку Сан. Он служил пропускным пунктом через границу, и до последнего времени сравнительно свободно, в случаях воссоединения семей, немцы и русские пропускали людей.

Но как раз незадолго до приезда Ханы и Розалии неожиданно советские пограничники прекратили принимать беженцев, не сообщив ни причины, ни сроков. Они об этом не знали, но всё равно бы приехали: пути назад не было, а здесь была хоть надежда. Теперь переправиться нелегально вброд было очень опасно, а для них практически невозможно: по обе стороны реки - колючая проволока, частые патрули, у русских - собаки; к тому же была зима, вода ледяная. Смельчаки рискуют с помощью местных, но не в таком составе.

Январь 1940 года. Поезд прибыл на станцию Санок. Выходящих из вагонов встречает команда: « Всем евреям - собратыся ...» Хана и Розалия, лица которых не явно еврейские, рискуют смешаться с поляками. У подчинившихся команде евреев отбирают деньги, документы. На вокзале - отдельно залы для поляков и евреев. Хана и Роза ночуют на полу польского зала. Про-

ходя по залу, патруль выборочно проверяет документы. Солдат смотрит пристально на Розалию: « - Ты еврейка?» « - Почему ты так думаешь?!» - разыгрывая возмущение, вопросом на вопрос отвечает девушка. Солдат проходит дальше. Слава Богу...

Наутро Хана и Розалия - в толпе беженцев у моста. У входа на мост - издевательские плакаты на немецком: «Юдэн, фарэн нах Русланд!» («Евреи, уезжайте в Россию!»). А с советской стороны путь перекрыт. В городе скопилось только евреев-беженцев 15 тысяч. А были и тысячи поляков, украинцев... Толпы стояли с утра до вечера, до комендантского часа, потом рассасывались и прятались кто где: у многих не было крыши над головой. Как и у наших героинь.

Переночевав первую ночь в польском зале вокзала, они на следующую не решились ни в польском, ни в еврейском. И так целый месяц, в самые зимние холода, Хана и Розалия на каждую ночь подыскивали себе какое-нибудь укромное место за сараем, в подворотне, закутывались в тёплое и дремали до утра.

У Ханы началась тяжёлая депрессия: пропадала память, временами переставала узнавать людей, становилась агрессивной... В этих тяжелейших условиях 15-летняя Розалия проявила удивительную выдержку, волю, а как дочь - и человеческую верность. Роза постаралась отдалить мать по возможности от людей, чтобы не догадывались о её болезни и не стало известно немцам. Но силы и возможности маленькой хрупкой девушки-подростка были не беспредельны, и неизвестно, как бы выжили они с матерью, да и тысячи других евреев, если бы не сплочённый костяк еврейской общины города во главе с Лейбом Вернером. Он и его помощники Мориц и Ортнер были буквально амортизаторами между оккупантами и евреями, взяв на себя все переговоры с немцами и организуя всё, что требовали фашисты: собирали для них контрибуции и просто взятки, каждый день подбирали команды на работы, которые требовали выполнить немцы.

Они не были холуями немцев. Евреям было понятно, что если то, что делают они, будут делать сами оккупанты, то есть напрямую командовать евреями, - каждый день будут погибать

десятки людей. Часто им приходилось принимать на себя удары в буквальном смысле: у Вернера, например, были выбиты все зубы. Он-то уж, зная всё и всех, мог при желании в любой день бежать на ту сторону. Но он не ушёл и в 1942 году погиб от рук гестаповцев.

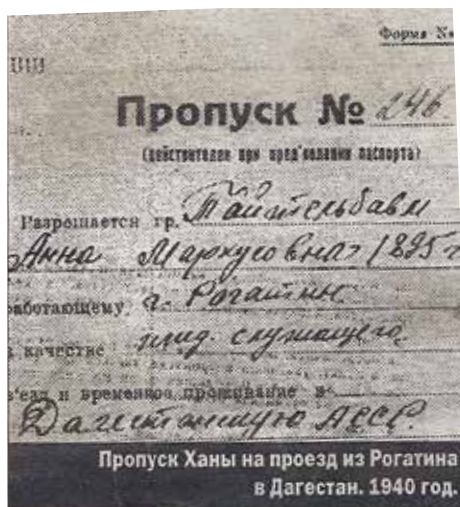
Вернер организовал столовую для бездомных евреев. Войдя в отчаянное положение Розалии с больной матерью, он устроил девушку в эту столовую работать, а заодно освободил от каждодневных принудительных работ и Хану. А работы были самые чёрные и опасные: в холоде, в грязи, а то и по обслуживанию господ...

Что ни день, то кого-нибудь не досчитывались: кроме оккупантов, людей косили голод, болезни... Помощи общины, конечно, было недостаточно. Обеды в столовой были, как выразилась при рассказе Розалия, «а биселе варм вассер» - немного горячей воды. Но и это было «что-то». На праздничный седер Вернер как-то умудрился порадовать дополнительным праздничным кусочком хлеба 200 человек.

Так они прожили на границе восемь месяцев. Через мост пропуск людей так и не возобновили. За это время пограничники и с той, и с другой стороны не дремали, по всей её длине было завершено оборудование границы. Если раньше местные жители за хорошие деньги находили лазейки, то теперь немцы предупредили о полном пресечении любых нарушений и потребовали к концу августа очистить город от беженцев.

Буквально в последний день, неведомо какими путями и за сколько, Вернер организовал переправу: взявшись за руки, отчаявшиеся люди - 28 человек - перешли вброд реку и протиснулись под проволочные ограждения. На том берегу мокрые, обессиленные, ободранные колючей проволокой, они, не обращая внимания на команды и предупредительные выстрелы красноармейцев, лай пограничных собак, легли на траву: борьбе за жизнь были отданы все силы.

Глубокую благодарность своим спасителям Розалия сохранила на всю жизнь. Как только летом 1944 года освободили Саянок, она направила новым властям просьбу сообщить о их судь-

Пропуск Ханы на проезд из Рогатина в Дагестан, 1940 год

бе. Вот потемневший листок - ответ бурмистра города Саянск от 24 октября 1944 года - привожу в сокращённом переводе с польского: «...доводим до сведения пани на основании расследования, что последний председатель Кахала Лейб Вернер был убит гестапо в 1942 году. О других лицах городской суд сведений не имеет....».

Всех беженцев допросили. В частности, выпытывали сведения о руководителях еврейской общины - их

имена были уже известны. Но, не зная степени контактов советских и немецких пограничников, и вообще - какую опасность её слова могут представлять для этих отважных людей, Розалия уклонилась от конкретных ответов.

Ей удалось уговорить допрашивавших пограничников отправить их с матерью в Станислав - помогли письма отца и документы, которые он смог переслать. Всех остальных из их группы отправили на поселение в Сибирь. Интересна справка, выданная Хане и Розалии, очевидно, вместо пропуска на проезд: «...Тайтельбаум А. М. Вместе с дочерью нелегально прибыла из Германии...». То есть, уже не из оккупированной Польши, а из Германии. Аннексия признаётся советскими органами.

Справка датирована 2 сентября 1940 года, а пропуск на их отъезд из Станислава в Буйнакск им выдан 1 октября. То есть месяц ещё прошёл, пока, получив подтверждение из Дагестана, они добились разрешения на выезд. За это время они выполнили и просьбы своих товарищей по группе, отправленных в Сибирь, передали родственникам и друзьям всё, что те просили.

В то тяжёлое время солидарность и взаимопомощь в подобных случаях считалась святым делом. После войны некоторые

их нашли и благодарили. И вот, наконец, долгая дорога - и Хана с дочерью в Буйнакске. Тёплая, радостная встреча. И так, семья воссоединилась через год, полный отчаянного риска, борьбы и стремления к жизни и друг к другу.

ДАГЕСТАН, БУЙНАКСК

По приезде матери и Розалии, сняли квартиру. С сентября 1940-го Дина начала учиться на медрабфаке, а Тоня - в педагогическом училище. Их приняли, можно сказать, авансом: познания в русском языке у обеих сестёр были скромные. Но девушки были способные: если при поступлении Дина сделала в диктанте 127 ошибок, то уже через полтора месяца - всего семь. Но ещё через несколько месяцев медрабфак ликвидировали, и Дина перешла в педучилище к Тоне. К концу первого курса Дина уже писала без ошибок и была одной из лучших на курсе, получала стипендию.

Розалия училась в школе, потом поступила в медицинское училище, которое здесь, в Дагестане, и закончила. О том, как и всей семье, и ей самой было нелегко, говорит такая деталь: у Розалии не было никакой обуви, кроме галош, и как она в этих галошах переходила границу, так потом и в Буйнакске долго ходила в них.

22 июня 1941 года началась война. Как раз этим летом тяжело переболели и Дина, и Тоня, и когда в сентябре студентов послали на рытьё траншей, они не нашли в себе силы. Отца мобилизовали на кожевенный завод - шить кавалеристам плащи; там он проработал до лета 1942-го. Девушкам пришлось оставить училище и идти работать. Тоня устроилась на тот же кожевенный завод: кроме зарплаты, там ещё и кормили обедом!

Осенью определилась и личная жизнь Дины и Менделя. Ещё в июне 1941 года Мендель заболел тифом, два месяца пролежал в больнице, но, несмотря на это, его призвали в армию. Перед его отъездом, 1 сентября 1941-го, молодые расписались, и Мендель уехал - новобранцев увезли в штатском.

Дина шила на дому, подрабатывала, как могла. Весной

Дина с мужем Менделем Шайном. Дагестан, Буйнакск, 1945 год

1942-го Дина устроилась работать секретарём на узел связи - к этому времени она вполне освоила русский язык, печатала на машинке. Красивую общительную девушку полюбили и монтеры, и начальство. Той же весной 1942-го отца отправили на трудфронт

в Чечню, в Грозный. Там он заболел малярией в очень тяжёлой форме. Матери пришлось ехать в Грозный - выхаживать отца. После болезни он был в таком состоянии, что его отпустили домой.

В это же время повестку в армию получила и Тоня. Дина сшила ей тёплую одежду из шерстяных шалей, которые тогда стоили недорого. Свитеры и штаны из этих шалей многим понравились, Дина стала их шить на продажу местным, которые платили не деньгами, а кукурузной мукой, но в то голодное время это тоже было совсем не плохо.

Отец по возвращении с трудфронта, оправившись от болезни, стал снова работать в швейпроме. По вечерам они вместе с Диной шили из шалей свитера, которые затем мать продавала на базаре. А швейную машину купили на деньги от той самой бижутерии, доставшейся Хане по наследству. Материальное положение семьи немного улучшилось. Тоне с армией повезло: разобравшись, что она из Польши, её тут же демобилизовали. Вернувшись, она пошла учиться в торговый техникум, за три года его окончила и оставшееся до возвращения в Польшу время работала в горторге Махачкалы, столицы Дагестана.

В 1943-м из армии вернулся Мендель. После мобилизации его, полубольного после тифа, направили не в действующую армию, а на трудфронт. Работали под Саратовом, потом под Сталинградом. Здесь он так же, как почти все в семье, заболел малярией, и тоже в такой тяжёлой форме, что и его отправили

домой. Мендель пошёл работать в ремонтную контору. На первую получку он купил Дине туфли, в то время - предел желаний молодой женщины.

Вскоре после начала войны в Советском Союзе начал действовать Комитет польских патриотов, который возглавила известная писательница Ванда Василевская. В Дагестане его работа развернулась на местах только к 1943-му. В местном отделении этого Комитета Дина начала работать секретарём. Одновременно она преподавала польский язык детям беженцев из Польши. К концу войны жизнь семьи сравнительно наладилась, но, конечно, все они мечтали о возвращении.

ПОЛЬША

9 апреля 1946 года эшелон польских беженцев, возвращавшихся из Союза, прибыл в Нижнюю Силезию, в город Валбжих, перешедший от Германии к Польше. На вокзале их встречали представители властей возрождающейся Польши. Ждали их и товарищи из Бунда, дали им свой телефон и адрес и предложили после обустройства связаться с ними. Прямо с вокзала их развезли по квартирам. Шайнам, Дине с Менделем, определили однокомнатную квартиру, в которой ещё несколько недель после их вселения, до отъезда в Германию, жили две престарелые немки. Тоню и Розалию тут же приняли на работу в военторг. Отец начал работать портным. Мендель - на стекольном заводе раскройщиком стекла. А Дине, имевшей опыт работы в Бунде ещё до войны, предложили быть представителем Бунда в местном еврейском комитете ППС – «Польской партии социалистической».

Одной из первых забот для семьи было - выяснить судьбу своих близких, остававшихся в Польше. Они и раньше уже узнали много трагического о многих, но надежда умирает последней. К сожалению, подтвердилось, что братья и все сёстры Мелеха погибли в Освенциме и Белжице; что в тех же лагерях немцы уничтожили бабушку, мать, двух сестёр и брата Менделя. Ещё раз убедились они, что только борьба, непрерывная и напряжённая, помогла им выжить и в те тяжкие предвоенные годы,

и в годы Второй мировой войны. И уже здесь они почти сразу почувствовали, что и в Польше у них ещё предстоят проблемы: уже в 1946 году в Кельце был первый кровавый погром. Но это ещё не был результат государственной политики: её изменение ещё предстояло.

Мелех Тайтельбаум с соратниками по Бунду на первомайской демонстрации. Валбжих, Польша, 1947

В декабре 1946-го Тоня вышла замуж. Муж Тони Роман работал в местных органах безопасности - в то время там евреев еще можно было встретить. Через некоторое время его перевели в Варшаву, предо-

ставив квартиру. В том же 1948 году вышла замуж и Розалия и уехала к мужу в Лодзь. Муж её работал техником-текстильщиком. Там со временем у них родились два сына.

Власти начали «закручивать гайки» уже в 1948 году, когда стали сгонять партии в единую Польскую объединённую рабочую партию - ПОРП. Еврейская рабочая партия Бунд отказалась от слияния и была распущена, а её членам власти предложили вступить в ПОРП. Дина и Мендель не приняли это предложение. Чтобы избежать преследования, родители и семья Дины решили уехать из Валбжиха во Вроцлав.

Здесь Дина работала секретарём автотранспортной фирмы - помог Роман звонком из Варшавы, где он ещё работал в органах. Вскоре пришла его очередь: он был уволен. Пошёл учиться в техникум. Мендель устроился в торговую контору вроцлавской международной выставки и проработал там до самого отъезда в Израиль.

Дину, как и везде, очень хорошо принял коллектив. Но набирал силу государственный антисемитизм: в конце 1951-го её

Семья Тони и Романа Швингеров,
1947 год

предупредили об увольнении через три месяца. Когда на собрании об этом упомянули, все 300 человек в зале в знак протеста стали топтать ногами. А когда буквально через несколько дней умерла мать Хана, многие сотрудники Дины - поляки пришли на еврейское кладбище. В память о матери в январе 1953 года новорождённую дочь назвали Анной.

После смерти жены Мелех не мог оставаться в своей квартире и уехал жить к Тоне в Варшаву, а семья Дины переехала в его квартиру, более просторную. К сожалению, и отец лишь на два года пережил жену...

В марте 1953 года умер Сталин, и это спасло многих евреев в Советском Союзе. Но в Польше антисемитизм продолжал набирать силу, особенно с приходом к власти Владислава Гомулки в 1956 году.

У СЕБЯ ДОМА

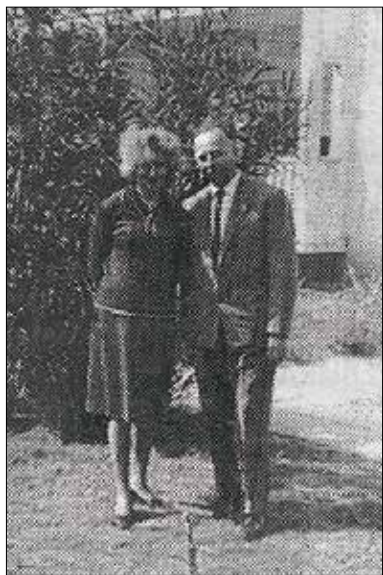
В этом же году на Ближнем Востоке была Синайская война в зоне Суэцкого канала. Ни один еврей не мог оставаться равнодушным к событиям, судьбоносным для молодого государства. Мендель решил съездить в Израиль по приглашению сестры и брата, пережившего Освенцим. После шести недель Мендель вернулся твёрдо настроенным на отъезд. Дину убеждать не было необходимости, тем более, что уже уехала в Израиль Розалия с семьёй.

Не теряя времени, оформив документы, они через Вену, Геную и далее морем до Хайфы прибыли в Израиль в сентябре 1957 года. Их встретил Сохнут и направил в Беэр-Шеву, но они

предпочли Ришон ле-Цион, где жила Розалия и поблизости - брат и сестра Менделя. Уже в декабре 1957 года мобилизовали все привезённые ресурсы и купили домик на окраине, но через два года, когда Аннушке подошло время идти в школу, сменили квартиру на центр Ришон ле-Циона.

По приезде Мендель устроился работать на армейскую базу интендантом, и так и проработал там 28 лет, до пенсии. Дина, как смолоду связала свою судьбу с Бундом, так и в Израиле долгие годы работала в партии. Летом 1958 года Бунд организовал летний детский лагерь в Рамат а-Шароне. Дина проработала там все смены; Аннушка была при ней. Дину там заметили, тем более учли, что она в партии - не новичок. Большую роль сыграло и прекрасное знание языка идиш, который и по сей день объединяет и является основным в общении членов клуба Арбетер ринг.

Но у неё ещё был лишь начальный иврит. Дину направили на четыре месяца в Беэр-Шеву, в ульпан. Её способность к языкам мы уже знаем по освоению русского. И уже с января 1959

Дина с мужем Менделем после репатриации, 1957 год

года Дина Шайн начала работать в Бунде техническим секретарём. Непрерывно проработав на этом посту 42 года, она и затем, на пенсии, продолжала приезжать в офис Бунда и оказывать большую помощь секретарю Союза Иосифу Фрайнду, своим молодым преемницам, пользуясь своим огромным опытом, авторитетом и личным знакомством с каждым членом Союза.

Дина особенно ценила дух доброжелательства и взаимопомощи, который неизменно был в их союзе и остаётся поныне. Были годы, когда, несмотря на запрет и буквально преследование властью

ми Израиля за употребление языка идиш, она на машинке печатала, помогая многим, статьи и целые книги на «мамэ-лошн». В офисе Бунда работала школа идиша, размещался Союз актёров, репетировали спектакли на идише, хор на идише насчитывал 70 человек. Уникальная библиотека на идише и хор действуют и сейчас. Офис на улице Калишер Тель-Авива все годы был и остаётся одним из центров защиты и сохранения языка идиш. Дина Шайн с гордостью говорила об этом.

Сейчас дочь Анна, в своё время окончившая университет, успешно работает в экономике, взрослая внучка.

Несколько слов о семье Тони. Ещё в Варшаве, после учёбы, Роман успешно работал инженером-механиком в Варшаве, но и они с Тоней приехали в Израиль в 1970 году, и здесь Роман нашёл себя в науке, связанной с авиационной промышленностью.

Семья выдержала испытание на прочность, одержала свою победу, одну из многих в общем строю побед над самой жестокой машиной смерти двадцатого века. История семьи - это небольшой, но необходимый штрих в истории прошедшего столетия, которую ещё предстоит осмыслить.

ФАКЕЛ ИДИШКАЙТА

Шура Турков-Гринхойз

Выдающаяся актриса Шура Турков-Гринхойз, лауреат премии имени Давида Гофштейна, посвящает всю свою творческую жизнь служению родной культуре – идишкайту, родному идишу. Она впитала этот язык и эту культуру с детских лет и щедро отдаёт людям с искусством и талантом, унаследованными от отца. Она ещё и хранитель, и пропагандист великого литературного наследия идишкайта.

Но интересны и военные страницы жизненного пути выдающейся актрисы.

ОСНОВАТЕЛЬ ИДИШ-ТЕАТРА

Театр был предметом гордости еврейской общины польского города Белостока, а его основатель, режиссёр и актёр Игуда Гринхойз – известным и уважаемым общественностью города. Как пишет в одной из статей Михаэль Вайнапель, Игуда «был одной из первых ласточек интеллигенции в еврейском театре».

Ещё совсем молодым человеком Гринхойз был в труппе актёров театра «Габима», которые выступали перед участниками 11-го сионистского конгресса в Вене в 1913 году со спектаклями на иврите. Тогда «Габима», созданная в Белостоке Наумом Цеманом в 1909 году на любительском уровне, была на грани распада. Первая мировая война помешала её возрождению на профессиональном уровне, и лишь в 1917 году Цеману удалось создать труппу при помощи К. С. Станиславского и Е. Б. Вахтангова.

Но молодой талантливый Игуда Гринхойз решил воссоздать еврейский театр на идише в своём родном городе. Для этого имелись все основания: Белосток был большим польским городом со значительным процентом еврейского населения. Евреям принадлежали крупные, в основном текстильные, предприятия города. В Белостоке была крепкая еврейская община, имевшая и своё театральное здание.

Театр, созданный Игудой Гринхойзом, быстро приобрёл известность и часто выезжал на гастроли в города Польши и за её пределы. Постоянной спутницей мужа и актрисой театра была его жена Фаня. Чтобы соединить судьбу с талантливым Игудой, покоровшим её сердце, Фане пришлось порвать со своей семьёй: богачи Ривлины слышать не хотели о том, чтобы дочь их вышла замуж за актёра. В 1921 году у молодых родилась дочь Люся, через четыре года – Шура, а бабушка со стороны мамы даже не приехала полюбоваться на внушек, тем более – помочь в чём-либо, хотя театральная семья жила довольно скромно и часто не могла даже вовремя заплатить за учёбу дочерей.

Фаня окончила русскую гимназию, и хотя спектакли в театре ставились на идише, дома говорили и на русском. Игуда, помимо своего любимого идиша, прекрасно знал и иврит, и русский язык. Дочери Гринхойзов сначала учились в польской начальной школе, затем – в еврейской гимназии, где преподавали на идише. Игуда и Фаня не были религиозными, но в еврейские праздники соблюдали традиции и вместе с детьми ходили в синагогу. На равных со сверстниками Люся и Шура участвовали в общественных кружках, праздничных детских, а потом и юношеских концертах. Старшая Люся состояла в левой молодёжной организации «Ха-Шомер ха-цаир» - «Молодой страж». Шура ещё только подрастала.

Ну и, конечно, массу времени, свободного от занятий и друзей, дочери проводили в театре у отца, где они знали всё и всех, все знали их, и отец привлекал порой подросших дочерей к участию в спектаклях.

Шура успела проучиться два года в гимназии, когда 1 сентября 1939 года Германия всей своей стальной армией обру-

шилась на слабую Польшу, и уже через неделю немцы были в Белостоке. Но, по счастью, пробыв в городе всего три дня и не успев показать своё звериное лицо, фашисты ушли из Белостока. Причина их отхода стала ясна позднее: по сговору Молотова – Риббентропа Красная армия вступила на территорию Восточной Польши, и 17 сентября Белосток стал частью Западной Белоруссии. Шура хорошо помнит, как радостно встречали красных кавалеристов, в которых видели защитников от фашистских оккупантов. Первое время новые власти никого не трогали, в основном занятые приёмом тысяч беженцев из оккупированных немцами западных областей Польши. Отец, как и многие из местной интеллигенции, как мог помогал многочисленным деятелям культуры – беженцам. В то же время театр продолжал функционировать. Приезжали режиссёры и актёры из Минска – теперь столицы их республики, давали высокую оценку театру и её руководителю.

ОРКЕСТР ЭДДИ РОЗНЕРА

Среди беженцев были и евреи – музыканты из Германии. Одним из них был уже известный в то время талантливый джазист Эдди Рознер. Сын польских евреев, проживавших в Германии, он благодаря своим способностям уже в десять лет закончил консерваторию по классу скрипки и был принят в Высшую музыкальную школу, где перешёл на трубу. В 30-х годах он был уже одним из лучших джазовых трубачей Европы. Избитый фашистскими штурмовиками в одном из баров Берлина, Рознер через Швейцарию перебрался в Польшу, а после вторжения в страну немцев оказался в Белостоке.

Рознер организовал из польских и немецких евреев-беженцев большой Белорусский государственный джаз-оркестр, один из первых в Советском Союзе. До того времени в СССР джаз, мягко говоря, не поощряли. Джаз Утёсова мало походил на западный. Эдди Рознер создал настоящий европейский джаз, который в скором времени станет всемирно известным. Ну а пока он только создавался.

Эдди Рознер

Среди джазистов Рознера был саксофонист, немецкий еврей Эрвин Вонфайлер. Шура познакомилась с ним на вечеринке у подружки. Для неопытной пятнадцатилетней девушки это была первая влюблённость. Решающую роль после его предложения сыграли советы подруг. На свадьбе с хупой были многочисленные родственники, друзья, ак-

тёры и музыканты. Снова не было деда и бабушки со стороны мамы.

Оркестр Эдди Рознера уехал на гастроли в Россию. Шура заканчивала учебный год в гимназии. За два месяца до начала Большой Войны она вылетела в Москву, к мужу. Летела самолётом немецкой авиакомпании. Тем же рейсом в Россию летели и немецкие офицеры. Отец, уже после отлёта Шуры, тоже выехал на гастроли своего театра в Минск. Остались в Белостоке Фаня и Люся. Они не сопровождали на сей раз в гастролях Игуду, так как пришлось принять у себя и укрывать от властей тех самых родителей Фани, дедушку и бабушку Ривлиных, которые свыше двадцати лет не хотели видеть своих внучек.. Теперь им самим потребовалась помощь: грозила отправка в сибирское поселение.

Уже через несколько месяцев после ввода Красной армии в восточные районы бывшей Польши новые власти начали постепенно «очищать» приграничную зону под разными предлогами, отправляя в лагеря и на поселения в северных и восточных районах бескрайней и суровой России. Во-первых, увезли потенциально опасных по возможному сотрудничеству с немцами. Затем – всех тех, кто отказался принять советское гражданство. Дошла очередь и до «нетрудовых элементов», «эксплуататоров», просто богатых и зажиточных людей. Отправка на поселе-

ние грозила и Ривлиным, и им пришлось «лечь на дно» в квартире дочери.

К прискорбию, все они были отправлены фашистами в гетто. Какое-то время Фаня и Люся ещё работали на заводе по распоряжению немцев, но потом всех их уничтожили в Трешлинке. Погибли от рук палачей также брат и сестра Игуды Гринхойза.

Перед началом войны оркестр Эдди Рознера дебютировал в Ленинграде и Москве с огромным успехом. «Это было невиданное нами музыкально-эстрадное зрелище. В Москве был ажиотаж по добыванию билетов», - напишет один из оркестрантов Юрий Цейтлин. Шура впервые оказалась в такой комфортабельной гостинице. Ни в чём не нуждалась. Легко понять эйфорию молоденькой женщины.

Война застала оркестр на гастролях в Киеве. Шура была в отчаянии оттого, что ничего не знала о судьбе родных. Не знала она и о том, что отец был эвакуирован из Минска. Единственная тётя, сестра отца, оставалась в Харькове. Со временем и её отправят на Камчатку за переписку с границей, и связь прервётся.

В Киеве джаз-оркестру Рознера выделили специальный вагон, и он поехал на восток, на гастроли по городам Сибири. В одном из городов оставили членов семей, и оркестр продолжил гастроли. Репертуар, естественно, был подчинён велению времени: наряду с джазовыми прекрасными миниатюрами, такими как «Караван», исполняли военные песни: «Ай да парень-парень», «На полянке» и другие.

Какое-то время оркестр вновь разъезжал с семьями. Затем их оставили во Фрунзе, столице Киргизии. Здесь, уже в 1943 году, Шура родила сына. После родов она продолжительное время болела, и подруги сами зарегистрировали новорождённого в местном ЗАГСе, дав имя Гарик.

Во Фрунзе Шуру навестил отец. Зная о том, что она – с оркестром Эдди Рознера, он разыскал дочь. Приехал во Фрунзе из Самарканда. Сначала его театр из Минска эвакуировали в какой-то колхоз, где артисты вынуждены были работать в поле, и лишь затем Игуде Гринхойзу удалось добиться переезда в Са-

марканд, и небольшая его труппа разъезжала по Средней Азии, во всём испытывая нужду.

Во Фрунзе, как и в период кочевой жизни, жёны оркестрантов, в сравнении с бедствующим в военной обстановке населением огромной страны, были неплохо обеспечены: джазу Рознера платили вполне достаточно. Но кроме материальной стороны были и другие проблемы, требовавшие взаимопомощи. Естественно, в центре своеобразного «женсовета» (такой орган помощи женщинам был тогда в каждом городе) была жена самого Эдди Рознера – Рут Каминская, дочь выдающегося деятеля польского идиш-театра, режиссёра и блистательной актрисы Иды Каминской. Рут и сама была солисткой джаза, пела с оркестром. Как и Шура, она тоже родила во Фрунзе дочь, и общие проблемы их сблизили. Между прочим, там же, во Фрунзе, родила сына и мать Рут, сама Ида Каминска - от своего второго мужа, известного артиста идиш-театра Меира Мильмана.

Из Фрунзе, когда сыну было всего два месяца, приехали в Москву. Оркестр гастролировал по крупным городам. Жили уже в нескольких, специально оборудованных вагонах. Джаз гастролировал в Баку, когда кончилась война.

Лишь после войны Шура узнала о гибели родных. Отец одним из первых в 1946 году вернулся в Белосток. Подали заявку на возвращение в Польшу и Шура с мужем. Родные Эрвина и он сам были беженцами из Германии, но до немецкой оккупации жили в Кракове. Решили ехать в Польшу. Препятствий для них не было, зато они были для самого Эдди Рознера.

18 августа 1946 года «Известия» публикуют статью Е. Грошевой «Пошлость на эстраде», и после этого у Рознера сомнений не осталось: он и Рут решают вернуться в Польшу. 8 ноября 1946 года, когда у Рознеров были уже документы на руках, их во Львове арестовывает КГБ. Эдди дают 10 лет и отправляют в магаданские лагеря. Его неоднократные обращения в самые высшие органы государства – без ответа. В лагерях он продолжает руководить оркестром, но цинга, другие болезни подтачивают здоровье и сказываются на технике исполнения. Рут с дочерью отправили в ссылку. Эдди освобождают лишь в мае 1954 года.

Их личная жизнь с Рут была разрушена значительно раньше. Организованный Рознером новый оркестр и он сам, как дирижёр и солист-трубач, уже не достигли прежнего блеска. В 1972 году Рознер эмигрировал в Западный Берлин и там скончался в 1976 году.

Рут вернулась к матери в Польшу только в 1956 году и играла в её театре. С годами Рут, как и Ида, оказалась в США, там и закончила жизнь....

ЗВЕЗДА ПОЛЬСКОГО ИДИШ-ТЕАТРА

В полуразрушенном Белостоке Шура встретила с отцом. Потеряв здесь жену и дочь, Игуда Гринхойз не мог, да и не хотел оставаться в городе. Австралийский центр выходцев из Белостока приглашал в эту страну, и он уехал туда, где и скончался в 1951 году.

Эрвин Войфайлер уехал в Волбжих, бывший немецкий город, в котором можно было легко и сразу получить квартиру. Приехала туда и Шура. Эрвин организовал небольшой оркестр. У Шуры в Волбжихе работы не было. Зато во Вроцлаве создавалась труппа актёров на идише «Нидершлейзиншер идишер театр Вроцлав», для которой построили даже специальное театральное здание. Оттуда позвонили Шуре. Складывался коллектив очень опытных прекрасных актёров: Ицхак Турков, Шевтул Зак, Яков Курляндер... Требовалась молодая красивая актриса. Там же получил работу и муж - создал в театре большой оркестр. Во Вроцлаве им предоставили и квартиру.

Шура, Польша, 1953 год

С 1947 по 1957 год Шура успешно играла на сцене Вроцлавского театра на идише. В 1952 году два идиш-театра в Луцке и Вроцлаве объединили в единый Еврейский государственный театр Польши во главе с уже известной нам Идой Каминской. Дочь не менее известной еврейской актрисы Эстер Каминской, Ида ещё в 1920 году вместе с Зигмундом Турковым организовала в Варшаве Еврейский художественный театр. Автор двух пьес, переводчица на идиш около 60 пьес, режиссёр 65 спектаклей, исполнительница ролей в 124 спектаклях. Ида Каминская сыграла неоценимую роль в развитии идишкайта и идиш-театра. В 1920-х годах Иду и её мать Эстер впервые снял в кино Зигмунд Турков, а в 1965 фильм «Магазин на площади» чешских режиссёров Я. Кадара и Э. Клоса с Идой Каминской в главной роли получил «Оскара». С середины 60-х годов она жила в США, снималась в фильмах. Скончалась в 1980 году.

При объединении театров была предоставлена возможность переехать в Варшаву. Шура решила остаться во Вроцлаве. Единый идиш-театр стал одним из самых лучших в истории еврейского театрального искусства вообще. К этому времени у

Шура в роли Игудит в спектакле «Уриель Акоста», Варшава, 19553 год

Шуры был уже большой опыт игры во Вроцлавском театре под руководством прекрасных режиссёров и бок о бок с опытными и талантливыми актёрами, и она стала одной из ведущих актрис Еврейского государственного театра.

Михаэль Вайнапель пишет: «У неё был прекрасный голос, блестящая дикция, интеллигентный способ интерпретации роли; при этом она – очень красивая женщина. Неудивительно, что Шура быстро заняла верхнюю ступень в государственном идиш-театре. Она играет серьёзные и важные роли почти во всех пьесах, которые ставятся в театре. Она работает под руководством режиссёров Иды Каминской, Якова Ротбойма, Абрахама Морецкого...».

Шура Гринхойз сыграла такие роли, как Леа в спектакле «Дибук» Семёна Ан-ского, Белка в «200 000» Шолом-Алейхема, Игудит в пьесе «Уриэль Акоста» К. Гуцкова. Она играет в «Скупом» Ж. Мольера и в «Гершеле Острополер» М. Гершензона, во многих других спектаклях. Репертуар театра – это жемчужины еврейской драматургии – десятки драм, комедий - музыкальных, народных...

Шура играла вместе и на равных с такими выдающимися актёрами, как Ида Каминская, Рут Ковальска, Соня Шехтель, Меир Мильман, Ицхак Грудберг-Турков и другие. Иначе как выдающихся артистов рядом с Идой быть не могло...

ВЕРНОСТЬ ИДИШКАЙТУ

К 1957 году тучи сгустились над евреями Польши и над идишкайтом. С приходом к власти В. Гомулки начался массовый исход из этой страны. С большой группой актёров Еврейского государственного театра Шура Гринхойз репатрировалась в Израиль. Неожиданно для многих репатриантов власти не приняли их с распростёртыми объятиями: официальной политикой в тот период было ограничение идиша и идишкайта, якобы препятствовавших скорейшему освоению иврита.

С приездом в Израиль для актёров идиша начался совсем новый и по-своему сложный этап жизни и творчества. Вопрос:

где и что играть? Как пишет М. Вайнапель, «надо было публику привлечь к лучшему репертуару, или надо было опуститься до дешёвого вкуса простой публики. Это, между прочим, вечный вопрос».

Репатриантов-артистов хотели поселить в лагере под Хайфой. Шура категорически отказалась: ей нужен был театр. Нашла квартиру в Тель-Авиве, начала работать в театре на идише. Но сначала проплакала две недели: легко ли было приме

Сцена из спектакля

театра Иды Каминской «вживаться» в новые условия. Играла в труппах американских гастролёров Иосифа Булова, Мориса Шварца. Играла в пьесах: «Кидуш а Шем» - «Божественное благословение» Шолома Аша, «Йосеф Каль» Зингера. В израильской прессе публиковались прекрасные отзывы об игре актрисы, подчёркивались её грация, сценический талант, особый шарм.

Шура Турков-Гринхойз, много раз отмечала пресса, одинаково хороша не только в спектаклях, но и в театре одного

Шура Турков-Гринхойз – признанный мастер художественного чтения. Обычно – из произведений классиков идиша.

актёра, когда она часто выступает с монологами из классики, исполняя произведения лучших драматургов и прозаиков: Шолом-Алейхема, Шолома Аша, Ицхака Мангера, Эфраима Кагановского, Якова Гордина и других.

Через несколько месяцев вслед за Шурой в Израиль репатриировался уже упомянутый выше замечательный артист Ицхак Грудберг-Турков, которого с Шурой соединяли, помимо

Шура Турков-Гринхойз рассказывает детям о Шоломе Аше в его доме-музее

многолетнего партнёрства – игры во многих спектаклях, ещё и тесная дружба, общие жизненные взгляды и интересы. С Эрвином у Шуры ещё до приезда в Израиль возникли серьёзные разногласия, он долго не задержался в стране и уехал в Германию. Ицхак Турков

стал спутником жизни Шуры, а израильские зрители, общественность и пресса её знает, как Турков-Гринхойз.

Ицхак Турков ушёл из жизни уже в 1970 году. Это был не только талантливый артист театра, но и вообще разносторонний деятель культуры. Ицхаком Турковым написано несколько книг. Он был одним из организаторов и директором музея выдающегося писателя на идише Шолома Аша. Музей находится в Бат-Яме, в доме, где писатель провёл последние годы жизни до кончины в 1957 году.

После смерти Ицхака Туркова Шура продолжила его дело, храня и пополняя фонды музея. Она многое сделала для популяризации классика еврейской литературы. Проводились вечера, посвящённые жизни и творчеству писателя.

Одновременно Шура активно участвует во многих событиях идишкайта, и особенно – в деятельности клуба «Арбетер Ринг». После кончины выдающегося деятеля идишкайта Михаэля Вай-

На юбилее Шуры Турков-Гринхойз. Поют на идише две гостьи из Германии, из кружка изучающих идиш

напея она организует и ведёт в этом клубе традиционные литературно-музыкальные встречи по средам.

За длительную активную деятельность по пропаганде и развитию идиша и его культуры Шуре Турков-Гринхойз присуждена Премия имени Давида Гофштейна. Различными премиями и наградами за творческую и общественную деятельность выдающаяся актриса отмечалась много раз.

Сын Шуры Гарик, тот самый, которому суждено было родиться в самый разгар войны в далёкой Киргизии, в Израиле успешно закончил Тель-Авивский университет. У маститого финансиста высшей категории – своя солидная контора.

Окидывая взглядом непростой, но интересный и содержательный жизненный путь одной из звёзд идиш-театра, нельзя не испытать глубокое уважение и восхищение тем, с какой отдачей и достоинством Шура Турков-Гринхойз посвятила и посвящает талант и всю жизнь культурному обогащению своего народа и родного ей языка идиш..

Шуру Турков-Гринхойз поздравляют с юбилеем

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК, НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Я – вечная свеча моего сгоревшего народа.

Моше Бернштейн

Автопортрет

Почему бы в нашей стране не ввести творческие звания? Одним из первых следовало бы удостоить почётных званий этого выдающегося мастера сразу в двух номинациях: Народного художника и Народного поэта.

Моше Бернштейн – личность совершенно уникальная. Выдающийся художник-поэт - по праву можно и нужно сказать о его неповторимых произведениях живописи, рисунка, графики, целиком посвящённых нашему еврейскому народу времён его молодости и Катастрофе так любимого им народа. Поэт-художник – хочется сказать, читая его неподражаемые белые стихи, полные не только интересных поэтических находок, но и глубокого философского смысла.

Еврейское местечко, его быт, уклад опозитизированы этим большим мастером с силой, сопоставимой с творчеством великого Шагала. Нет, у Бернштейна – ничего от Шагала, у него всё своё; просто тематика их творчества, как певцов еврейского народа того времени, соприкасаясь, шла параллельно. И если часы Шагала остановились, то Бернштейн продолжал идти принципиально только своим путём, находя всё новые сюжеты, штрихи и слова. В свои 85 лет он был ещё полон энергии и замыслов.

«К Марку Шагалу»

изобразительном искусстве.

Главное для нас – то, что М. Бернштейн – наш народный художник и поэт, целиком наш, глубоко наш, что отличает его от того же Шагала и выдвигает по праву на особое место в искусстве еврейского народа. Тем более, что художник принципиально шёл своим путём, не очень-то востребованным официальным искусством в нашей стране. Извечная тема Катастрофы европейских евреев и особая, неутраченная боль души его произведений – трагедия его близких, мученически погибших в горниле Холокоста. В каждом его про-

Фанатизм – не редкость в творческом мире. Моше Бернштейн, если угодно, дважды фанатик: как художник и как поэт. Но и в том, и в другом амплуа он – фанатик одной темы - Катастрофы еврейского местечка.

В мастерской-музее Бернштейна автор очерка видел много работ, которым, как и многим его произведениям, давно место в коллекциях. Но они ещё были при нём, потому что мастер продолжал думать, находить новые варианты – так же, как поэт просыпается ночами, чтобы вписать или исправить одну лишь строчку. Недаром Моше называли художником в поэзии и поэтом в

М. Бернштейн. «Шолом-Алейхем»

изведении чувствует-ся любовное, береж-ное отношение к па-мяти простых евреев времён его детства и юности, прожитых в польском городке Картуз-Береза, ко-торый был известен разве что тем, что в межвоенное время там находился боль-шой лагерь не удов-ных режиму политза-ключённых.

С друзьями по еврейскому художественному училищу. Моше – наверху справа, Вильно, 1940 год

Синагога Вильнюса в 1950-х годах

Моше родился в 1920 году, то есть он – ровесник независимой Польши. Семья была религиозной, соблюдала кашрут – может быть, поэтому многие работы художника как бы молитвенны, особенно ранние. Самородок, выходец из народа, Мойшеле – как его любовно называли многочисленные друзья с детства до самой кончины – получил профессиональное образование в Художественном училище города Вильно.

После раздела Польши в 1939 году Моше оказался по восточную сторону от новой границы. Отрыв от близких и затем их трагическая гибель от рук нацистов навсегда

оставили глубокий незаживающий рубец на душе этой ранимой творческой личности.

Восемь лет, прожитые молодым художником в оккупации и в Советском Союзе в обстановке человеческого горя и лишений тяжёлой войны, отразились на формировании найденного им своего неповторимого стиля. Многолетняя работа в контакте с российской культурой в условиях обострённого восприятия ею жестокости нацизма, в том числе по отношению к еврейскому народу, оставила в душе Моше уважительное отношение к народу и великой культуре этой страны. В его творчестве – призывность, обращение к людям, которые были свойственны и российским мастерам культуры в то трагическое время, начиная от плакатной техники и кончая поэзией. Этот тяжёлый для всех жизненный период способствовал становлению как принципиально антифашистской и антивоенной направленности, так и собственных средств его творческого самовыражения.

Израиль На выставке произведений Моше Бернштейна

Евсей подчёркивал, что в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы Моше не имел возможности развить своё самобытное, сугубо национальное мастерство, и лишь по приезде на историческую родину в полной мере раскрыл свой талант.

Моше выехал в Израиль в 1947 году. Пройдя, как и многие, через английские лагеря на Кипре, в год рождения нового

Автор знаком и писал о жизни и интересной судьбе близкого друга Моше, учившегося вместе с ним в художественном училище Вильно – о Евсее Горделе, также жителе Тель-Авива. Стены его квартиры украшают произ-

государства стал его гражданином. А в 1949-м он – уже участник выставки «Оманим олим» - «Художники-репатрианты». И всего лишь через год в престижной тель-авивской галерее Кац – персональная выставка Моше Бернштейна. Затем – полное признание: выставки в музеях Тель-Авива и Хайфы, а в 1956-м – даже две персональные в музеях Тель-Авива и Иерусалима.

Признание его не только как большого художника, но и его тематики, и его самобытной техники работы тушью, основной в его творчестве. Обращение к этому «оружию» продиктовано отнюдь не тем, что его аллергические бронхи не позволяли долго общаться с маслом – он прекрасно владел и темперой, и акриловыми красками. Но выработанная им особая манера «чёрным по белому» наилучшим образом подходила для ностальгической и трагедийной тематики его произведений.

Пожалуй, трудно сказать лучше его многолетнего друга и сподвижника, поэта и редактора журнала «Голдене кайтн» - «Золотое руно» - Авраама Суцкивера: «Его живопись не только народная, но и современная, и самая популярная. Если сегодня реалистическое искусство не настолько модно и популярно, то Мойшеле Бернштейн относится к лагерю художников, близких к модернизму. Его чёрно-белое видно даже в темноте».

За более чем полвека насыщенной творческой работы мастера в нашей стране состоялось свыше 50 выставок с его участием и персональных. Это говорит не просто о том, что художник признан, но более того – что он неординарен и востребован

«Молитва»

С друзьями ещё из Вильно. Моше – в чёрном, Израиль.

подлинными знатоками. Многократно он удостоивается именных премий, званий, медалей. Нет сомнения, что этих наград могло бы быть гораздо больше, не будь Моше Бернштейн исключительно скромным, в чём автор убеждался не раз при личных встречах.

И если он часто использовал в своём творчестве автопортрет, то это отнюдь не для саморекламы, а для самовыражения, как средство обратить внима-

ние на что-то важное, оставляя в тени свою персону.

Несмотря на столь немодное в наше время качество, как скромность, ему не удалось ограничиться нашей страной: работы М. Бернштейна дважды экспонировались в Голландии, дважды – в Париже, в том числе на выставке еврейских художников в 1960 году. Авраам Суцкивер свидетельствовал: «Когда я приезжаю в Париж, как гость, в Монреаль, в Нью-Йорк, в Лондон и даже в Тель-Авив, я вижу его картины, и я сразу осознаю, что я в еврейском доме. Как будто вижу мезузу на косяке двери».

Действительно, не обратить внимание на это выдающееся отличие и достоинство его произведений просто невозможно. В наше космополитическое время такая цельность в характере и творчестве большого мастера – явление редкое и заслуживающее особого уважения и всенародной благодарности.

Творчество М. Бернштейна основано на традициях идиш-кайта, поэтика – на идише. Он бережно поддерживает и развивает их. К примеру, в своей работе над почтовой маркой, посвящённой идишу, художник использует изображение павлина с афиши спектакля «Ди Мегила» в постановке Ицика Мангера, основанной на пуримской истории Свитка Эстер. Композиция

марки – ещё одна достойная страница, написанная мастерски.

В 2005 году маэстро исполнилось 85 лет. В таком почтенном возрасте не так часто встретишь людей, не только полных творческих планов, но и претворявших их в жизнь активно и успешно.

Автопортрет

В клубе «Арбетер-ринг» на улице Калишер в Тель-Авиве друзья – единомышленники и почитатели творчества маэстро тогда тепло поздравили этого замечательного мастера, продолжавшего писать свои оригинальные поэтические произведения, любовно сопровождая их своеобразными иллюстрациями. Мало того: он был полон новых замыслов!

Моше Бернштейн намеревался начать новое большое полотно, много работал над рисунками и продолжал писать свои оригинальные поэтические произведения, любовно сопровождая их иллюстрациями и публикуя в иностранных журналах. Он был верен своей теме еврейского народа, еврейского местечка, еврейской Катастрофы и памяти своей семьи так, как может быть верен настоящий сын своего народа. В те юбилейные дни никто не мог предугадать, что всего через год с небольшим «нашего Мойшеле» не будет среди нас.

Сила воздействия творчества Моше Бернштейна, целиком посвящённого Катастрофе еврейского местечка, так велика, что часто и ныне встречаешь в газетах и книгах иллюстрации, заимствованные у художника. Его наследие будет жить и пробуждать память и чувства людей ещё долгие годы.

Автору этого очерка посчастливилось переводить с идиша стихотворения Моше Бернштейна ещё при его жизни и с его согласия и одобрения – Моше немного знал и понимал русский.

При этом я старался передать разнообразие и в то же время цельность творчества поэта-художника. Ниже – вольный перевод с идиша его произведений, выполненный с помощью подстрочников Анны Вайнер, которую от всего сердца благодарю. Перевод «Двух серебряных подсвечников» положен на музыку композитором Ю. Кремером. Эта песня включена в диск из 15 песен Ю. Кремера и М. Штейнберга и записана также замечательной певицей Ализой Блехарович, много лет близко знакомой с Моше Бернштейном по клубу идишистов «Арбетер Ринг».

СТИХИ МОШЕ БЕРНШТЕЙНА

в вольном переводе с идиша Михаила Ринского

ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА

«Поминальная свеча»

*Я – поминальная свеча ему,
Сожжённому народу своему.*

*Вся жизнь моя горит свечою этой,
Возвысившись над мыслью,
над планетой.*

*Близка мне боль людских страданий.
С ними
Я голову склоняю пред святыми.*

*И слёзы, оплавляясь, то и дело
Горячим воском падают на тело.*

*Средь траура молитвою мерцаю,
Своим примером силы придавая
В страданиях оставшимся живым –
Наперекор невзгодам роковым.*

*Дни тягостной тоски сменяют ночи:
Закат... Рассвет... Мой век рассредоточен,
Чтоб с вашими святыми именами
Свеча сияла высоко над нами.*

ДВА СЕРЕБРЯНЫХ ПОДСВЕЧНИКА

«Два серебряных
подсвечника»

*Бродя по старому парижскому бульвару,
В невзрачной пыльной лавке антиквара
Нашёл я два серебряных подсвечника –
Два солнца, две утехи человеческих.*

*Знакомой формы тонкий силуэт.
Я вспомнил маму, годы детских лет;
Я вспомнил руки тёплые её;
Вернулись вдруг в сознание моё
Наш старый дом с гравюрами на стенах,
В нём – тайны маминых молитв
самозабвенных.*

*Подсвечники я взял. Я помню – в детских
Годах на наших улицах еврейских
За стёклами окон горели свечи
И освещали нам субботы встречу.*

*Подсвечники беру у антиквара,
Беру их в жизнь свою из лавки старой,
Чтоб грани серебра своим мерцаньем
Будили свет моих воспоминаний.*

КТО Я

*Я – человек из плоти, злой и нежный.
И я – волна затерянной надежды,
Которая смывает свой же след.*

*Я – собственного солнца луч в судьбе,
И сам я освещаю путь к тебе, -
И властной надо мною силы нет.*

*Смешал свой страх я с грустью в тишине –
Здесь всё понятно, объяснимо мне:
Что ж, человек я. Но судите сами:
Зачем смешал я радость со слезами?*

МАРК ШАГАЛ

*Ангел застыл пред своим удивлением –
Ищет прошедшее, ищет «вчера».
В бликах ребёнка, состаренный гением.
Солнца невидимого игра
На окровавленном, стонущем небе.
Плоская, грустно восходит луна.
Чистую, нежную королеву
Ангел крылатый уносит из сна.*

*Словно бы в «1001 ночи»,
Жизнью еврейской местечко живёт.
Птичка над рынком: подпрыгнет, подскочит,
С крыши на храме нам грустно поёт.
Ангелы пухлые пальцы целуют.
Щедро рассыпано серебро.
Небо лучится, играет, ликует,
К людям взывая: «Творите добро!»*

РАЗДУМЬЯ

*В лесу родившись, зверем стал бы ловким;
В горах – обрёл бы пастуха сноровку.
Но я родился в улочках местечка
И быть евреем обречён навечно.*

*Уверен, молод, по дорогам мира
Бродил, нося с собою кисть и лиру.
Но жизни занавес мой золочёный
Упал, обильно кровью окроплённый.*

*Я в лес бежал. Мог обратиться в зверя,
Но лишь остался маленьким евреем.
В горах я от опасностей укрылся –
И так и в пастуха не превратился.*

*Но с самоотречением, с отдачей
Я утешал других, сам чуть не плача.
Мечту о вечном мире я лелеял,
Когда текла в местечках кровь евреев.*

*Как листик на ветру, так я метался –
Евреем обездоленным остался.*

*Теперь, когда повсюду кисть и лира
Почти забыли Катастрофу мира;
Когда молчат радители свободы
О Холокосте моего народа, -*

*Я не забыл. Мне не остановиться:
Ищу знакомые мне с детства лица,
Ищу их часть, семитский профиль тонкий,
Ищу глаза еврейского ребёнка.*

*Освенцима высвечивают блики
Еврейские замученные лики.*

*В миру, который люди потеряли,
Глаза мои ещё не отыскали
Моей души пожизненного плача.
Но я ищу, надеясь на отдачу.*

*Свои болезненные сны я внёс
В мои стихи, рисунки... Каждый вечер
В душе евреям зажигаю свечи,
Которых уничтожил Холокост.*

ОТЧАЯНИЕ УТРАТЫ

*Я не был удостоен чести
В ваш смертный час быть с вами вместе.
Был для меня закрыт к вам путь.
И я живу. Вас не вернуть.*

*Трагизм и ужас Холокоста
И смерти неизбежной поступь –
Как будто был я с вами... Страшно
Мне было – маленькой букашке.*

*Но слышал я призыв свой к жизни,
Возвышенный в своём трагизме,
Как мог звучать, сливаясь в стон
Вокруг нас колокольный звон.*

НЕЗНАКОМКЕ

*Слезинки глаз твоих – жемчужины
В моё упали одиночество, -
Свечение их так было нужно мне:
С ним снова жить на свете хочется.*

*Деревья шепчут сокровенное,
Луна, скучая, с ночью нежится...
И ты – явленьем, откровением,
И ароматами, и свежестью...*

*Пои слезами глаз твоих
Мечты иссохшие поля.
Неужто жемчугов святых
Не доживу увидеть я?*

*Изгибы тела, и слеза,
И смех твой не знакомы мне.
Твои шаги, твои глаза –
В прекрасном фантастичном сне.*

ВЫДАЮЩАЯСЯ ПОЭТЕССА СОВРЕМЕННОГО ИДИША

Ривка Басман Бен-Хаим

В жесточайших условиях Холокоста удалось выжить выдающимся личностям: поэтессе Ривке Басман и её супругу художнику Шмуэлю Бен-Хаиму. Они не просто выжили, но уже с 1947 года влились в первые ряды защитников, создателей и полпредов культуры молодого еврейского государства.

Ривке Басман принадлежит особая роль в бесценной сокровищнице современного идиша. Особая – потому, что она сосредоточивается не только на проблемах трагедии и возрождения своего

народа, но, не ограничиваясь, как многие поэты идишкайта, этой тематикой, одинаково близка любому читающему стихи поэтессы. При этом её поэзия, как говорится, - плоть от плоти восточноевропейского еврейства, культуры идишкайта. Недаром более десяти её сборников стихов написаны только на идише, которому она не изменила, шесть с половиной десятилетий близко соприкасаясь с ивритом и его культурой.

Поэзия Ривки Басман, как и любого большого мастера, многолика, от лирики до философии, но в целом печальна грустью наших прадедов и дедов... Писатель и журналист Арон Шапиро свой большой очерк о поэтессе так и назвал: «Грустно тоскующий жаворонок еврейской поэзии».

Неизбывная печаль в поэзии Ривки Басман легко объяснима. Ей было всего пять лет, когда умерла её мама Фрума Ципора. Вошедшая в семью Маша заменила ей мать. Ещё в школе

Ехецкель Басман с дочерью
Ривкой

Ривка вместе с одноклассниками вос-
хищалась поэзией на идише.

Девушке было всего 16 лет, когда
гитлеровские нацисты оккупировали
литовский городок Вилькомир. Семья
банковского служащего Ехецкеля Ба-
смана и его жены Маши с дочерью
Ривкой и восьмилетним сыном Арале
были отправлены в гетто Вильнюса.
Ривка затем оказалась в женском ла-
гере Кайзервальд под Ригой, и боль-
ше она со своими близкими не виде-
лась: все они погибли.

Пробы поэтического пера Ривки
относятся ещё к предвоенному време-
ни. В концлагере она продолжала тай-
ком писать. В частности, темой двух
стихотворений Ривки явились ступени лестниц, которые ей при-
ходилось мыть. Ещё несовершенно по форме, эти стихи уже
тогда были талантливо по мыслям, в них содержащимся. В ста-
тье Зельды Ньюман о поэтессе рассказывается, что, стараясь
поднять настроение, девушки в лагере тайком пели, танцевали,
а Ривка писала стихи. Когда лагерь ликвидировали, написанные
на маленьких листочках, скрученных в трубочку, стихи девушка
спрятала под языком и сохранила.

Ривке посчастливилось выжить, и после войны будущая по-
этесса Басман с помощью еврейских организаций оказалась в

Фрума Ципора с дочерью Ривкой

Ривка с братом

Белграде, с целью эмиграции на историческую родину. Здесь она и художник Шмуэль Костянский (Муля Бен-Хаим) связали свои судьбы. Две талантливые личности объединили не только взаимные чувства, но и единство в стремлении участвовать в борьбе за возрождение своего народа после страшной Катастрофы.

Шмуэль Костянский родился в 1916 году в городе Лида, до 1939 года бывшем в составе Польши, ныне – в Белоруссии. Учился в еврейской школе и одновременно – в музыкальном училище. Пройдя службу в Польской армии, затем учился живописи в Академии искусств Вильнюса. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз был интернирован советскими властями в Среднюю Азию, а после разгрома Германии вернулся в Польшу и принял активное участие в деятельности организации «Браха» по алии еврейской молодёжи в будущий Израиль. Когда Муля и Ривка познакомились, они вместе участвовали в нелегальной переправке еврейской молодёжи в тогда ещё Палестину, подмандатную Англии.

Приехав из Европы в Палестину в 1947 году, молодые поселились в кибуце А-Маапиль. Сразу же Муля и Ривка вступили в Хагану и участвовали в освободительной войне. В 1948 году Ривка включилась в работу поэтического кружка Юнг-Исраэль. Параллельно с работой Ривка окончила учительский семинар, стала преподавателем. Затем изучала английский язык в Тель-Авиве и совершенствовалась в английском языке и литературе в Колумбийском университете Нью-Йорка. Вернувшись, преподавала в школе своего кибуца. Муля в эти годы с успехом занимается живописью, параллельно продолжая учёбу. В 1954-55 годах совершенствуется в

Художник Шмуэль Бен-Хаим

Ривка Басман с выдающимся поэтом на идише Авромом Суцкевером и его женой

внимание читателей-идишистов привлекает сборник «На струне дождя», вышедший в 2002 году. Недавно стихи Ривки Басман были объединены ею в прекрасно изданный двухтомник.

В 1962-65 годах Муля и Ривка находились в Москве, где Шмуэль Бен-Хаим работал атташе по культуре посольства Израиля в СССР. Ривка преподавала в школе при посольстве. Это были годы движения «шестидесятников» в СССР, годы развития самиздата, прорыва современного изобразительного искусства, подготовки подъёма движения «отказников». Естественно, контакты Шмуэля

Академии искусств в Париже.

В Израиле он – уже признанный художник, секретарь Союза художников кибуцев, член ЦК Союза художников Израиля. В 1966-68 году он возглавит этот Союз. Ещё с 1950-х годов Шмуэль Бен-Хаим не раз демонстрирует свои картины на общих и персональных выставках как в Израиле, так и за рубежом.

Ривка в творчестве – под стать мужу. В 1959 году, ещё в период жизни семьи в кибуце, выходит первый сборник её стихов «Голуби у колодца». С тех пор Ривка создала ещё девять сборников, из которых особое

«На струне дождя», книга стихов Ривки Басман

Художник Шмуэль Бен-Хаим за работой

и Ривки с советской интеллигенцией, евреями – деятелями культуры, идишистами сыграли немалую роль в налаживании их связей с западным миром. Много важного удалось осуществить в эти годы атташе по культуре, много полезного для себя и своего творчества

извлекли из пребывания в Москве и супруги Бен-Хаим.

Шмуэль Бен-Хаим – автор фресок в здании Экономической миссии Израиля в Нью-Йорке, автор мозаики в помещении Израильского филармонического оркестра в Тель-Авиве. До самой кончины в 1993 году он публиковал много иллюстраций в художественных журналах. Его работами иллюстрированы все сборники и другие публикации стихов Ривки. И, наоборот, в пре-

Работы художника Шмуэля Бен-Хаима

«Рассыпанные бусы», книга стихов Ривки Басман

красно изданном альбоме работ художника – немало стихов Ривки, связанных с ним лично и его творчеством. При встречах автора этих строк с поэтессой она непременно вспоминала с особой теплотой их тесное содружество в течение всей совместной жизни.

Как художника, Бен-Хаима отличает доброта, почерпнутая им в глубинах души своего народа. Его творчество лирично, в том числе и своей тематикой: много музыки, цветов. У него тоже, как у многих певцов еврейского местечка, - и скрипачи, и дети, но это – его скрипачи, его дети. Это - его произведения, похожие на других разве что

тематикой.

То же можно сказать о стихах Ривки, одновременно лиричных и мудрых, что всегда – признак настоящей глубокой поэзии. И сослаться на характеристику её творчества, данную Зельдой Ньюман: «Хотя ни одна книга в её поэзии не посвящена непосредственно Холокосту, почти всё в её творчестве сохраняет боль и чувство утраты. И в то же время – ощущение спокойствия и комфорта. Спокойствие – в общении с природой, комфорт – в темах дружбы и любви».

Ривка проникновенно выразила своё понимание смысла и места поэзии в современной жизни в одном из своих выступлений в Тель-Авиве, цитаты из которого хочется привести в заключение (помощь в переводе с польского Дины Тайтельбаум):

«В наше время так называемого «постмодернизма», когда царствуют разные литературные стили в панораме искусств, поэзия всегда остаётся на своём постоянном месте. Она – ближайшая принадлежность человечества, так как говорит с чувством».

«Нельзя ответить на вопрос, что такое поэзия, но люди пы-

таются. Время от времени появляются люди, окрылённые поэтическими мыслями, которые кружат вокруг поэзии. Вопрос остаётся открытым».

«В прозе есть тоже поэзия. В то время как поэзия может быть только собой».

«Поэты утверждают, что поэзия возникает из одиночества человека».

«В наше время жёстких перемен в материализованном мире стоит задуматься, как изменится психика человека, его внутренняя жизнь, его страхи, разочарования... Душа человека будет всегда нуждаться в поэзии, как и в давние времена».

«Поэзия, в отличие от литературы в общем, не ограничена ни местом, ни действием».

«Поэзия заставляет голову взрослого иметь сердце ребёнка».

Поэтесса не только глубоко и правильно формулирует смысл и цели своего творчества, но и следует этим выводам в своём творчестве. Её стихи и песни переведены на многие языки мира, включая иврит и английский, польский и немецкий, французский, фламандский и русский. Ривка Басман – лауреат премий: имени Ицика Мангера, Давида Гофштейна и многих других.

Автор этого очерка в процессе работы над ним и доброго общения с выдающейся поэтессой, знакомясь с её талантливыми стихами, перевёл ряд стихотворений. Считаю необходимым поблагодарить за помощь в построчном переводе Дину Шайн-Тайтельбаум, а также композитора Юрия Кремера, написавшего музыку к ряду переведённых стихов. Прочтя и прослушав переводы, поэтесса, которая немного знает русский, дала им высокую оценку, назвав одними из лучших переводов её стихов, за что автор несказанно ей благодарен.

Поздравляя выдающуюся поэтессу идишкайта с юбилеем, предлагаю читателю несколько стихотворений из двух сборников Ривки Басман Бен-Хаим в своём вольном переводе с идиша на русский.

РИВКА БАСМАН

ИЗ СБОРНИКА «РАССЫПАННЫЕ БУСЫ» (1982 год)

Вольный перевод с идиша Михаила Ринского

ЖИЗНЬ

*Живём, ещё не научившись жить,
И умирать – не знаем, не умеем.
Дневные краски не успев сменить,
Мы видим вдруг, что к вечеру тускнеем.*

*Тоскливо нам с собой наедине,
Но не умеем к людям постучаться,
И мы томимся в жизни длинном дне,
Ему желая поскорей кончаться.*

*Мы едем за моря, чтобы найти,
Чтобы вернуть потерянные годы,
Но нам при всём желании не уйти
От времени, от памяти природы.*

*Живём, ещё не научившись жить,
Свой дух лечить не научившись даже.
А ночь придёт... Но поздно нам любить:
Она глуха к тому, что ей расскажем.*

ЗВЁЗДЫ

*У Звёзд есть ореол друзей и близких,
Знакомых круг – не близко, но давно.
А счёт представленных имён немислим -
Звезде их не запомнить всё равно.*

*Звезда – как все: и рода продолженье,
И семьи, дети, внуков чистый смех,
И тёмной ночью – стоны наслажденья,
Общенья, обольщенья – как у всех.*

*Они живут, как все, семьёю тесной,
Лелеют внуков, как и все, точь в точь;
Стараются всегда держаться вместе,
Пока не спустится на землю ночь.*

*Но есть среди неисчислимо многих
Немало тех, кто сами по себе:
Забытых всеми, просто одиноких
В своём таланте, жизни и судьбе.*

*Их грустные страдания омыты
Слезами тайными от всех вдали.
Сравнима горечь слёз Звезды забытой
Лишь с горькой скорбью всей родной Земли.*

ТЕАТР ЖИЗНИ

*Ну вот и всё. Игра без бутафорий.
На сцене – пусто. Тишина и гладь.
И в зале – ни души. Похоже, вскоре
О нас совсем не захотят и знать.*

*Суфлёры не нужны: короче роли.
Не доиграв порою до конца,
Актёры новой современной школы
Снимают грим со своего лица.*

*И впрямь: к чему теперь им эти маски?
Зачем куда-то призывать, вести?
Никто давно не верит добрым сказкам.
Никто не может указать пути.*

*Театр пуст. Остался сторож грозный –
Приходит, чтобы двери все закрыть.
Погасит свет, а с ним – надежды, грёзы...
Хотя бы ночью обо всём забыть...*

РИВКА БАСМАН

ИЗ СБОРНИКА «НА СТРУНЕ ДОЖДЯ» (2002 год).

Вольный перевод с идиша Михаила Ринского

ПЕСНЯ

*Ничто бесследно не проходит,
Всё в мире оставляет след.
И дня, который на исходе -
Его ещё вернётся свет.*

*Смотрите: перелётной птицей
Оставлено перо в траве:
Под лёгким ветром шевелится,
Как память в мудрой голове.*

*Раскачивает ветви ветер.
Проходит жизнь. Летят года...
Что было, будет, есть на свете –
Всё остаётся. Навсегда.*

*Тишина. И облако. И я.
Наш покой нарушил шум дождя.
Дождик словно говорит со мной,
Словно прилетел ко мне одной.*

*Туча льёт, теряя мрачный цвет.
Дождь пройдёт, - и грозной тучи нет.
Я прильну к поющей тишине,
С солнцем возвратившейся ко мне.*

*Бывает день тоски невыносимой,
И день душевных ран неизлечимых
И сердце защитить себя бессильно,
Как куст не может скрыться от дождя,*

*Как мокрый лист на дереве трепещет.
И никого, кто вышел бы навстречу.
Не знаю, будет день ли или вечер,
Когда найдём друг друга ты и я.*

*Как будто в новый путь, всегда и всюду
Спешим, пока деревья все в цвету,
Запечатлеть увиденное чудо,
Найти слова и выразить мечту, -*

*И снова возвращаться в поиск смысла,
Искать, за слово каждое в борьбе,
И отгонять пугающие мысли,
Умом подсказанные, о себе.*

*Как в путь, лучи мы солнца собираем.
Цветенья краски – описать успеть
Торопимся, всегда не успевая
Красу природы всю запечатлеть.*

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДИНАСТИЯ БЛЕХАРОВИЧЕЙ

Несколько поколений этой замечательной семьи музыкантов – это настоящее генеалогическое дерево, основателем и мощным корнем которого был Шауль Блехарович – кантор, дирижёр, композитор, педагог. Два тесно сросшихся ствола:

Шауль Блехарович

его дочь Ализа Блехарович-Гольдберг, дирижёр-хормейстер, певица – исполнительница произведений на идише и иврите, русском, литовском, английском; педагог;

и сын Миша Блехарович, композитор, дирижёр оркестра, музыкальный руководитель театров и ансамбля, аранжировщик еврейской народной музыки, воспитатель сыновей-музыкантов.

Крона дерева – сыновья Миши, Таль и Шахар, крона уже сформировавшаяся, разрастающаяся ввысь и вширь.

Такая вот семейная музыкальность и музыкальная семейственность...

Ализа и Миша Блехаровичи.
Обложка диска

КАНТОР, ДИРИЖЁР, ПЕДАГОГ, КОМПОЗИТОР

Рэб Блехарович, учитель хедера, музыкально одарённый человек, не просто передал свои способности детям, но позаботился об их музыкальном образовании: три его сына стали канторами. Один из них уехал в Аргентину, там пел в синагоге. Другой, Шауль Блехарович, пел в синагоге Каунаса и там же руководил хором. Голос у него был сильный: когда он пел в дружеском застолье, от него отодвигали хрусталь - посуда дрожала на столах.

Сын 20-го века, рождённый в 1904 году, свидетель погромов, революций, возрождения Литовского государства, Шауль Блехарович не мог и не хотел ограничивать себя рамками религиозного образа жизни. Он стал преподавать музыку в Каунасской гимназии. Одной из его учениц в гимназии была в будущем прославленная еврейская певица Нехаме Лифшицайте. Были у него и частные ученики.

Шауль создал и возглавил знаменитый хор имени Ю. Энгеля. Одной из солисток хора была очаровательная Софья, ставшая спутницей жизни и матерью трёх его детей. Две дочери родились ещё в предвоенной Литве. После ввода в эту республику Красной армии и создания Литовской ССР Шауль Блехарович руководил военным ансамблем Дома Красной армии в Каунасе. Всё это время он одновременно преподавал музыку.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз вынудило Блехаровичей срочно эвакуироваться на восток. Вместе с семьями офицеров они оказались в Горьком, откуда вскоре их отправили в Ташкент, а затем Шауль был направлен на 1-й Украинский фронт, где возглавил военный ансамбль. После освобождения Киева Шауля оставили работать в городе, и в 1944-м к нему приехала Софья с дочерьми. Как раз ко Дню Победы семья сделала себе подарок: родился сынишка 6-го мая 1945 года, то есть композитор Миша Блехарович отметил своё 70-летие весной 2015-го, в дни юбилея Победы. Шауль и в Киеве продолжал работать дирижёром военного ансамбля. Но семью тянуло в Литву.

ВИЛЬНЮС: ДЕРЕВО ПИТАЮТ КОРНИ.

По возвращении в Литву в 1947 году Шауль Блехарович возглавил вильнюсский ансамбль Дома офицеров. Одновременно он вёл преподавательскую работу.

Между тем, подросла дочь Ализа, поступила в музыкальное училище, а затем, в 1953-м, в консерваторию на дирижёрско-хоровое отделение, но занималась и вокалом: у талантливой дочери родителей-музыкантов сформировалось замечательное сопрано. Без преувеличения, и Ализа, и, возможно, музыкальное искусство немало потеряли из-за того, что излишняя скромность и занятия хоровой музыкой отвлекли её от истинного её призвания – вокала. У неё и ныне очаровательный голос, в сочетании с высочайшей культурой исполнения.

Композитор Миша Блехарович

Ализа Блехарович - молодая солистка и хормейстер

Шауль Блехарович всё чаще возвращался мыслями к своим народным еврейским мотивам, ко времени своей молодости, к родному языку идишу. И как только представилась возможность, он ею воспользовался: в 1956 году в Вильнюсе был создан Еврейский ансамбль песни и танца. Ализа стала солисткой хора этого ансамбля. В 1957 году, окончив консерваторию, она стала преподавать в музыкальной школе в Вильнюсе.

Подрастал и её талантливый брат Миша. С шести лет начал он заниматься на фортепиано, а уже в 13 лет занял должность концертмейстера ансамбля. В 1961 году Миша окончил школу, через два года – музыкальное училище и уже в 1965 году, в 20-летнем возрасте, возглавил оркестр того же еврейского ан-

самбля, одним из руководителей которого был отец. В том же году и Ализа стала дирижёром хора этого ансамбля.

В короткий срок Вильнюсский еврейский ансамбль, первый на территории Советского Союза столь многочисленный – 180 человек! – и столь масштабный, завоевал авторитет и приобрёл известность и признание музыкальной общественности страны. Более того: он обрёл статус народного театра, поставив масштабный и динамичный спектакль «Фрейлехс», в котором Ализа в роли невесты открылась с новой творческой стороны – драматической актрисы. Вот как рецензировал писатель А. Белов гастролы ансамбля в Ленинграде: «Большой музыкальностью и многогранностью дарования порадовала Ализа Блехарович – дирижёр-хормейстер с волевым, выразительным жестом, обаятельная эстрадная певица и драматическая актриса. Её брат показал себя отличным аккомпаниатором...».

Диск песен на идише в исполнении Ализы, аранжировка и аккомпанемент Миши

Спектакль «Фрейлехс» был возобновлён режиссёром Л.Э. Лурье по прежней постановке Михозлса. Естественно, в то время еврейский ансамбль не мог ограничиться только еврейской музыкой и языком идиш, но руководители делали всё возможное, чтобы приблизить тематику ансамбля к народным темам и включать произведения еврейских, в том числе израильских, авто-

ров. В репертуаре был реквием, посвящённый 20-летию восстания в Варшавском гетто и исполнявшийся на русском, литовском и идише. Исполнялась песня И.-Л. Переца «Все люди – братья» и народные песни. И, конечно, «Танец дружбы народов». Ансамбль много гастролитировал по Прибалтике и другим регионам.

О самоотдаче Ализы в те годы говорит такой случай. По пути в Ленинград она простудилась и выступала с температурой: днём лечилась, а вечерами выходила на сцену, дирижируя, солируя, играя ведущую роль во «Фрейлехсе».

В Ригу Ализа ездила на гастроли после рождения сына, будучи ещё кормящей мамой. Режиссёр не хотел никого другого ставить на роль невесты. Несмотря на протесты мужа и свекрови, Ализе пришлось поехать в сопровождении мамы – «бабушки Сони» с сыном Романом и коляской. Шутили: «Чей это ребёнок? – Ребёнок невесты!».

Нехама Лифшицайте, Ализа Блехарович, деятели идишкайта

Самоотверженности и энергии в работе совсем не соответствует личная скромность Ализы, явно отрицательно влияющая на её известность и востребованность музыкальной общественностью и там тогда, и ныне в нашей стране – при её исключительных качествах как талантливой певицы с прекрасным

сопрано, его диапазоном; с её драматическим талантом, не говоря уже о обаятельной внешности. Недаром отец часто упрекал Ализу, справедливо считая, что она достойна более высоких ступеней на музыкальных пьедесталах.

Отец имел полное право на упреки: сам он отличался большой работоспособностью, в сочетании с общительностью и умением добиваться своего. Недаром же он, вместе с другими руководителями – единомышленниками, создал такой уникальный еврейский ансамбль в таких сложных условиях советской действительности.

Те же качества унаследовал и сын: в 1963 году, окончив му-

зыкальное училище, Миша поступил в консерваторию по классу фортепиано и одновременно возглавил оркестр в еврейском ансамбле. В 1964-м его мобилизовали в армию. Но, служа в ней до 1967-го, он, проходя службу в военном оркестре, продолжал дирижировать в оркестре Еврейского ансамбля и учиться в консерватории. Окончив фортепианное отделение консерватории, Миша продолжил учёбу на композиторском. При поступлении на это отделение он представил комиссии свои песни на идише – их исполнил солист Еврейского ансамбля Ури Абрамович, дружбу и сотрудничество с которым Ализа и Миша продолжают и по сей день.

К этому времени у ансамбля был обширный и разнообразный репертуар: еврейские народные песни на идише, песни отца – Шауля Блехаровича, Мордехая Гибиртика, Ицика Мангера, Гольфадена, не говоря уже о «Фрейлехсе», литовских, русских и советских песнях, композициях...

В период работы с ансамблем Шаулем Блехаровичем – композитором написаны лучшие его произведения, основная тема которых – человек и война. Именно на эту тему отбирает он тексты для своей музы-

Статья с биографией Шауля Блехаровича

ки. Например, «Фалт а Штерн» - «Падает звезда» - в форме аллегории напоминает о Катастрофе еврейского народа: падает звезда – загорается сад. Музыка как нельзя лучше соответствует тексту Иосифа Бухбиндера. Подобные произведения Шауля составляют тематический цикл.

Для Шауля Блехаровича вильнюсский период его жизни и

творчества был апофеозом. Именно в этот период был создан получивший мировую славу Еврейский народный ансамбль, и в этот период от его мощного корня выросли, обрели силу и стали совершенно самостоятельными, но сплётёнными общим корнем два ствола его генеалогического дерева: дочь Ализа и сын Миша. Здесь уместно лишний раз подчеркнуть, по просьбе Ализы и Миши, что создание ансамбля – плод большого труда, наряду с их отцом и ими, и других прекрасных руководителей и энтузиастов, просто в этом очерке речь идёт именно о династии Блехаровичей – их жизни и деятельности во всём многообразии творчества.

ЦЕЛЫМ САДОМ – НА РОДНУЮ ПОЧВУ

В 1971 году в Союзе возобновилась антисионистская компания, причиной которой, очевидно, были очередные успехи молодого Израиля, а поводом – активизация диссидентов. В коллективе Еврейского ансамбля, к этому времени сплочённом постоянным общением на родном языке и воодушевлением победами на Ближнем Востоке, общее возмущение советской антиизраильской пропагандой вылилось в своеобразную забастовку. За исключением немногих, основной коллектив перестал посещать репетиции. И хотя власти призывали к продолжению работы, большинство участников ансамбля подали документы на выезд в Израиль. Понимая, какой резонанс может вызвать отказ в этом случае, власти активно не препятствовали отъезду, за исключением некоторых, имевших допуск и тому подобные «осложняющие факторы».

В 1972 году большинство участников ансамбля собрались уже в Израиле и фактически возобновили работу, дав ансамблю имя «Анахну кан» на иврите, «Мир зайнен до» на идише, «Мы – здесь» - на русском языке. Опубликовали объявление в газете, чтобы собрать всех бывших и пополнить ансамбль теми, кто участвовал в других еврейских коллективах Прибалтики, Молдавии, других республик. Репетировали в Бейт-Лесин, Бейт ха-Ноар в Тель-Авиве.

Первые полгода вообще не получали зарплату даже руководители. Несмотря на это, к концу 1972 года смогли настолько восстановиться и подготовить программу, что дали концерт сразу в «Гейхал ха-тарбут» Тель Авива. К этому времени весть о необычном случае приезда и воскрешения целого уникального коллектива заинтересовала и руководство страны. На концерте присутствовали Голда Меир, в то время премьер-министр Израиля, и Бен-Гурион, тогда уже отошедший от дел.

Дирижировала хором Ализа, оркестром – Миша Блехаровичи. Ализа пела ещё и соло. Концерт прошёл с большим успехом. После концерта к Ализе подошёл генерал Эзер Вайцман, будущий Президент Израиля, пожал руку и сказал: «- Мадам, вы пели прекрасно!»

После концерта на какое-то время ансамбль получил поддержку. Руководство стало получать скромную зарплату, но в общем ансамбль остался самодеятельным. Несмотря на неустроенность, всё же многие участники ансамбля с энтузиазмом тех лет приезжали на репетиции и концерты, которые проходили и на лучших сценах страны, и в малых городах. Ансамбль выезжал в США и Канаду, где дал концерты во многих городах: поездка началась в декабре 1973 года и продолжалась полтора месяца. Прошли гастроли и в Англии, Франции, Мексике.

Параллельно с работой в «Анахну – кан» у Ализы было не-

Ансамбль «Анахну Кан», танцевальная группа

мало «сборных» концертов, куда её приглашали петь соло. Как правило, ей аккомпанировал брат Миша. Неизменно их выступления пользовались большим успехом. Ализе запомнился концерт в Иерусалиме в 1975 году, на

котором присутствовал Михаил Александрович. Отец Ализы знал и дружил с Александровичем ещё в молодости в Каунасе, где оба тогда пели в синагогах. На концерте в иерусалимском Зале конгрессов Александровича встретили и проводили буквально овацией.

По приезде в Израиль Шауль Блехарович не включался в работу с ансамблем. Он руководил хором ветеранов Вильнюса в Тель-Авиве. Жизнь его оборвалась в 1977 году.

Эти годы вообще были нелёгкими для семьи. У Ализы накопились проблемы и сложности в работе с большим хором, которая требовала большой отдачи времени и сил, но того же в эти годы требовала семья, «самые-самые» школьные годы сына. Именно по этой причине ей пришлось отказаться от заманчивых предложений концертных зарубежных турне. Поэтому когда поступило предложение от Министерства абсорбции и Координационного комитета алии о создании к 30-летию Государства Израиль литературно-музыкальной композиции, она вместе с составителем программы Иоси Якоби, чтецом Ритой Варло и

Нехама Лифшицайте и Миша Блехарович

братом — композитором и аккомпаниатором Мишей Блехаровичем отдали много сил этой программе. Десятки раз ими исполнялась эта композиция в самых разных городах, кибуцах — везде, где живут новые репатрианты и есть залы.

Сначала И. Якоби вёл рассказ об истории страны, сопровождая его диапозитивами — от конференции провозглашения государства до барачных палаток олимпиады, осушения болот и прокладки дорог. Каждый период рассказа иллюстрировался

песней, популярной в то время, исполнявшейся Ализой на иврите, с русским текстом на экране в переводах Е. Бауха и А. Владимировой. Рассказ и песни сопровождались музыкальной композицией и аккомпанементом Миши.

Миша в те годы временно прервал работу в ансамбле, посвятив время композиторской работе, а также постоянной должности музыкального руководителя Камерного театра, где он выполнил музыкальное оформление целого ряда спектаклей, драматических и музыкальных. Кроме того, много работ он создал и для театра Идишшпиль. Одновременно он пишет музыку к детским передачам израильского телевидения. Занимается Миша и аранжировкой хасидских песен для фестивалей. Самая известная из них – нашедшая всеобщее признание хасидская «Адон Олям» - «Господин мира» Узи Хитмана. Пройдёт лет десять, и Мишу уговорят вновь вернуться в «Анахну – кан» в качестве музыкального руководителя ансамбля.

Ализа дирижирует хором клуба «Арбетер Ринг»

Ализа с 1987 года стала дирижёром хора имени Клепфиша клуба «Арбетер ринг» и продолжает возглавлять его по сей день. Когда началась массовая алия 90-х годов, композицию И. Якоби, «исправленную и дополненную» событиями и песнями последних лет, вернули на несколько лет. Были и другие программы, исполнявшиеся Ализой и тесно связанные с творчеством брата.

Музыка Миши Блехаровича глубоко профессиональна и мелодична, несмотря на нелёгкие условия в Израиле для композитора, как правило, не имеющего возможности сосредоточиться всецело на чистом творчестве. В рамках очерка невозможно охватить всю палитру художника. Обращают на себя внимание его вокальные произведения, как будто специально написанные для голоса Ализы. В её исполнении звучат особенно мелодично «Пастораль» и «Дас идише ворт» («Еврейское слово»), «Их зинг фар айх» («Я пою для Вас») и «Шолом Алейхем». Нельзя не отметить и «А гите нахт» («Доброй ночи») на слова Иосифа Котляра.

А как звучит музыкальная миниатюра «Зихронот» («Воспоминания») в исполнении Миши собственном (фортепиано), сына Шахара (саксофон) и дочери Майи (труба). Все дети Миши получили музыкальное образование, а сыновья Шахар и Таль стали профессиональными музыкантами.

Одной из масштабных работ, подготовленных композитором Мишей Блехаровичем совместно с сыном Талем, стала большая музыкальная программа – спектакль к 60-летию Камерного

театра, составленная из музыкальных фрагментов его спектаклей.

Одновременно Миша работал над музыкальным спектаклем «Аленький цветочек» для Театра юного зрителя под управлением Шауля Тиктинера, которому он помог ещё в его творческой абсорбции и с которым продолжает успешно сотрудничать. Композитор Блехарович писал и музыку и для театра «Идишпиль», для

Брат, сестра и их дети

программы двух популярных актёров Гади Ягила и Анат Ацмон.

Кстати, интересные композиторские находки и в творчестве дирижёра и певицы Ализы, и сыновей Миши. Обращает на себя

внимание прекрасная песня «Ханэлэ», написанная Ализой на слова Лахит Иуд к одному из фестивалей песен на идише, ежегодно проводившихся в своё время под руководством Натана Гильбоа, но, к сожалению, прекращённых. Другая её прекрасная работа – «Ви а флатерл» («Как бабочка») на слова замечательной поэтессы Ривки Басман. Оба произведения отличает мелодизм и приверженность к классике, сочетание в наше время не столь частое. Творчеством Ализы Блехарович музыка могла бы серьёзно прирасти, имея она возможность сосредоточиться на композиторском поприще.

Инструментальная миниатюра Таля «Мелодия» ещё с десятков лет назад обратила внимание на молодого музыканта. Сейчас его творческий портфель пополнился новыми интересными вещами.

Многие произведения отца и свои Ализа и Миша собрали на диск, изданный к 100-летию со дня рождения Шауля Блехаровича. Изданы и несколько других «семейных» дисков и кассет.

Автор этих строк благодарен замечательной певице Ализе Блехарович за исполнение, с записью на диск, нескольких песен на слова Михаила Ринского, на музыку Юрия Кремера и Марка Штейнберга. Буквально всех, кто слушает эти песни в исполнении Ализы, восхищает её голос и культура исполнения.

Одним из крупных событий в творческой жизни сестры и брата было участие в культурной программе Первого всемирного конгресса литваков, состоявшегося в Вильнюсе в августе 2001 года. Вот что писала вильнюсская «Литовский Иерусалим»: «Участники и гости конгресса получили возможность вновь оценить высокое исполнительское

Диск песен на слова автора книги в исполнении Ализы Блехарович

мастерство Ализы и Миши Блехаровичей (Израиль). Вильнюсские любители музыки до сих пор помнят их отца Шауля Блехаровича, создавшего в 1956 году хор, в котором пели более ста человек. В 1972 году его дети, Ализа и Миша, как и большинство хористов, репатриировались в Израиль, где создали ансамбль «Анахну – кан», который по сей день концертирует. С искусством певицы Ализы и композитора Миши Блехаровичей знакомы ценители еврейской музыки в разных странах».

22 ноября 2013 года состоялся юбилейный концерт ансамбля «Анахну Кан». Понятно, что за три с половиной десятилетия в нашей стране практически полностью сменился состав ансамбля. Но по-прежнему музыкальным руководителем ансамбля оставался Миша Блехарович. Художественный руководитель и хореограф – Эфи Тирош. Концерт - в том же зале «Гейхал а-Тарбут» Тель-Авива, что и первый концерт в стране в 1972 году. На сей раз в зале не было не только выдающихся личностей такого ранга, что на том концерте, но даже кого-либо из правительства. Ну что ж, оставим это на их совести.

Но зал всё равно был полон. Поздравить юбиляров пришло немало выдающихся личностей. Нельзя не назвать Нехаму Лифшицайте, выдающуюся певицу Идишкайта, ученицу Шауля Блехаровича, с семьёй которого её всегда соединяла тесная дружба. Концерт удался на славу. И поздравлений было достаточно. Даже от департамента культуры Литвы основателям и

Нехама Лифшицайте (вторая справа), **Ализа и Миша** (вверху)

ветеранам ансамбля, в том числе Мише и Ализе Блехарович, прислали почётные грамоты.

Приехали поздравить ансамбль несколько солистов Вильнюсского еврейского ансамбля «Фаерлэх», который считается в Литве продолжателем и последователем искусства юбиляра – он также отмечал этот юбилей. Поздравили юбиляров и мэры городов Тель-Авива и Вильнюса. К сожалению, такие масштабные юбилеи – в прошлом...

Сестра и брат Блехаровичи продолжают активную творческую деятельность, чему свидетельством – новые программы, концерты, спектакли, диски. Ализа продолжает возглавлять хор клуба «Арбетер ринг», Миша – музыкальную часть театра «Идишпиль». Уже ясно, что семейная эстафета подхвачена и следующим поколением: Шахар руководит джазовым оркестром на телевидении; Таль пишет музыку к спектаклям.

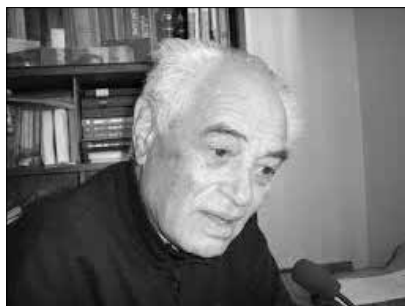
В последнее время семьёй записаны новые диски. В том числе диск произведений Ализы и Миши на русском языке, на слова поэтесс-репатрианток. Исполнила Ализа, аккомпанемент Миши Блехарович. Вместе записали на диск сестра и брат на идише и свои произведения на слова замечательной поэтессы Ривки Басман.

Музыкальная династия Блехаровичей глубоко укоренилась на земле Израиля, её творчество стало одним из украшений нашего народа и государства. Хочется от души пожелать и старшему, и младшему поколениям благополучия, новых и новых творческих успехов.

Поёт Ализа Блехарович.
Аккомпанирует Анна Смолов,
её соратник и друг в течение
многих лет.
За кулисами – замечательная
актриса Шура Турков - Грин-
хойз.

ДВЕ ЖИЗНИ УЗНИКА СИОНА

Лазарь Любарский

«Жертвы и лишения уже не в состоянии приостановить процесс исхода»

Из письма Л. Любарского Н. Подгорному, Январь 1971 года.

«Неважно, дойду ли я, важно, что я на правильном пути. И я уверен: не дойду я - дойдут мои дети».

Л. Любарский. Ноябрь 1971 года

9 мая 1945 года, в День Победы, борт-радист Лазарь Любарский отмечал и своё 19-летие. Ещё юношей он внёс и свой вклад в спасение человечества и своего народа от нацизма. После Победы, а затем и создания государства еврейского народа помыслы Лазаря были связаны с его защитой, становлением и развитием, со стремлением как можно скорей связать судьбу с исторической родиной своего народа, говорить на языках своих предков...

Узники Сиона. Наш народ воздаёт должное первопроходцам, которые с опасностью для жизни и здоровья своих и семьи прорубали брешь в железном занавесе. Причём до 70-х годов мало кто знал о тех, кто начинал свою работу фактически в подполье ещё в годы становления молодого еврейского государства, кто смело вышел из подполья в период хрущёвской «оттепели» и Всемирного фестиваля молодёжи в Москве. И кто в 60-х годах ещё расправлял плечи, читая талантливых шестидесятников и самиздат. Лазарь Любарский – один из тех, в ком провозглашение Израиля в 1948 году вызвало всплеск энтузиазма и желания быть всей душой с теми, кто с первых дней существования еврейского государства отстаивал его независимость.

В Лазаре по сей день живы детские и юношеские воспо-

минания о родном местечковом молдавском городке Бельцы, в 1930-х годах ещё румынском, где он родился в 1926-м и жил до 1941 года. О том самом городке - герое знаменитых мюзикла и песни «Майн штетеле Бельц», восхитивших в своё время Нью-Йорк, а потом и весь мир.

В те годы Бессарабия была в составе Румынии, захватившей её в 1918 году, пользуясь слабостью России после октябрьского переворота. При румынских властях работали еврейские школы на идише и иврите, еврейский банк, общественные организации, были городской раввин и судья еврейской общины.

В 1930 году евреи, которых тогда в Бельцах было свыше 14 тысяч, составляли 60% населения города. Работали пять еврейских школ, больница, дом престарелых. Городок был небольшой, но культурный потенциал был серьёзный. Достаточно сказать, что Бельцы дали еврейскому народу известных поэтов XX века - Якова Фихмана, писавшего на иврите и идише, и Эфраима Ауэрбаха, писавшего на идише. В основном же евреи занимались торговлей, ремесленным производством, а кто и сельским хозяйством. Дед Лазаря был ремесленником. Отец, Моисей Любарский, заведовал складом. У них с женой Шифрой было двое детей: дочь Рахель и сын Лазарь. Жизнь была нелёгкой, поэтому соблюдать еврейские традиции позволяли себе только по праздникам. Улица, на которой жили Любарские, была сплошь еврейская, да и дома говорили на идише. Дети знали его хорошо, но учились в ближайшей русской школе.

Домик, в котором родился Л. Любарский. Бельцы, 2002 г. (Родители похоронены в Бельцах)

В детские и юные годы в Бельцах, как писал Лазарь, он «навек полюбил идиш и пронёс эту любовь через всю долгую жизнь».

В 30-х годах быстро рос антисемитизм, активно разжигавшийся профашистскими партиями, набиравшими силу

в королевской Румынии под влиянием немецкого нацизма. Постепенно антисемиты перешли от слов к делу, шантажируя зажиточных евреев, натравливая и местное бессарабское и украинское население.

Поэтому в 1940 году Любарские, как и большинство евреев Бессарабии, приветствовали Красную армию. Но эйфория продолжалась недолго: начались национализация, раскулачивание и ограничение частника, непомерные поборы поставок с селян. А ещё – прекращение действия еврейских партий и организаций, не только сионистских и религиозных, но и социалистических просоветских. С приходом советской власти в Бельцах работа еврейской общины фактически прекратилась, закрылись еврейские школы.

Памятник евреям – жертвам
Катастрофы в Бельцах

Когда в 1941 году началась война, первыми же бомбардировками были уничтожены и сожжены две трети деревянных домиков города. Семья Любарских успела эвакуироваться. Оставшихся евреев города, в том числе их родственников, ждали расстрелы, лагеря, гетто...

В казахстанском колхозе 15-летний Лазарь, до войны успевший закончить 8 классов, работал наравне со всеми. В 1943 году и он был призван, направлен во Фрунзенское авиационное училище. Но война шла к концу. 9 мая 1945 года, в День Победы, борт-радист Лазарь Любарский отмечал и своё 19-летие. Гвардии старшина продолжал службу ещё три года, за это время получив среднее образование. Так что в том же году демобилизации, в 1948-м, он поступил в Одесский электротехнический институт и в 1953 году получил диплом с отличием инженера по автоматике, телемеханике и связи. Родители после войны вернулись в Бельцы.

Лазарь ещё учился в институте, когда была принята резо-

Дом Любарских в Бельцах

люция ООН и провозглашено создание Еврейского государства. Среди евреев-студентов института, как и среди еврейской молодёжи всего Союза, реакцией на это событие был бурный всплеск националь-

ного самосознания, тем более что сразу молодое государство оказалось под угрозой захвата соседними враждебными государствами. То, что СССР поддержал Израиль в первые месяцы, тем более подогрело страсти евреев страны, а вести об отрядах добровольцев всего мира, отправлявшихся на помощь Израилю, подвигли и советскую еврейскую молодёжь влиться в ряды защитников и строителей молодого государства.

В надежде на такую возможность по всей стране евреи стремились как можно больше узнать о Палестине и Израиле. Началось создание кружков по изучению идиша и иврита. От имени 16-ти студентов-евреев-одесситов Лазарь Любарский, тогда уже молодой член КПСС, отправил письмо в Москву, в единственное тогда в Союзе еврейское издательство «Эмес» с просьбой прислать материалы для изучения идиша, ничуть не предвидя отрицательного ответа и тем более – не опасаясь реакции властей. Но ответ издательства от 23 октября 1948 года был не просто отрицательным: он предлагал обратиться в библиотеки и использовать учебные пособия – конкретные, предназначенные для детей.

Ответ настораживал, и всё же Лазарю и его друзьям было невдомёк, что уже в те дни готовились «дела космополитов», и уже через две недели, 5 ноября, будет разгромлено и закрыто то самое издательство «Эмес». В то время Лазарю и его друзьям повезёт, а многим евреям, не только молодым, предстоит поехать не на жаркий, в прямом и переносном смысле, Средний восток, а на суровые Север и Дальний восток. Будут арестованы и осуждены будущие друзья и сподвижники Лазаря по борьбе, в

то время юные студенты Виталий Свечинский, Давид Хавкин с их друзьями.

В этих условиях многие еврейские энтузиасты, в ком пробуждались, а то и созрели ростки сионизма, вынуждены были временно «уйти в подполье». Так поступил и Лазарь Любарский. Но времени зря он не терял, стараясь подготовить себя к будущей эмиграции, на которую надеялся рано или поздно. По окончании института, работая в столице Северной Осетии Орджоникидзе (Владикавказе) инженером и начальником связи Севкавэнерго, Лазарь поступает в местный педагогический институт, на вечернее отделение, и оканчивает его со специализацией преподавателя английского языка. С середины 50-х годов начали возвращаться из тюрем и лагерей многие выжившие сионисты; началась хрущёвская «оттепель». Всемирный фестиваль молодёжи в Москве пробил первую брешь в «железном занавесе». Большое значение имели и победы молодого Израиля, военные и мирные. Сионисты, всё ещё в подполье, активизируют подготовку, в надежде на дальнейшую демократизацию страны. Немалую роль в этих надеждах играет творчество талантливой плеяды «шестидесятников». Нельзя не упомянуть «Бабий яр»

Е. Евтушенко

На Братскую ГЭС в 1963 году Лазарь Любарский был командирован для наладки автоматики, телемеханики и связи

С 1961 года Лазарь Любарский работает в проектно-институте «Энергосетьпроект» в Орджоникидзе, а с 1966 года – в Ростове-на-Дону, главным инженером проекта и зам. начальника отдела Южного отделения того же института. По делам службы в эти годы Лазарь часто и продолжительное время бывает в Москве, здесь он защищает диссертацию на тему передачи информации по сверхвысоковольтным линиям электропередач – в то время эти проблемы были актуальны в связи со строительством таких гигантов, как Братская ГЭС. .

В Москве Лазарь сближается с активистами всё более мощного правозащитного движения: встречается несколько раз лично с Андреем Сахаровым, близко сходится с сионистскими активистами, в том числе с бывшими «лагерниками», упомянутыми выше В. Свечинским, Д. Хавкиным и многими другими. Большую роль в эти годы играет «самиздат», печатавший как запрещённую литературу, так и информацию о новостях, и отклики и протесты на действия властей.

К началу 70-х годов нараставшее в подполье напряжение сионистских настроений, подобно вулкану, прорвалось наружу. В условиях роста правозащитного движения в СССР во главе с всемирно известным учёным Андреем Сахаровым и мощной поддержки из-за рубежа подчас на государственном уровне, советские власти были вынуждены уступать. Виталий Свечинский, Меир Гельфонд, к примеру, начавшие открытую борьбу за выезд в 1969 году, в 1971 году смогли покинуть Советский Союз. Лазарь Любарский лично проводил товарища по борьбе В. Свечинского.

Сам Лазарь подал документы на выезд в Израиль на постоянное место жительства с женой и

Проводы Виталия Свечинского в Израиль в 1971г.
Виталий - нижний ряд справа. Л. Любарский - верхний ряд справа

тремя дочерьми в сентябре 1970 года. Почти одновременно, 19 сентября, Лазарь совместно с И. Певзнером направляют в газету «Правда» открытое письмо - ответ 52 евреям – участникам пресс-конференции в марте 1970 года против растущего сионистского движения в стране и поддержки его извне. «Хватит, генералы, академики и народные артисты, называть себя евреями... Вместо проповеди ассимиляции, (пресс-конференция) прозвучала для строящихся будущее евреев набатом, пробуждающим их национальное самосознание...»

Лазарь Любарский,
1970 годы

Такой «выстрел дуплетом» власти без ответа оставить не могли, и уже 28 сентября в квартире Любарского произвели обыск, изъяв документы, переписку, еврейские книги и молитвенники, плёнки с записями еврейских песен... В феврале 1971 года, получив от ОВИРа отказ в просьбе о выезде, Л. Любарский обращается непосредственно к Председателю Президиума Н. В. Подгорному. Ему Лазарь напишет ещё не раз. Мало того: письма с протестами против плохого обращения советских властей с «отказниками» он посылает в ЦК КПСС, но ещё и Президенту США, и Президенту Израиля. Радио Израиля на русском языке транслировало его протесты. Л. Любарский становится одним из известных правозащитников и «отказников».

В том же 1971 году Лазарь совершает смелый шаг, способствующий единению и росту движения «отказников»: вместе с видными руководителями борьбы за алию Грузии Г. Цуцуашвили и И. Даварашвили он объехал 15 еврейских общин. Встречались с людьми, участвовали в демонстрациях у ЦК КП Грузии и ОВИРа. Затем то же - в Дагестане. Множество фото переправил в Израиль.

Бликие отношения сложились у Лазаря с талантливым переводчиком с русского и грузинского на иврит Борисом Гапоновым, жившим в Кутаиси. Им блестяще пе-

Из множества сообщений зарубежных газет в поддержку Л. Любарского

реведены на иврит «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, стихи Лермонтова. Много творческих сил отдал Б. Гапонов составлению фразеологического словаря иврита. Он получил разрешение на выезд в Израиль в 1971 году, когда уже был парализован. Л. Любарский и Г. Цуцуашвили привезли его в Москву и на носилках внесли в самолёт. Умер Борис в Рамат-Гане в 1972 году. Когда в конце 1976 года Лазарь приедет в Израиль, он найдёт у матери Бориса Гапонова черновики перевода на иврит 150-ти стихотворений Лермонтова, подготовит их к печати с помощью прекрасного переводчика Шломо Эвен-Шошана и издаст отдельной книгой. Позднее подготовит и издаст ещё две книги творческого наследия Б. Гапонова.

Дом Правосудия,- областной суд, где в феврале 1973 года судили Л. Любарского

Но вернёмся в начало 1970-х годов. Против Л. М. Любарского было возбуждено уголовное дело, но в июле 1971 года дело прекратили, учитывая, что «его деяние потеряло характер общественной опасности». Но Лазарь не удовлетворён: он требует формулировки прекращения дела из-за отсутствия состава преступления. Более того: угрожает прокурору возбуждением иска против него, обвиняет прокурора в антисемитизме.

Тут уж власти не могли пройти мимо подобного. В июле 1972 года в квартире Л. Любарского – второй обыск. Несмотря на то, что ничего противозаконного найдено не было, обиженные прокуроры извлекли из прежнего, закрытого дела обвинение в разглашении государственной тайны, и хотя ни один свидетель не подтвердил этого, в феврале 1973 года Лазарь Моисеевич Любарский был приговорён к 4 годам лишения свободы.

В том же феврале журнал «Сион» отреагировал на этот

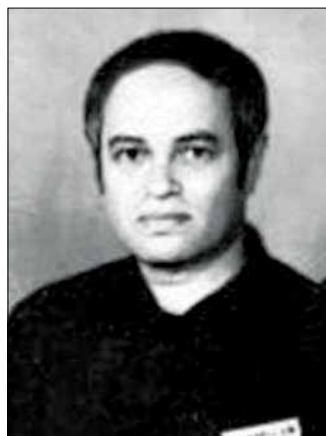
произвол властей статьёй Виктора Польского: «Как и за что осуждён Лазарь Любарский». В конце статьи автор цитирует слова Лазаря, обращённые к Подгорному: «Если бы евреям, стремящимся законно выехать, не чинились препятствия, то не было бы Ленинградского, Рижского, Кишинёвского, Свердловского и Одесского дел, и не будет Ростовского дела, которое мне угрожает... Жертвы и лишения уже не в состоянии приостановить процесс Исхода».

В лагере строгого режима в Белгородской области Л. Любарский отбывал свой срок до 1976 года. Всё это время он ощущал поддержку как со стороны друзей внутри СССР, так и извне, как член когорты узников совести, упомянутых академиком А. Сахаровым в его исторической речи 1 декабря 1975 года при вручении ему Нобелевской премии мира.

- Я прошу считать, - сказал тогда лауреат, - что все узники совести, все политзаключённые моей страны разделяют со мной честь Нобелевской премии Мира. - Среди поимённо названных был и Лазарь Любарский, томившийся тогда ещё в лагере.

Отец Моисей Исаакович, Мама Шифра Лазаревна и дочь Лазаря Элла, ныне живет в Бней Браке, преподаватель музыки и ритмики, мать 8 детей, уже бабушка. Фото 1970 года

Л. Любарский – заключённый

В годы заключения Лазаря семью постигло горе: в Бельцах ушли из жизни мама, а вслед за нею и отец Лазаря.

Выйдя на свободу, в том же 1976 году Лазарь репатриировался с семьёй в Израиль. Теперь тем более ничто их не задерживало.

На исторической родине Любарские были

тепло встречены, в том числе товарищами по общей борьбе, вырвавшимися ранее. Началась вторая жизнь. С самого начала Лазарь получил возможность работать по профессии: начал инженером, а с 1986 года доктор технических наук Лазарь Любарский стал руководителем Нормативно-исследовательской лаборатории Министерства связи Израиля.

Одновременно он продолжал следить за тем, что происходило на его бывшей родине, за судьбами отказников и узников Сиона, участвовать в акциях протеста, направленных на оказание им помощи в выезде из-за «железного занавеса». Много раз он выступал с лекциями и докладами о положении в стране исхода. Лазарь Любарский не раз подписывал декларации в поддержку движения за сохранение еврейских поселений, против политики соглашательства с врагами Еврейского государства. В том числе он – среди 185 авторитетнейших деятелей Израиля, подписавших декларацию, призывающую правительство А. Шарона не отдавать приказы армии и полиции воевать против собственного народа. В амуте узников ЛЕХИ он выступает в поддержку Полларда. А в клубе идишистов Бейт-Левик Лазарь читает лекцию о роли евреев-воинов в победе над нацистской Германией. В Израиле ещё больше окрепла и продолжается дружба Лазаря с бывшими «отказниками» Д. Хавкиным (к сожалению, ныне уже ушедшим из жизни), В. Свечинским и другими.

Одним из общих дел в последние годы была и остаётся борьба за увековечение подвигов героев-евреев в годы Второй мировой войны и Холокоста. Например, Лазарь в числе тех, кто

Лазарь Любарский, Виталий Свечинский, Анатолий Геренрот

Яков Кедми (бывший руководитель «Натива»), Виктор Шварцбург, Давид Хавкин, Иосиф Хорол

поднял вопрос, обращался к властям России, включая В. Путина, и к властям Израиля с целью справедливой оценки и увековечения памяти о восстании в нацистском концлагере смерти Собибор, и прежде всего – увековечения памяти о руководителе восстания А. А. Печёрском. Многого энтузиастам уже удалось добиться.

Одновременно бывший узник обращался в советские органы с требованием своей полной реабилитации. Но лишь после распада СССР постановлением Президиума Верховного суда России от 21 декабря 1994 года Лазарь Любарский был полностью реабилитирован.

В последние два десятилетия, выйдя на пенсию, Лазарь Любарский целиком посвятил свой большой интеллектуальный, творческий потенциал и свою неугасающую энергию сохранению и развитию богатейшего наследия идиша и идишкайта. Он печатает много статей, очерков, эссе в различных израильских и зарубежных газетах, журналах, альманахах. Его работы – на страницах «Лебнс фрагн, Наес цайтунг, «Форвертс» и многих других газет и журналов. Например, серьёзный резонанс имела большая статья Л. Любарского в американской «Форвертс» о Шмуэле Зигельбойме, покончившем с собой в знак протеста против молчания мира в ответ на физическое уничтожение и унижение евреев гитлеровцами.

Тесные дружеские и творческие отношения у Лазаря с творческими деятелями научного центра Бейт Шолом-Алейхем и лично с его руководителем, профессором Авраамом Новерштерном.

В вопросах культуры и истории идишкайта Лазарь тесно взаимодействует с его деятелями, даже если их идеологические позиции не соответствуют его принципам. Он дружил и публиковал совместные работы с диктором идиша и деятелем культуры Михаэлем Вайнапелем Бен-Авраамом); сотрудничает с писателем, редактором и искусствоведам Ицхаком Люденом, публикуя работы в его газете на идише «Лебнс фрагн», с другими приверженцами идиша.

Лазарь часто читает лекции в самых различных аудиториях.

Например, на тему: «Сокровища еврейского фольклора», лекции о национальных праздниках.

Диапазон его творческой тематики поражает. В 2004 году, например, в альманахе «Найе Вэгн» публикуется

После лекции в одном из военных училищ

его эссе о еврейские мотивах и образах в творчестве польской писательницы Элизы Ожешко. О тех же мотивах в творчестве Густава Флобера, Анатоля Франса, Стефана Цвейга и Томаса Манна он пишет в своих работах и рассказывает на своих лекциях. В «обойме» работ исследователя – и «Еврейские мотивы в творчестве М. Лермонтова». До сих пор, несмотря на возраст и здоровье, он продолжает эту серию, печатаясь в газетах и публикуясь на сайтах. Например, в интернет-журнале Леонида Школьника «Мы здесь» опубликована работа Лазаря Любарского «Бетховен и евреи». Многие из перечисленных работ он публикует и в русскоязычных газетах Израиля. В том числе в последнее время – о средневековом философе Уриэле Акосте, о выдающейся певице идиша Нехаме Лифшицайте, о гибели литовских евреев в Холокосте...

Каждый месяц продолжает Л. Любарский публиковать статьи на идише в парижском журнале «Идише Хофтн» - «Еврейские тетради». В свои годы, несмотря на немалую долю тяжёлых жизненных перипетий, Лазарь Любарский полон творческих сил и энергии.

У Лазаря и Галины Любарских – три дочери, 12 внуков и четыре правнука. Галина, врач, отдавшая своей профессии 20 лет в СССР и 20 лет в Израиле, тщательно оберегавшая здоровье беспокойного мужа в самые опасные годы его противостояния с советскими властями, и по сей день на страже покоя и благо-

получия семьи, в то время как энергичный Лазарь всё время – в движении.

В 1998 году на встрече друзей – бывших активистов еврейского движения Лазарь Любарский сказал:

«Благодаря тем, кто пошёл на открытый конфликт с советской властью, кто стал стучать во все двери, рассылать тысячи писем в советские и международные инстанции, поднимать еврейское самосознание в целом, СССР на каком-то этапе вынужден был признать, что евреи не только не ассимилировались полностью в русскую – «советскую» - культуру, но и что многие из них хотят репатриироваться в Израиль».

Честь и слава этим героям-первопроходцам, с великой опасностью для жизни прорвавшимся с факелами в руках, показавшим пример и проложившим путь многим из нас. Но вдвойне слава тем из них, как Лазарь Любарский, не только внёсший достойный вклад в развитие молодой страны, но и, несмотря на возраст, продолжающий вносить бесценный вклад в её культуру, в сохранение и возрождение идиша и идишкайта.

МНОГОГРАННОСТЬ ТАЛАНТА

Моше Сахар читает на идише лекцию в клубе «Арбетер ринг»

Школьный учитель с 40-летним стажем. Поэт на идише и иврите, интересный и своеобразный, на стихи которого написано немало популярных песен, одну из которых исполняла сама Марлен Дитрих. Художник, произведения которого не раз можно было видеть на выставках.

Но не менее интересен Моше Сахар и всей своей биографией.

ИЗ ПАСТИ ТИГРА - В ЛАПЫ МЕДВЕДЯ

Счастье или несчастье казались теперь чем-то вроде пустых гильз, далеко отброшенных могучим желанием жить и чувствовать, что живёшь.

Э.М.Ремарк «Триумфальная арка»

Чтобы в полной мере представить себе этот дом, читателю просто необходимо подключить своё воображение и перенестись в 30-е годы XX века, в польский город Лодзь. В этом многоэтажном муравейнике проживало ни много, ни мало 350 семей, в большинстве - еврейских.

В почти всегда многолюдном дворе говорили на идише. А какой же еврей в то время не любил поговорить с соседями на любую тему - от политики до погромов и от цен до очередных свадьбы или похорон в их доме. Кто только ни жил в доме: богатые и бедные, набожные и безбожники, сионисты и бундовцы, порядочные «а идише мамэ» и проститутки...

Всякое случалось во дворе, и любая новость, а тем более скандал становились достоянием двора. Бывали и свои радости, когда во дворе появлялись бродячие артисты, музыканты, циркачи. Деятилетнему Моше это было куда интересней, чем на унылых уроках в еврейской школе, где учился он не слишком усердно и время от времени выслушивал упрёки и сравнения: вот, мол, какой славной ученицей была твоя мама Гитл - она тоже училась в своё время в этой школе. Можно себе представить, сколько лет было школе - и, между прочим, мало что изменилось с тех пор, даже учебники. И даже директор ещё был тот же, что при маме.

Возиться с 4-летним братишкой Рафаэлем было тоже занятием не из лёгких, но позволяло Моше оправдать очередной школьный провал.

Впрочем, и портному Бинему Сахару, и его жене Гитл, помогавшей ему, приходилось так много и тяжело работать, что и проверить отметки у сына подчас было некогда. Тем более, что все мысли в семье, как и в стране, все разговоры возвращались к одной теме - предстоящей войне. Вопрос только был - когда...

Немцы начали 1 сентября 1939-го. Польская армия не могла противостоять железному кулаку. С самого начала войны пятая колонна польских фольксдойче распространила слухи, что немцы арестуют всех мужчин, тем более - евреев, и толпы мужчин устремились к Варшаве и на восток. Отличной мишенью были эти люди для немецких «мессеров». Всё-таки Бинему удалось перейти советскую границу. Но здесь тоже не было безопасно, да и материальные условия похуже. А как там, в Лодзи, Бинем не знал. Он решил вернуться в Лодзь и либо оставаться с семьёй, либо пробираться вместе с ними на восток.

А тем временем Лодзь уже оккупировали немцы. И вскоре появились во дворе их «еврейского» дома. То ли он им действительно подходил под казармы, то ли это был предлог, но только фольксдойче, местный немец, собрал жильцов дома и приказал к таким-то часам всем выйти без крупных вещей. Было холодно, Моше хотел вернуться за пледом, но ему и этого не разрешили. Их приютила родственница.

Как раз тайно вернулся отец, и первое, что он увидел - десять евреев, повешенных на площади для острстки - их вытащили прямо из магазинной очереди. Всё Бинему стало ясно, и, разыскав жену и детей, он тайно вывел их из города. Долго добирались они до восточной границы. В рамках краткого очерка невозможно передать все перипетии их трудного пути и всю предприимчивость, ловкость и просто героизм, которые потребовались Бинему и Гитл, чтобы живыми и невредимыми, хотя и истощёнными и голодными, вместе с двумя мальчиками тайно перейдя границу, оказаться в Бресте.

В БЕСКРАЙНЕЙ РОССИИ

Когда больше ничего не существует, несчастье перестаёт быть несчастьем. Ведь нет ничего, с чем можно его сравнить. И остаётся одна опустошённость. А потом постепенно оживаешь.

Э. М. Ремарк. «Триумфальная арка».

В приграничном Бресте, только что «освобождённом» и «возвращённом» России, но уже советской, в соответствии с пактом Молотова - Риббентропа, спешно формировались органы новой власти и налаживалась мирная жизнь по принципу: «Хочешь мира - готовься к войне». Поэтому, наряду с приёмом и проверкой тысяч беженцев, шла и «зачистка» возможной пятой колонны, и «перемещение» их вглубь страны в лагеря и на поселения. Заодно – и тех, кто отказывался принять советское гражданство. И просто лишний балласт в приграничной зоне.

Приняли семью Сахар без проблем, хотя и разместили без комфорта - прямо на полу местной синагоги, среди таких же беженцев-евреев. Этот своеобразный «пересыльный пункт» остался в памяти впечатлительного мальчика Моше единственным эпизодом, когда вдруг среди сидевших и лежавших на полу в зале синагоги появился прилично одетый моложавый мужчина. Он представился поэтом и долго читал им свои стихи на идише. В той обстановке это так подействовало на Моше, что, как

он считает, именно тогда он решил стать в будущем поэтом.

Но пока беженцам было не до стихов. Они ждали решения своей дальнейшей судьбы. Но вот, более чем через месяц их пребывания в Бресте, дошла очередь до

Синагога Бреста

семьи Сахар. Сотрудник НКВД, говоривший, кстати, на идише, вежливо объяснил им невозможность оставаться в приграничном городе, после чего их, уже не так вежливо, переправили в эшелон и в теплушках повезли на русский Север.

Везли так долго, что они уже стали путать дни. Привезли в Коми - автономную северную республику, в холодный город Сыктывкар. Затем машиной - в глухой посёлок Рабок. Вместе с другими поселенцами разместили в бараках на окраине, у леса.

Отца отправили работать на лесоповал, мать работала тут же, в посёлке. Сейчас Моше с трудом представляет, как матери удавалось накормить их с братом. Помнит только, как уже под зиму воровал капусту на колхозном поле.

В 1941-м, как только началась война с Германией, поселенцы воспрянули духом: вот-вот немцев разобьют - вернёмся. Бинем решился на смелый поступок: семья Сахар переехала в расположенный неподалеку пристанционный посёлок. Помогла профессия дамского портного: через какое-то время Бинем уже обшивал местную «элиту», и семья уже не бедствовала на фоне общей голодухи военного времени.

Когда в 1943-м бывшим польским гражданам предоставили выбор поселения, Сахары после приполярного Коми оказались в тёплом цветущем Дагестане, в Кизляре. Здесь отец уже свободно шил для зажиточной кавказской знати, и семья жила в более чем нормальных условиях. Отцу платили неплохо, нередко «натурой» - продуктами, а то и бочками знаменитого кизлярского вина. Мать помогала отцу шить. Моше было уже 15, и он, в

силу жизненных обстоятельств будучи не по возрасту предприимчив, после школы реализовывал на рынке «гонорары» отца. Так что семья смогла и отложить хорошую сумму «про чёрный день», как говорится, но они-то рассчитывали на дни светлые, только бы скорей Победа - день конца войны иначе не называли, все ждали его с нетерпением.

К этому времени Моше уже прекрасно освоил русский: учился в школе ещё на Севере, потом - в Кизляре. Учился уже в школе и младший, Рафаэль.

В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

*Ничего, что столько маюсь
С чёрной сотнею в борьбе.
Не сломался. Не сломаюсь
От надлома на бедре.*

Е. Евтушенко. Поэма «Фуку».

И вот, наконец, долгожданная Победа. Оформляют документы на возвращение. Им предлагают Щецин: будущая Польша заботится о заселении новых, приграничных с Германией земель. Сахары согласились.

Но, приехав в этот город, Бинем и Гитл не почувствовали его своим: здесь всё напоминало о немцах, а ненависть была ещё слишком свежа. Посоветовавшись, решили поискать более привычные условия, и Бинем, оставив семью в Щецине, поехал в Кельц, чтобы снять квартиру и перевезти семью.

Но судьба распорядилась иначе. Как раз в 46-м, когда отец был в Кельце, там поляки устроили жестокий погром. Считая, что времена - не те, евреи оказали сопротивление. В числе многочисленных раненых оказался и Бинем Сахар. Железным ломом ему проломили череп, повредили барабанную перепонку. Так он и остался до конца жизни глухим на одно ухо.

В это время в Щецине какая-то мистика подсказала Моше: что-то неладное с отцом. Он ещё не знал о погроме, но как раз в ту ночь ему приснился отец весь в крови. Наутро, узнав о погро-

ме, вместе с матерью бросились в еврейский центр, но Бинема Сахара не было в списках ни убитых, ни раненых. И всё-таки им было неспокойно: вестей от отца не было. Моше с матерью решили ехать в Кельц. Передоверив Рафаэля друзьям, сели в поезд.

Эта поездка запомнилась Моше на всю жизнь. В купе, открывая консервную банку, Моше порезал палец. Пошла кровь. Польша, соседка по купе, не признав в них евреев (Гитл безукоризненно, без акцента говорила по-польски), изрекла: «Хорошо, что среди нас нет жидов: они любят нашу христианскую кровь». Вот такое отношение в Польше было к «жидам», и погром в Кельце не удивляет.

Отца они разыскали в одном из госпиталей: весь забинтованный, ещё не пришедший в себя после сотрясения мозга, он даже не узнал Моше. Гитл пришлось долго выхаживать мужа.

После кельцкого погрома очень многие польские евреи решили навсегда покинуть эту страну. Собрала чемоданы и семья Сахар.

В СВОИ ПАЛЕСТИНЫ

Если вы не будете думать о будущем, возможно - оно для вас не наступит.

Джон Голсуорси.

Для большинства польских еврейских репатриантов той поры путь на историческую Родину, где евреи тогда вели борьбу с англичанами за своё государство, пролегал через Чехословакию, Австрию, Италию. В их числе в одной из нелегальных групп оказалась и семья Сахар. Как и все до неё, группа тайными тропами перешла из Польши в Чехословакию, затем таким же образом - в Австрию и в результате оказалась в американской зоне оккупации этой страны, поделённой тогда союзниками. В лагере «Дени Рейтхофер» на окраине городка Штаер было даже совсем неплохо, кормили сытно, а это было - как рай для юноши, изголодавшегося за время подготовки и переходов через границы. Моше быстро восстановился, и в нём снова проснулась

активность, тяга к учёбе и к чему-то новому, всё время где-то внутри таившаяся и не покидавшая его и в трудные времена. Времени свободного было слишком много, но обидно было зря его растрачивать. Моше взялся за немецкий.

Вскоре он узнал, что сравнительно недалеко, в городе Линце, издаётся газета на идише. Моше предложил свои стихи. Поначалу его «не оценили», но использовали как распространителя газеты. Но постепенно начали печатать его репортажи и стихи. Денег в редакции, как обычно в таких газетах, не было, зато платили пачками сигарет, а они были в то время валютой на равных с деньгами. Печаталась газета на идише латинским шрифтом, но в то время это было привычно.

Пересылка семьи Сахар почему-то задерживалась. Многие уже были переправлены в Италию, многие - и далее, кто-то прошёл через кипрские лагеря...

Но вот в 1948-м провозгласили независимость Государства Израиль, и сразу же началась война с арабами, война не на жизнь, а на смерть. Вот тут 20-летний Моше уже не считал более для себя возможным быть в стороне от событий. Мало того: на одном из собраний в лагерном клубе он вышел на сцену, рассказал, в какой опасности только что провозглашённый Израиль, и предложил собрать боевую группу для срочной помощи.

Человек двадцать записались в группу, подлежащую срочной отправке в Израиль. Закрытыми автомашинами их спешно перевезли в Италию, и военно-транспортным самолётом неопознанной принадлежности, но советского производства, они в тот же день перелетели в Израиль. С военного аэродрома их тут же перевезли в Иерусалим.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ. ИЕРУСАЛИМ.

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто вечно с бою добывает их,
Кто грудью сквозь опасности проходит,
Себе всю жизнь прокладывает путь.*

И.В.Гёте

С первых же дней на Земле Обетованной Моше Сахар с оружием в руках защищал её для своего народа. Но скромно отрицает какое-либо геройство в своём послужном списке: «Воевал, как все» - вот и всё. Это - правда: на такой войне хорошо воюют все, хотя бы даже потому, что отступить некуда. Это Моше хорошо понимал, потому и прилетел на помощь. Свыше года защищал он Иерусалим, в том числе горы Хар Цофим и Хар Цион, служа помощником командира взвода. Взводным офицером был отчаянный парень из России, воевавший там в штрафном батальоне. Его и ребят - друзей по взводу Моше вспоминает добрым словом, а значит и сам он состоялся как солдат.

Моше Сахар в боевом дозоре

В промежутке между боями написал он своё первое в Израиле стихотворение на идише. Товарищ по оружию - звали его Зеэв - перевёл его на иврит, и оно было опубликовано в боевой газете. Забегая вперёд, отметим, что и в дальнейшем он воевал «раз пять», как говорит, ну и, само собой, сборы резервистов - милуимы проходил почти ежегодно.

Ещё в армии Моше решил для себя, что изберёт профессию учителя. Большое влияние оказал на него один из боевых друзей, окончивший университет. Он учил Моше ивриту, и, несмотря на то что Сахар до приезда в Израиль вообще не знал иврит, за время службы в армии восприимчивый солдат его вполне освоил.

В 1949-м, когда Моше был ещё в армии, наконец-то из Австрии приехали отец, мать и брат. Бинем сразу же начал портняжничать. Им предоставили в Иерусалиме бывший арабский дом, они его отремонтировали, и жизнь у них быстро наладилась.

После армии Моше присоединился к ним. Он стал работать в Иерусалиме воспитателем исправительной школы для трудно-воспитуемых детей, нечто вроде трудовой колонии Макаренко,

бывшего для него тогда примером. У Моше ещё не было диплома учителя, да и вообще он понимал, что должен ликвидировать пробелы в своём образовании, бессистемном и прерывистом в течение нескольких лет в России, Польше, а затем в израильской армии. И он, как мог, учился сам.

В доме напротив поселили семью репатриантов из Румынии. Часто у окошка сидела молоденькая симпатичная девушка. Как-то Моше с ней заговорил. Оказалось, что она не знает иврит вообще. Моше предложил ей помочь. Так завязались их отношения. Когда они окрепли и Моше сделал предложение, умная Бэти как бы в шутку возразила:

- Но ведь у тебя пока неясна перспектива. Диплома учителя нет, и кто знает - когда будет.

Что ж, она была права. Конечно, Бэти ему не отказала, но Моше твёрдо решил учиться по-настоящему и получить диплом. Подал заявление в Иерусалимский университет. Те времена в Израиле во многом были схожи с послереволюционными российскими. В 54-м Моше прошёл собеседование и был специальной комиссией, как бывший фронтовик, без экзаменов принят на философский факультет Иерусалимского университета.

Учиться было нелегко: предметы были самые разные, некоторые приходилось осваивать буквально с азов. И осваивал. Но с одним предметом ему повезло особо: прекрасный преподаватель, поэтесса Лэя Голдберг дала ему очень многое в литературном развитии, прежде всего как поэта. Учась в университете, он под её влиянием писал, но немного и, как он сам считает, ещё на студенческом уровне.

Конечно, Моше, с его жаждой знаний, учился бы и учился до окончания полного курса университета, но надо было работать: молодая семья ждала ребёнка. Проучившись год, Моше получил диплом учителя младших классов и на этом поприще проработал 40 лет, всё время совершенствуясь и расширяя свои и кругозор, и диапазон, став поэтом, переводчиком, художником.

До 1959-го года семья продолжала жить в Иерусалиме, а Моше по-прежнему работал в той же школе, но уже учителем. Наряду с этим, он уже в 1957-м всерьёз занялся переводами

и стихами для песен, особенно для театра. Например, известный театр «Шалаш» ставил тогда спектакль по книге Макаренко «Педагогическая поэма». Моше написал тексты к нескольким песням композитора Иоханана Зарая. Одна из них - «Песня шакала» - стала всемирно известной благодаря тому, что её включила в свой репертуар сама Марлен Дитрих.

Интересны были и переводы Сахаром с иврита на идиш знаменитого еврейского народного писателя Польши Мордехая Гебиртига. В университете была издана его антология на иврите, идише - в переводе Моше и на английском - в свободном переводе.

ТЕЛЬ-АВИВ: ТВОРЧЕСКИЙ РАСЦВЕТ

Живопись - это поэзия, которую видят, а поэзия - это живопись, которую слышат.

Леонардо да Винчи

В 59-м закрылась школа, в которой преподавал Моше, и он со своей молодой семьёй - а у них уже росли дочь и сын - переехал в Тель-Авив и продолжил учительствовать в младших классах. А года через два туда же перебрались Бинем, Гитл и Рафаэль, которому было уже двадцать пять. Младший брат ещё в Австрии учился игре на скрипке. В Тель-Авиве он учился и одновременно играл в театре «Шалаш», потом организовал свой театр «Розовый», ставивший спектакли на иврите. Много лет Рафаэль занимался выездными спектаклями для детей.

Так что на театральной почве творческие пути братьев пересекались. В своё время вышли две книги переводов спектаклей с иврита на идиш Моше Сахара.

Изданы и стихи его на иврите. Первая книга стихов называлась «Спрятанное время». Название заимствовано из Танаха, но содержание - светское. Вторая - «Мой любимый для меня построил дом» - по названию популярной песни на иврите на его слова .

В Тель-Авиве Моше продолжал активно работать для театра,

«Мой любимый для меня построил дом» - обложка книги Моше Сахара

оригинальной манере. Его абстракции сочны и гармоничны, графические экспромты - динамичны, портретные зарисовки - выразительны. Моше как художник развивался постепенно, не ставя перед собой амбициозных целей. Он любил рисовать и часто делал это во время уроков в школе для детей. Постепенно творчество увлекало его всё более, и в результате в активе Сахара-художника несколько престижных выставок.

В Тель-Авиве Моше продолжает писать стихи и песни на иврите и идише, не раз выступает с ними перед аудиторией и на радио. Песни на его слова исполнялись и записывались. Известный исполнитель песен на идише Давид Эшет записал кассету целиком из песен на слова Сахара.

Дети Моше состоялись в жизни: дочь - доктор философии; сын представляет за рубежом интересы одного из ведущих бан-

прежде всего для «Идишпиля», которым в те годы и до последнего времени руководил Шмуэль Ацмон. В частности, им была поставлена польская пьеса по роману Ильи Эренбурга «Бурная жизнь Ластика Ройтшванеца». При подготовке текста пьесы на идише Моше не ограничился переводом её с польского, но внёс ещё многое, проштудировав роман на русском в издании 29-го года.

Стихи Моше Сахара образны, полны своих находок благодаря острому глазу и умению высветить мысль. То же, пожалуй, можно сказать о М. Сахаре - художнике, о его ори-

Моше Сахара. Автопортрет

Работы Моше Сахара в разных жанрах

ков Израиля.

Насыщенный жизненный путь прошёл через войны. Опасности и годы постоянного самосовершенствования сделали Моше Сахара, неординарным человеком - учителем, поэтом, переводчиком, художником...

Предлагаю несколько стихотворений Моше Сахара в моём вольном переводе, при работе над которым мне большую помощь оказала Анна Вайнер, за что большое ей спасибо.

СТИХИ МОШЕ САХАРА

Вольный перевод Михаила Ринского

МОЙ ТЕЛЬ-АВИВ

(с иврита)

*Я люблю тебя, мой город.
Мы сроднились. Ты мне дорог.
Я по улицам хожу -
Каждый дом знаком и близок:
Стар и нов, высок и низок -
Я о каждом песнь сложу.*

*Здесь стоять нельзя без чувств:
Вид на море интересный.
Дому моему здесь место,
Да карман, признаться, пуст.*

*Всё мне ценное - в котомке.
В ней - народа скорбь и грусть,
Собранные для потомков:
Знают пусть и помнят пусть.*

*Но сегодня, в честь твою,
Нет ни скорби и ни грусти.
Город мой, тебе пою
С добрым чувством.*

* * *

*Полунищ, полубогатый,
Приласкал тепло меня ты.*

*Принял ты меня, как сына.
А сынишка новый твой
Плохо помнил папы имя.
Но приехал - как домой.*

*С первых дней с тобой сживаюсь:
Грохот, шум. Дома - старьё!
Но как утро - просыпаюсь
С ощущением: «Моё»...*

*Кто-то ищет недостатки.
Город им - что жуть сама:
И фасады не в порядке,
И развалины - дома.*

*«Нас снесут!» - хибары эти
Сами шепчут по ночам.
Слышу, как скрипят, ворчат.
Вижу, как трудяга - ветер
Превращает камень в пыль.
Но в них всё: фасады, стиль,
Словно старое вино,
Разлюбить мне не дано.*

ЧЕМ МНЕ СТАТЬ?

(с идиша)

*Скажи, чем для тебя мне надо стать,
Чтоб ты могла почувствовать, понять?..*

*Быть может, стать дождём мне в небе сонном,
Чтоб каплями жемчужными его
Твою причёску превратить в корону
И, слов не дав сказать ни одного,
Твои сухие губы увлажнить
И пламя страсти мнимой погасить.*

*Быть может, нежным ветром надо стать
И стан твой стройный бережно обнять;
Глаза прикосновеньем пробудить
И вызвать дрожь в тебе, и возбудить,
Чтоб ты могла почувствовать, понять...
Скажи, чем для тебя мне надо стать?*

НЕДОСТУПНАЯ СИНЬ

(с идиша)

*Как невзрачно за оконцем:
Неба синь и яркость дня,
И пылающее солнце -
Всё сокрыто от меня.*

*Протираю окна, мою -
Серость хмурая в окне...
Любоваться синевую
Не дожидаться, видно, мне.*

МОЯ МУЗА

(с идиша)

*Ты остановилась у порога
Мысли нерешительной моей.
То ль не расположена ты к ней,
То ли чем расстроена немного...*

*Опустила голову и руки.
Молча взгляд холодный отвела.
Вижу: музе мысль не подошла.
Лучше я оставлю вас в разлуке.*

СТАТЬИ

КЛАССИК ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шолом Аш

В 2016 году исполняется 135 лет со дня рождения выдающегося писателя и драматурга, классика литературы на идише Шолома Аша. Его творчество, получившее мировую известность, явилось как бы связующим звеном между литературой на «мамэ-лошн» и мировой классикой.

Шолом Аш родился в 1881 году в польском городке Кутно в ортодоксальной семье. Отец его торговал скотом и владел небольшой гостиницей. В семье было десять детей. Шолом получил традиционное еврейское образование: Ветхий завет, древние сказания он знал в совершенстве. Так же глубоко способный ученик овладел ивритом, идишем, польским, русским. Самостоятельно изучил и немецкий.

Шолом много читал, занимался самообразованием. Сведения о современном мире Шолом черпал из произведений Толстого и Гоголя, Диккенса и Гёте. Глубоко религиозные родители, не поощрявшие увлечение сына светской литературой, всё чаще упрекали юношу в отходе от традиций. В восемнадцать лет Шолом покинул родной дом, первое время зарабатывал на жизнь тем, что в еврейских местечках обучал неграмотных, одновременно изучая быт «штетла». Затем переехал во Влоцлавск, где занимался писанием бумаг, прошений и писем за безграмотных.

Первые пробы пера молодого Аша были и на иврите и на идише. В 1899 году он показал их И.-Л. Перецу, который, подбодрив его, посоветовал целиком сосредоточиться на разговорном идише. Печататься Аш начал в еженедельнике «Иуд» с но-

веллы «Мойшеле»(1900 год).

Большую роль в жизни Шолома Аша сыграла встреча и сближение с польско-еврейским литератором М.М. Шапиро и его дочерью Матильдой, ставшей женой писателя. Шолом создаёт одно произведение за другим. В 1904 году он заканчивает роман «Митн штром» («По течению») и пишет пьесу по этому роману. Повесть «Штетл» («Городок») в 1905 году принесла ему мировую известность. В ней, как и в «Богаче Шлойме» (1909), в местечке он видит тёплое, сердечное добродушие, а не мрачный и унылый, как зачастую изображали, еврейский быт. Некоторые критики упрекали автора в идеализации патриархального местечка и благотворительности богачей. В то же время в революционном 1905 году Аш – в рядах демонстрантов. В последующие годы реакции он

С Шолом-Алейхемом в Нью-Йорке, 1916 г.

пишет роман «Разрушение Храма», действие которого – в Польше и Бессарабии, Америке и Украине.

После поездок по Европе, а затем, в 1908 году - и в Палестину, Аш уезжает в США, где публикует в 1913 году большой роман «Мария» и его продолжение «Путь к себе». В них

писатель отходит от местечковой тематики к общим проблемам еврейского мира.

В произведениях Аша появляется социальная тематика. «Мотке-вор» - роман о преступном мире. Писатель ещё не раз вернётся к социальной тематике: «Уголь» (1928), «Ист-ривер» (1947), «Гроссман и его сын» (1954). Но история и проблемы своего народа останутся ведущими в его творчестве: «Во славу Б-жию» (1919) – о муках евреев в 17-м веке. Трилогия «Человек из Назарета» (1943), «Апостол» (1949) и «Мария» (1949) была с энтузиазмом принята прессой США, но еврейская критика отнеслась сдержанно.

Невозможно в короткой статье даже перечислить, тем более прокомментировать и проследить вехи творчества выдающегося писателя. Выйдя за рамки привычной тематики еврейской литературы на идише, Аш связал её с европейской и американской культурами, став первым писателем на «мамэ-лошн», получившим всемирное признание. Он был избран почётным председателем Пен-клуба писателей на идише. В 1932 году он был награждён польским орденом.

Творчество писателя близко людям, по тем или иным причинам вынужденным покинуть свою обитель, независимо от их национальности. Таких людей всё больше в этом мире. Русский эмигрант Михаил Осоргин (вторая его жена Рахиль Гинцберг – дочь киевского раввина) ещё в 1930 году говорил на юбилее Аша о том, что его произведения «...особенно понятны той части русского народа, которая вынуждена жить по чужим странам в расстройстве, подобно еврейскому, в постоянной тоске по своему Сиону. Именно здесь мы поняли, что такое черта оседлости, постоянное ограничение в передвижении, как действуют на душу постоянная подозрительность и незаслуженное неуважение к его нации, виноватой лишь в том, что её боятся духовные мещане Старого и Нового света, дрожащие за своё маленькое житейское благополучие».

Как большой человек мира, Шолом Аш не уходил от глобальных проблем, в то же время во многих случаях соотнося свою точку зрения с велением времени. Так, он не принял Октябрьский переворот, видя в нём врага еврейских устоев. В то же время, по рекомендации Горького, он посетил Советский Союз в 1928 году.

В ответ на слова Зеева Жаботинского: «Если вы не уничтожите галут, галут уничтожит вас» и его призыв нелегально переселяться в

С Максимом Горьким в Москве, 1929 г.

Палестину, Шолом Аш писал: «Надо иметь каменное сердце, чтобы осмелиться появляться сейчас в Польше с таким предложением... Мы не откажемся от права существовать во всём мире». После того как вернувшийся в 30-х годах в Польшу Аш вынужден был уехать во Францию, а затем бежать от нацистов снова в США, он признавал, что был неправ по отношению к призыву Жаботинского. Но, с другой стороны, разве не остаются актуальными и слова самого Аша для диаспор нашего народа?

Шолом Аш был прекрасным чтецом – исполнителем своих произведений. На своём польско-еврейском диалекте он говорил так же сочно и образно, как писал. Встречи с читателями проходили интересно. Доктор Бернштейн вспоминает о вечере в Ровно в 1930 году. Театр не мог вместить желающих евреев со всей округи. Шолом Аш читал отрывки из своей трилогии «До потопа», над которой тогда работал. Герой Зхария Минкин – странствующая душа в гуще событий начала 20-го века в Петербурге, Варшаве и Москве. Затем демонстрировался фрагмент фильма «Дядя Мозес», снятого в Америке по одноимённому роману.

Спектакли и фильмы по произведениям писателя и драматурга ставились во многих странах. Драма «Б-г мести», написанная ещё в 1907 году, была поставлена на русской, польской, немецкой сценах...

Встречу в Ровно, вспоминает Бернштейн, Шолом Аш закончил словами: «Не забывайте, что идиш – клад нашего народа». К этому напутствию хотелось бы добавить, что и выдающийся классик литературы на идише Шолом Аш – бесценный бриллиант в этой сокровищнице.

Десять лет назад 125-летие писателя отмечалось не случайно в Бат-Яме: именно здесь, на улице Арлозоров 50, находится дом-музей Шо-

Шолом Аш, 1940 год

лома Аша, в котором он жил незадолго до кончины в 1957 году и который его жена Матильда Аш-Шапиро завещала ирии города. Одним из создателей и директором музея был известный деятель идиш-кайта Ицхак Грудберг-Турков, после кончины которого эстафета бережного хранения и пополнения музейных ценностей перешла к его жене и другу,

Дом-музей Шолома Аша в Бат- Яме

замечательной актрисе идиш-кайта Шуре Турков-Гринхойз, которой большую помощь оказывали такие энтузиасты, как Симха Морецки.

В музее хранятся подлинная мебель, вещи, коллекции и книги выдающегося деятеля мировой и еврейской литературы Шолома Аша. К сожалению, в последние годы музею со стороны ирии не уделяется должного внимания. Но в клубе на улице Калишер Тель-Авива, где Шура Турков-Гринхойз ведёт интересные встречи по средам, она намерена одну из встреч посвятить памяти выдающегося писателя.

Хочется верить, что память о Шоломе Аше будет вечной, как должен жить в веках и идиш, которому он посвятил своё бесценное творчество.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОДВИЖНИК ИДИША

Мордехай Цанин

10 марта 2006 года в клубе Бейт-Левик отмечали уникальный столетний юбилей: чествовали выдающегося писателя и публициста, редактора, журналиста и переводчика, выдающегося деятеля идиш-кайта Мордехая Цанина.

Далеко не каждому в столь почтенном возрасте удавалось принимать поздравления на сцене переполненного зала клуба, созданного по его инициативе. И хотя «виновник» торжества предстал перед своими соратниками в инвалидной коляске, глаза его сияли, как в молодости. Зал встретил его бурными аплодисментами, не раз повторявшимися в течение всей встречи.

Юбилера тогда представил собравшимся известный деятель театра и диктор радио на идише Михаэль Вайнапель. К сожалению, Михаэль вскоре ушёл из жизни. И сам Мордехай Цанин пережил свой юбилей всего на неполных три года...

...Польское еврейское местечко Соколув-Подляски в начале прошлого века ничем не отличалось от тысяч других, как и семья Цукерманов, её скромных жителей. Как и все еврейские дети в местечке, Мордехай учился в хедере, потом в талмуд-торе. События первой мировой вынудили многие еврейские семьи изменить свой устоявшийся быт, а можно сказать – и позволили вырваться из него. Вот и Мордехай Цукерман, будущий Цанин, в 1921 году, после переезда семьи в Варшаву, получил возможность совершенствовать себя и свои знания, заняться глубоким изучением литературы и истории своего народа – тем, к чему имел особую склонность.

С 1929 года Мордехай начал публиковать рассказы, репор-

тажи, фельетоны в журналах и газетах на идише. Он - на страницах журнала «Уфганг» («Рассвет»), газет «Найе фолксцайтунг» («Новая народная газета»), «Литэ-рарише вохншрифтн» («Еженедельные литературные записки»). Редактировал бюллетень «Бихервелт» - «Книжный мир».

В 1930-х годах Мордехай Цанин активно участвовал в работе партии «Бунд», как литератор отстаивал интересы своего народа, активно выступал за сохранение и развитие идиша. Много внимания Мордехай уделял публикациям для детей, учеников еврейских школ на идише.

В 1933 году выходит его первая книга рассказов «Виват, лэбн!» («Да здравствует жизнь!», а всего через два года, в 1935-м, – роман «Аф зумпикар эрд» («На топкой земле»), обративший на себя внимание цензуры. К концу 30-х годов Мордехай Цанин – уже известный в Польше литератор среди читателей на идише.

Когда Германия 1 сентября 1939 года напала на Польшу, Цанин был в рядах Польской армии, тщетно пытавшейся противостоять железной армаде. В ноябре ему удалось бежать в Белосток, где уже была Красная армия, оттуда – переправиться в Вильно. Получив в консульстве Японии визу на въезд в эту далёкую страну, Цанин через Советский Союз по железной дороге и затем из Владивостока морем добирается до Японии, откуда через Индию и Египет – до подмандатной Палестины, уже в 1941 году. Здесь он встречается с женой, которая из Польши до Эрец-Исраэль добиралась другим путём.

В годы Второй мировой, английского мандата и Войны за независимость молодого государства трудно было всем. И Мордехаю пришлось тяжело работать. Талантливый человек, он в первые годы проявил свои способности в графике, рисунке, дизайне. И печатал репортажи, рассказы на «мамэ-лошн».

В 1947 году Цанин в качестве корреспондента американской газеты на идише «Форвертс» в течение полугода объехал

Мордехай Цанин в
молодые годы

свыше ста польских городов и местечек, опубликовав десятки репортажей об уничтожении еврейства в годы Холокоста и о положении в Польше, где случались уже послевоенные погромы. Многие газеты мира перепечатывали его репортажи, в том числе, в переводе на иврит, и израильские. От преследования польских властей и ареста его спас британский паспорт. В 1952 году репортажи из Польши изданы книгой под названием «Ибн штэйн унд шток» («По камням и руинам»).

Видя, как трудно в Израиле репатриантам из местечек, знавшим идиш, но не иврит, абсорбироваться в Израиле без языка, Мордехай Цанин в 1948 году, сразу после образования государства, стал издавать «Илустриртэр вохнблат» («Иллюстрированный еженедельник»). А в 1949 году, преодолев сопротивление властей, не приветствовавших выход ежедневного издания на идише, основал сразу две газеты: «Лэцте найес» («Последние новости») и Хайнтике найес» («Сегодняшние новости»). Газеты выходили по три раза в неделю поочерёдно, и таким образом читатель на идише имел фактически ежедневную газету.

Об этом периоде известный идишский поэт, этнограф, литературовед Велвл Чернин пишет: «Роман с продолжением печатался, переходя из одной газеты в другую. Сегодня это кажется забавным, но идишистам не казалось забавным, что их язык

Мордехай Цанин,
рыцарь «мамэ-лошн»

и профессиональное занятие объявлены вне закона. Несмотря на все преграды, ещё в начале 1960-х годов идиш был активным средством общения. И лишь с приходом поколения, родившегося в Израиле, идиш был вытеснен ивритом».

Только в 1959 году власти, по личному указанию Бен-Гуриона, разрешили издание ежедневной газеты на идише, после чего Мордехай Цанин объединил газеты, и «Лэцте найес» печаталась ежедневно, в лучшие времена – тиражом до 37 тысяч экземпляров. В таком виде издавалась до конца 1997 года, затем стала еженедельной.

В последние годы редакторы газеты часто менялись. К сожалению, постепенно её тираж сокращался, и уже после столетнего юбилея создателя газеты издание её было прекращено.

Цанин – журналист существовал параллельно с Цаниным – писателем, поэтом и переводчиком: он переводит «Песнь песней» и «Книгу Руфь», пишет романы «Чужие небеса» и «Любовь в ненастье». Главное произведение писателя Цанина – эпопея в шести томах «Артафанус кумт цурик аһэйм» («Артафан возвращается домой») – о судьбе еврейского народа со времени разрушения второго храма до Катастрофы. Роман издан в Тель-Авиве в 1966 году на идише и в 1968 уже переведён на иврит. В 1980 году в переводе с идиша на английский роман издан и в Нью-Йорке. А всего Мордехаем Цаниным опубликовано три десятка книг! Более чем достойный вклад в сохранение и развитие идишкayта.

Помимо всего этого, Мордехай Цанин – инициатор создания Союза журналистов Израиля, пишущих на идише, и клуба идишистов Бейт-Левик, где и проходило чествование юбиляра. Выдающийся идишист отмечен большим числом премий: имени Мангера, имени Шолом-Алейхема и многими другими. Избирался председателем Союза писателей и журналистов на идише, Международного союза еврейских журналистов. Не случайно столетний юбилей выдающегося идишиста в 2006 году собрал столько его приверженцев, соратников, читателей, учеников.

Чествование столетнего юбиляра в «Бейт-Лейвике», 1906 год.

И, представьте себе, в июле того же 2006 года детище Цанина, газета «Лэцте найес», просуществовавшая 57 лет, прекратила своё существование, якобы из-за экономической нерентабельности. Власти никак не поддерживали последнюю в стране массовую газету на «мамэ-лошн». Естественно: ведь много лет газета и её редактор пре-

Фрагмент приглашения на столетний юбилей М. Цанина на идише

пятствовали властям в борьбе за «полную победу рак-иврита» в нашей стране.

Известный писатель, журналист, деятель культуры, редактор последней в Израиле газеты на идише Лэбнс Фрагн Ицхак Люден много лет работал под руководством Мордехая Цанина и считает, что в этот период многому у него научился. Люден высоко оценивает заслуги Цанина в отстаивании идиша перед руководителями Из-

раиля, считает его символом стойкости «мамэ-лошн» в этом противостоянии. «Отношение властей страны к Цанину означало всегда их отношение к языку идиш».

Известный журналист, писатель и общественный деятель Леонид Школьник вспоминает, что когда он брал интервью для «Еврейского камертона» у старейшего еврейского актёра Герца Гроссбарда, отмечавшего в те дни своё столетие, к маэстро приехал поздравить его «фрайнд Цанин» - так обратился к нему юбиляр. «Ты-то до моего юбилея дожил, а я до твоего, наверное, не дотяну, хотя и буду стараться». – весело сказал тогда Цанину Герц Гроссбард. «Увы, не дотянул», - заключает Леонид Школьник.

Хочется ещё и ещё раз отдать дань уважения людям, чьими стараниями и заботами сохранились искры языка и культуры, которые многими считались погибшими в огне Холокоста. Деятельность патриарха идиша, как называли Мордехая Цанина, его соратников и последователей позволила сохранить в еврейском государстве достаточно прочный плацдарм для возвращения и развития интереса к замечательному языку и культуре на нём. А этот интерес растёт, и в этом - заслуга прежде всего таких рыцарей «Мамэ-лошн», как Мордехай Цанин.

ВСТРЕЧА С БОРИСОМ САНДЛЕРОМ

Борис Сандлер, главный редактор газеты «Форвертс»

21 марта 2007 года, в клубе «Арбетер-ринг» на ул. Калишер в Тель-Авиве состоялась интересная встреча с главным редактором нью-йоркской газеты «Форвертс» Борисом Сандлером. В том году было три знаменательные даты: 110-летие первого Сионистского конгресса, 110-летие первого съезда еврейской социал-демократии - Бунда и 110-летие основания газеты на идише «Форвертс». Обо всём этом говорилось на встрече, но, естественно, в центре выступления гостя и вопросов к нему было положение газеты «Форвертс», её перспективы. И, конечно, общим желанием было ближе по-

знакомиться с Борисом Сандлером, личностью неординарной и интересной.

С той встречи прошло более восьми лет, но вся её тематика так же актуальна, да и этот наш репортаж о ней ничуть не устарел. Автор решил включить его в книгу лишь с небольшими дополнениями и уточнениями.

Встречу с Борисом Сандлером, и одновременно очередную встречу клуба «по средам», открыл по традиции его руководитель Михаэль Вайнапель.

«Форвертс», - сказал он, – единственная газета мирового масштаба на идише, которая продолжает активную борьбу за сохранение и развитие этого замечательного языка и культуры Идишкайта. Даже в Израиле, который, казалось бы, должен быть оплотом, хранителем и продолжателем традиций своего народа, фактически продолжается политика «ограничения и вытеснения» ашкиназийской культуры, начатая ещё с первых шагов нашего государства. Фактически недееспособно специальное Управление по идишу и идишкайту при Министерстве

просвещения, получающее мизерные средства на поддержку энтузиастов языка и культуры.

В результате – закрылась последняя в Израиле газета на идише «Лецте наес», и чудом, лишь героическими усилиями Союза Бунд и лично редактора Ицхака Людена продолжал выходить раз в два месяца журнал «Лебенс фрагн». Закрыто и издательство на идише «Перец». На радио «РЭКА» – всего 15 минут вещания на идише.

Та поддержка идишкайту, которую оказывают «Сохнут» и другие организации в диаспоре, тоже явно недостаточна. Даже в США всё труднее бороться за существование и своё, и идиша такой серьёзной газете, как «Форвертс», тираж которой в своё время превышал 200 тысяч экземпляров.

Газета «Форвертс» на идише, Нью-Йорк

С большим и насыщенным докладом о полутысячелетней истории печати на идише выступил Ицхак Люден. Как всегда, на самом высоком уровне спела несколько песен на идише Ализа Блехарович, которой сопровождал её брат композитор Миша Блехарович.

Тепло встретил зал выступление гостя, Бориса Сандлера. По просьбе ведущего он рассказал немного о себе, а затем – о газете «Форвертс» и трудном положении печати на идише в наши дни. Пожалуй, Борис был слишком скромен, рассказывая о себе. А между тем его биография по-своему интересна и необычна для простого рядового в прошлом советского молодого человека.

Рождённый в 1950 году в бессарабском, в то время уже молдавском городке Бельцы в семье выходцев из еврейской колонии, Борис с детства впитал традиции и язык своего народа. Окончив в своём городке музыкальную школу, а затем в 1975 году в Кишинёве – Институт искусств, молодой скрипач был при-

нят в симфонический оркестр Молдавской филармонии. Но Бориса Сандлера влекло к перу, и, начав с прозы на русском языке, он вскоре перешёл на идиш. В 1981 году он печатает новеллы в московском журнале «Советише Геймланд» и в том же году поступает на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького, где как раз была образована первая еврейская группа будущих литераторов и журналистов. Первая его книга на идише «Трэплэх Аруф цу а Нэс» - «Ступени наверх, к чуду» опубликована в 1986 году. Он становится членом Союза писателей СССР и Молдавской ССР и членом редколлегии журнала «Советише Геймланд», а вскоре его книга выходит на русском языке в издательстве «Советский писатель».

С 1989 года Борис Сандлер – в Кишинёве: преподаёт идиш, ведёт программу телевидения «На еврейской улице», редактирует, вместе с Александром Бродским, газету «Унзэр Кол» - «Наш голос». Пишет сценарии к документальным фильмам.

В 1992 году, репатриировавшись в Израиль, Борис работает в Еврейском университете Иерусалима. Возглавляет издательство на идише. Вице-президент Союза писателей и журналистов на идише. Выпускает несколько книг, издаёт детский журнал.

В 1998 году Борис Сандлер получает предложение, лестное для любого журналиста, и переезжает в Нью-Йорк, где работает ответственным секретарём, редактором самой авторитетной еврейской газеты «Форвертс», а затем и главным редактором этой газеты. Он превращает эту нью-йоркскую газету в международную. Одновременно Борис продолжает и литературное творчество: публикует два романа. Участвует в редактировании литературного журнала «Ди Цукунфт» - «Будущее». По воскресным дням ведёт еврейский радиочас. В 2002 году ему

Борис Сандлер на трибуне клуба «Арбетер Ринг». Фото автора

присуждена израильская премия имени Фихмана.

Мы привели здесь лишь основные вехи биографии и деятельности талантливого и энергичного писателя и журналиста отнюдь не с его слов: о себе Борис говорил короче, уделив внимание истории своей газеты и нелёгкому положению её, как отражению положения с идишем и идишкайтом в мире.

Газета «Форвертс» была создана в апреле 1897 года, в период первой волны эмигрантов из Восточной Европы и России. В то время, время отчаянной борьбы евреев за свои и политические, и экономические права, газета была рупором левых социалистов, в том числе бундовцев. Начало XX века, когда миллион еврейских беженцев от погромов в Восточной Европе и России пополнил ряды неустроенных и безработных в США, в мире были ещё сотни газет на идише, а тираж «Форвертс» в период Первой мировой войны превышал 200 тысяч экземпляров. «Форвертс» была ведущей еврейской газетой США.

По ходу изменения обстановки в США и в мире политическая платформа газеты постепенно сдвигалась с социалистических позиций к центру. Более того: уже в 1918-19 годах «Форвертс» начала обнажать подлинные события и позицию большевиков в постреволюционной России, и хотя газета не стала правой, советская власть запретила её распространение. В 1930-40-х годах, наряду с разоблачением нацизма, «Форвертс» выступает с осуждением сначала ограничения, а затем и преследования и запрета деятельности еврейских организаций в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Катастрофа Второй мировой войны нанесла непоправимый урон европейскому еврейству, а вместе с тем идишу и идишкайту. Тяжело отразился этот период и на газете «Форвертс» - ведь среди погибших в Катастрофе большинство говорило на идише, среди них было и немало читателей газеты. Если в 1950-х годах тираж газеты составлял 80 тысяч экземпляров, то в 1970-х он упал до 44 тысяч. На тираже «левоцентристской» газеты сказались и уменьшение процента рабочего класса в структуре американских евреев.

Отрицательную роль сыграла и позиция руководства Из-

раиля, долгое время жёстко притеснявшего и культуру, и прессу – всё, что связано было с этим языком. В этих условиях, когда в молодом еврейском государстве закрывались клубы, газеты и журналы идишистов, сокращалось радиовещание, руководство «Форвертс» предпринимало отчаянные усилия с целью поддержки идиша путём распространения газеты в стране. Было

вложено 70 тысяч долларов, и несколько лет газета перепечатывалась в Израиле в чёрно-белом исполнении, продавалась по минимальной цене. Восемь лет назад, как и сейчас, когда сама «Форвертс» и в США испытывает большие материальные трудности, у неё нет возможности возобновить выпуск в Израиле без поддержки со стороны идишистов и властей Израиля. Борис Сандлер призвал израильтян оказать эту поддержку.

Большую ценность представляют материалы, накопившиеся в архивах газеты

– и с литературной, и с исторической точек зрения. Многие из них ждут своих спонсоров для публикации, тем более в условиях возросшего в последнее время интереса к еврейской истории, идиш-кайту и самому идишу.

Чтобы привлечь к

В президиуме – Б. Сандлер, М. Вайнапель, И. Люден. Поёт Ализа Блехарович. Аккомпанирует Миша Блехарович. Фото автора

Газета «Вайтер» – ежемесячный выпуск на «лёгком» идише

идишу репатриантов, плохо знакомых с языком, а также детей и подростков, «Форвертс», ставшая газетой еженедельной, начала выпускать ещё и ежемесячное издание «Вайтер» – «Дальше»- на «лёгком» идише, рассылая её во все клубы, школы, высшие учебные заведения и по подписке. Тем самым «Форвертс» стремится присутствовать и оказывать помощь всюду в мире, где ещё «теплится» идиш, не теряя надежды на возрождение интереса к этому языку и идишкайту.

Выступление главного редактора газеты Бориса Сандлера многочисленная аудитория клуба выслушала в полной тишине, с большим вниманием, и затем тепло аплодировала, воздавая должное неутомимому подвижнику.

В последнее время пробуждается интерес к «мамэ-лошн», к идишкайту, и остаётся надеяться на то, что активные усилия таких энтузиастов, как Борис Сандлер, Ицхак Люден и многие другие встретят, наконец, отклик и поддержку со стороны властей и состоятельных людей нашей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>Лазаря Любарского</i>	3
От Автора	6
Великий певец и кантор. <i>Михаил Александрович</i>	8
Редактор, писатель, искусствовед. <i>Ицхак Люден</i>	19
Стойкость. <i>Иосифа Фрайнда</i>	33
С идишем - через всю жизнь. <i>Михаэль Вайнапель</i>	55
Подчинивший себе судьбу. <i>Арон Шапиро</i>	62
Воля к жизни. <i>Дина Шайн-Тайтельбаум</i>	73
Факел идишкайта. <i>Шура Турков-Гринхойз</i>	96
Народный художник, народный поэт. <i>Моше Бернштейн</i> ..	108
Выдающаяся поэтесса современного идиша. <i>Ривка Басман</i>	121
Музыкальная династия <i>Блехаровичей</i>	132
Две жизни узника Сиона. <i>Лазарь Любарский</i>	146
Многогранность таланта. <i>Моше Сахар</i>	159

СТАТЬИ

Классик еврейской литературы. <i>Шолом Аш</i>	174
Выдающийся подвижник Идишкайта. <i>Мордехай Цанин</i> ..	179
Встреча с <i>Борисом Сандлером</i>	184

В 2010 – 2015 годах издано 12 книг Михаила Ринского, в том числе 11 – на русском и одна – перевод одной из них на иврит.

Краткое содержание книг:

«В жизненном водовороте» - стихи разных лет: гражданские, лирика, юмор.

«Жизнь и борьба» - очерки о трудных судьбах, мужестве и силе воли польских евреев, переживших Катастрофу.

«Китайские евреи» - очерки об отважных евреях-первопроходцах в Китае, членах Ассоциации евреев-выходцев из Китая.

«Белоруссия – Израиль» - очерки о трагедии и героической борьбе с нацистами белорусских евреев, их вкладе в возрождение Беларуси и затем – в оборону и развитие Израиля.

«Воин трёх армий» - о легендарном старшем сержанте Красной армии, полковнике Войска Польского и генерале Израиля Романе Ягеле.

«Воин трёх армий» в переводе на иврит.

«Союз стойких» - о стойких людях, ветеранах и инвалидах Второй мировой войны.

«Тяжёлый XX век» - повести, очерки и рассказы о судьбе семьи автора в двух мировых войнах, о «делах» космополитов и врачей, о похоронах Сталина, Фестивале-57, о Е. Евтушенко и многом другом.

«В жизненном водовороте» - книга стихов под тем же названием, но значительно расширенная новыми разделами, в том числе переводами.

«110 басен нашего времени», во многих из которых новые «современные» персона-жи «открыты» автором.

«Не столько в шутку, как всерьёз» - сборник «малых форм» стихотворного творчества: в две и четыре строки, эпиграммы и эпитафий и оригинальных находок автора.

«Жизнь и борьба» - книга под тем же названием, что книга 2-я, но значительно расширена и посвящена горячим приверженцам языка идиш и культуры идишкайта.

Контактные телефоны автора:
(+972) 3 6161361 (+972) 545529955
e-mail: rinmik@gmail.com

Михаил Ринский
ЖИЗНЬ и БОРЬБА

Редактирование и дизайн – **Михаила Ринского**
Графика и подготовка к печати – **Ирина Менабде**

Издатель - типография – **דפוס דיגיטלי ב.ג.ג.**
בשיתוף עם בית שלום עליכם

Тель-Авив - 2015

На обложке внизу - рисунок Моше Бернштейна «Поминальная свеча»